

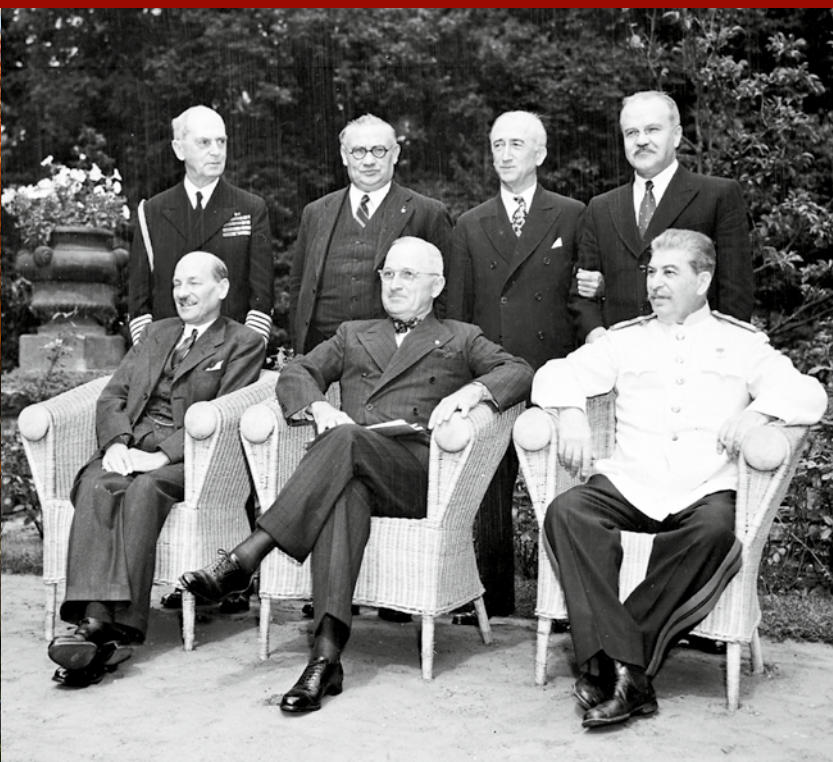
РУССКАЯ МЫСЛЬ

LA PENSEE RUSSE

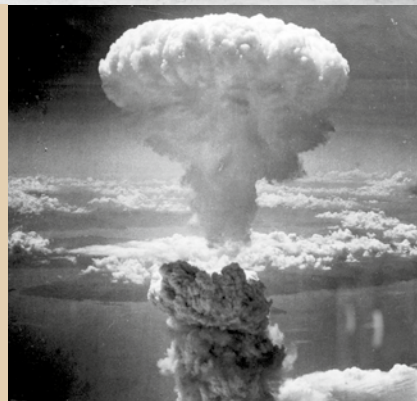
№168/7-8 (5039)
ИЮЛЬ – АВГУСТ 2025

На русском
и английском языках

Журнал основан
в 1880 году
www.RussianMind.com



**80-летие
окончания
Второй мировой
войны**



UK £4.00
Germany, Austria, Italy,
Luxembourg, Portugal, Estonia ...€5.50
Belgium, Greece €5.50
France, Spain €5.60
Switzerland 5.60 CHF
Hungary 2290 HUF
Poland 26.90 PLN



СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ «РУССКАЯ МЫСЛЬ» НА 12 МЕСЯЦЕВ

На территории Великобритании – 65 GBP **ГОДОВАЯ**
По странам Евросоюза – 70 EUR **электронная подписка –**
Остальные страны – 88 EUR **30 EUR**

ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОДПИСКИ ВЫ МОЖЕТЕ:

1. Оплатить подписку на сайте журнала
«Русская мысль»:
russianmind.com/payment/
2. Оплата через
платформу
Isubscribe:



ВАЖНО:

После осуществления оплаты Вам нужно отправить подтверждение оплаты и Ваш домашний адрес на электронную почту subscription@russianmind.com с пометкой «Подписка»

СЛОВО РЕДАКТОРА

ЛЕТО НАШЕЙ ПАМЯТИ

«Есть только миг между прошлым и будущим. Именно он называется жизнь», – поется в песне из популярного фильма. Автор слов этого эстрадного хита советской поры предлагает всем нам «держаться» за миг, то есть дорожить настоящим. Он, наверное, прав. Ибо настоящее является продолжением вчерашнего, вот и получается, что без прошлого не может быть и будущего.

Так уж вышло, что этот летний номер нашего журнала хронологически оказался между двумя важными для России круглыми датами: 80-летием Победы над нацизмом в Великой Отечественной войне и 80-летием окончания Второй мировой. Поэтому и первая часть «Русской мысли» посвящена итогам самой страшной из войн. И прежде всего – решающему вкладу Красной армии в победу союзников над милитаристской Японией.

Мы расскажем о конференции в Потсдаме, разгроме Квантунской армии (в ней было около 40 дивизий – больше, чем во всей Тихоокеанской зоне) и об интригах токийских властей вокруг подписания на линкоре «Миссури» договора о безоговорочной капитуляции Японии...

Все это дополняют фрагменты из книги нашего автора, известного писателя Валерия Поволоева о работе в императорской Японии, группы разведчиков-интернационалистов во главе с журналистом и дипломатом Рихардом Зорге.

Историческая часть нашего выпуска удивительным образом переключается с датой, которую грех не отметить, – это 180-летие со дня рождения российского

императора Александра III. Именно он, прозванный современниками царем-миротворцем, сказал слова, которые можно было бы сделать эпиграфом к исторической части нашего журнала: «У России есть только два союзника – ее армия и флот».

Впрочем, довольно о военных реминисценциях! Это лето богато и датами из культурной жизни России. Исаак Левитан, Дмитрий Мережковский, Юрий Трифонов, Владимир Высоцкий...

Есть в номере и рецензия на новую книгу Аисы Даншох. Писавшей под этим псевдонимом Марии Копьевой, к великому сожалению редакции «Русской мысли», уже нет с нами. Буквально накануне отправки в печать нового номера журнала этого талантливого человека и красивой женщины не стало...

Не могли мы, конечно, не вспомнить и о Юрии Григоровиче. После недавнего ухода из жизни этого великого русского хореографа мировой балетный мир словно осиротел. Его долгая славная жизнь – он начинал выступать у самого Сергея Дягилева! – осветила особыми красками весь театральный XX век...

Лето это и святые праздники Преображения Господня и Успения Богородицы. Не говоря уже о том, что 28 июля – день Крещения Руси, наше национальное торжество на все времена. И, безусловно, макушка лета, его апогей – это 7 июля, День Ивана Купалы. После него, считается, лето идет на закат.

Доброго вам чтения нового выпуска «Русской мысли», дорогие читатели!

Кирилл Привалов

РУССКАЯ МЫСЛЬ
№168/7–8(5039)
ИЮЛЬ – АВГУСТ 2025

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Анатолий Адамишин
Митрополит Антоний
Ренэ Герра
Александр Трубецкой
Дмитрий Шаховской
Петр Шереметев
Сергей Ястржембский

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Кирилл Привалов
kp@russianmind.com

ОТВЕТСТВЕННЫЙ
и ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР
Карина Энфенджян
karina@russianmind.com

РЕДАКТОР ИСТОРИЧЕСКОГО ОТДЕЛА
Вячеслав Катамидзе

ДИРЕКТОР ПО РАЗВИТИЮ
Александр Машкин
am@russianmind.com

КРЕАТИВНЫЙ ПРОДЮСЕР
Василий Григорьев
cp@russianmind.com

ДИЗАЙН
Роман Малофеев
design@russianmind.com

ПЕРЕВОДЧИКИ
Лилия Сергеева, Дмитрий Лапа

ПО ВОПРОСАМ
РАЗМЕЩЕНИЯ РЕКЛАМЫ:
sales@russianmind.com

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
distribution@russianmind.com

ПОДПИСКА:
subscription@russianmind.com

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Улица Юрия Гагарина 231, 11073,
Белград, Сербия

ОБЛОЖКА:
Коллаж на тему окончания
Второй мировой войны



ПРИ ПОДГОТОВКЕ НОМЕРА БЫЛИ
ИСПОЛЬЗОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ
ИСТОЧНИКИ:

historyrussia.org, wikireading.ru, zvezdaweekly.ru,
bolshoi.ru, mk.ru, kp.ru, foma.ru, proza.ru;
foto: wikipedia.org/wikipedia/commons,
commons.wikimedia.org

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в сообщениях информационных агентств, рекламных материалах и объявлениях. Редакция не имеет возможности вступать в переписку и не возвращает рукописи и иллюстрации. Редакция не предоставляет справочной информации. Перепечатка материалов из журнала «Русская мысль» – только по согласованию с редакцией. О случаях отсутствия в продаже журнала «Русская мысль», нарушениях сроков доставки и других недостатках в нашей работе сообщайте по номеру +44 (0) 203 205 0041 или пишите на e-mail: rmoffice@russianmind.com
ТИРАЖ: 7000 ЭКЗ.

ТЕМА НОМЕРА

6 ПОСЛЕДНИЙ АККОРД
В САМОЙ СТРАШНОЙ
ИЗ ВОЙН

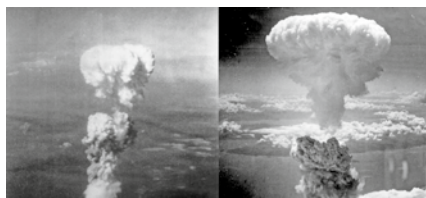
Стратегические решения советских генералов, разгромивших самую мощную армию в мире за четыре года, обеспечили победу и над Квантунской армией, но всего за полторы недели.

ИСТОРИЯ:
ОКОНЧАНИЕ ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ**12** ЗА КУЛИСАМИ
ПОТСДАМСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

Потсдамская конференция оказалась последней в цепи совещаний глав государств антигитлеровской коалиции.

20 НА СОПКАХ
МАНЬЧЖУРИИ

Наступательная операция на Дальнем Востоке имела огромное военно-политическое значение.

24 ЧЕРНЫЙ ДОЖДЬ
НАД ХИРОСИМОЙ
И НАГАСАКИ

Восемь десятилетий назад человечество впервые познало страшную силу атомного оружия.

30 РЕВИЗИИ
НЕ ПОДЛЕЖИТ

Без вступления в войну СССР американцы не смогли бы быстро покорить Японию с помощью атомного оружия.

36 ПОЧЕТНАЯ МИССИЯ
СЫНА КАМЕНОТЕСА

Под Актом о безоговорочной капитуляции Японии стоит подпись генерал-лейтенанта Кузьмы Николаевича Деревянко, представлявшего советскую сторону.

ИСТОРИЯ

40 СТО ЛИЦ
ИМПЕРАТОРА

В этом году исполнилось 180 лет со дня рождения российского императора Александра III, прозванного современниками Миротворцем.

50 КРУШЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ
И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Брестский мир был заключен руководителями большевистского правительства в 1918 году, когда разгром германского империализма был уже неминуем.

КУЛЬТУРА

58 МОЛИТВА
НЕМОЙ ДУШИ

30 августа 1860 года родился один из самых знаменитых пейзажистов Российской империи, академик Императорской Академии художеств Исаак Левитан.

64 ГЕНИЙ
РУССКОГО БАЛЕТА

Памяти Юрия Григоровича.

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ВЕСТНИК**70** НАСЛЕДИЕ
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ В НИЦЦЕ

Французский суд постановил: до-революционная церковная недвижимость в Ницце является собственностью России.

74 ПРОИСХОЖДЕНИЕ
И ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Церковные праздники конца лета.

РЕЦЕНЗИЯ

80 БЫЛЬ, ПРЕВРАЩЕННАЯ
В СКАЗКУ

По страницам книги Алисы Даншох «Истории из пропавшего чемодана. Мифы Лазурного Берега / Культурологические эссе».

ЛИТЕРАТУРА

86 «И ВСЕ СВЯЩЕННОЕ
ОБЪЕМЛЕТ
ТИШИНА...»

К 160-летию со дня рождения Дмитрия Мережковского.

90 ВСПОМИНАЯ ЮРИЯ
ТРИФОНОВА

К 100-летию со дня рождения выдающегося советского писателя, мастера «городской» прозы.

92 ЯПОНСКИЙ
ЛАБИРИНТ

Предлагаем вниманию читателей фрагменты книги известного российского писателя В. Д. Погодина о Рихарде Зорге.

ПАМЯТЬ

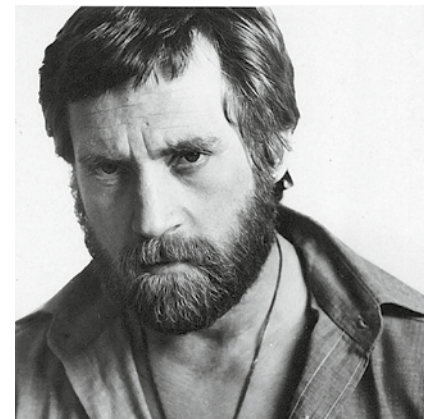
104 НЕВОСПОЛНИМАЯ
ПОТЕРЯ

27 июня ушла из жизни Мария Копьева, известная тысячам читателей как писательница Алиса Даншох, автор «Русской мысли».

СОБЫТИЯ
И ИНФОРМАЦИЯ**108** В ИЮЛЕ
И АВГУСТЕ 2025

Союз русских писателей и журналистов в Париже; Школа медиапроектов в Музее им. А. А. Бахрушина; Фестиваль в Новом Иерусалиме.

АРХИВНЫЙ ПОДВАЛ

111 ВЛАДИМИР
ВЫСОЦКИЙ

Все его творчество пронизывает страсть к вневременной России.

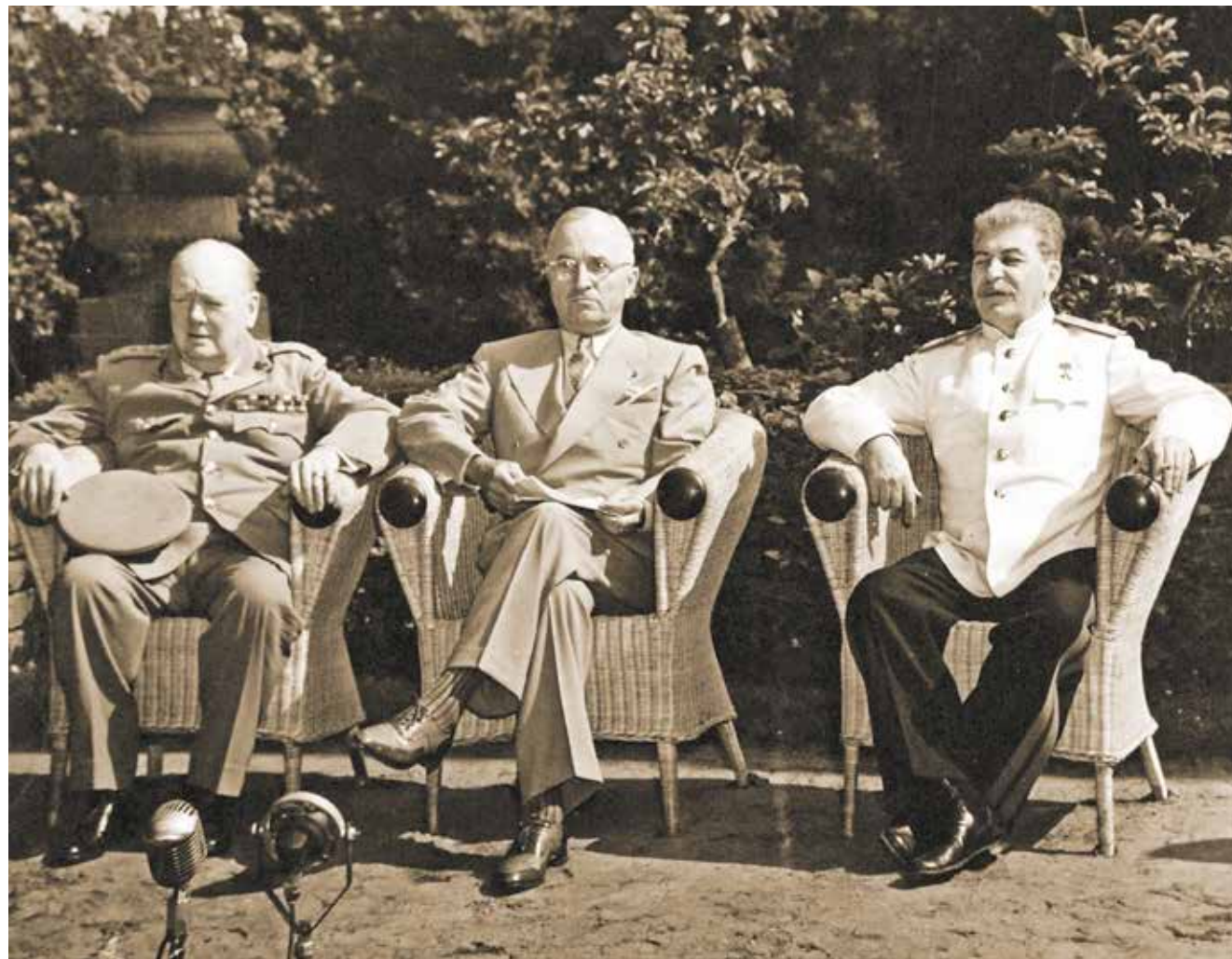
ЧИТАЙТЕ В НАШЕМ
ЖУРНАЛЕ СТАТЬИ
НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

ИСТОРИЯ: ОКОНЧАНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПОСЛЕДНИЙ АККОРД В САМОЙ СТРАШНОЙ ИЗ ВОЙН

Стратегические решения советских генералов, разгромивших самую мощную армию в мире за четыре года, обеспечили победу и над Квантунской армией, но всего за полторы недели

ВЯЧЕСЛАВ КАТАМИДЗЕ



У. Черчилль (28 июля его заменит К. Эттли), Г. Трумэн и И. Сталин в дни Потсдамской конференции. 25 июля 1945

По подсчетам специалистов по истории Второй мировой войны, к 80-летию исторической победы союзников над Германией

и ее сателлитами в ведущих средствах массовой информации 20 крупнейших стран мира появилось более 12 тысяч статей,

посвященных последнему периоду войны и ее итогам. И в каждой из них детально обсуждались события завершающего

периода войны, включая капитуляцию Японии.

Относительно самой капитуляции мнения авторов всех этих статей разделились на три группы: авторы первой группы считают, что ядерные удары ВВС США по городам Хиросима и Нагасаки решили судьбу империалистической Японии: дальнейшее сопротивление было просто бесполезным.

Вторую группу составляют в основном русские и китайские историки, которые считают мощным завершающим аккордом Второй мировой войны разгром японской 850-тысячной Квантунской армии советскими войсками, в результате чего был практически уничтожен стратегический резерв японских вооруженных сил и японские острова лишились эффективной береговой защиты.

Наиболее многочисленную группу историков составляют те, кто, учитывая оба изложенных фактора, приходят к выводу, что Япония с самого начала не имела никаких шансов на успех в этой войне, потому что ее важнейшим противником стали США, обладавшие на тот момент гигантским военно-промышленным потенциалом, огромным авианосным флотом и судостроительными возможностями, с которыми не могли сравниться все страны Азии.

Прежде чем начать повествование о том, как США после Перл-Харбора, а советские войска после вступления в войну против Японии в 1945 году противоборствовали с японской военной машиной, скажем несколько слов о том, что из себя представляла в то время Страна восходящего солнца.

В Японии существовал режим, получивший название «японского милитаризма». Его идеологической основой являлись все возрастающая роль военных в жизни общества и поклонение военной силе. По сути, военные стали

особым привилегированным классом в стране уже в конце XIX века, а с начала XX-го и до самого окончания Второй мировой войны этот класс доминировал в общественно-политической жизни, определяя главные направления развития не только вооруженных сил, но и японского общества в целом.

При этом японский милитаризм был особого рода. То была смесь политики японо-центричного развития во всей Юго-Восточной Азии и возвеличивания боевого духа японского народа с основными требованиями самурайского кода. Читатель легко догадается: то был агрессивный шовинизм. Соответственно историки считают, что внешняя политика японского государства была околорашистской.

К этому надо добавить, что с последней четверти XIX века все больше возрастала роль синтоистского духовенства. Синтоизм, или «путь богов», – это традиционная японская религия, корни которой уходят в древние анимистические верования японцев, основанные на почитании множества божеств, называемых «ками», а также духов природы. Синтоизм был провозглашен государственным культом, обязательным для всех японцев, и главным объектом культа был император.

Если учесть, что синтоизм был связан и даже в какой-то степени переплетен с культурой морально-этического кодекса самураев «бусидо», где дисциплинированность и подчинение начальству считались благом, неудивительно, что этот сплав воззрений вылился в итоге в идейно-политическую концепцию, которую ни один японец не мог оспаривать: японская нация и ее культура уникальны, Япония стоит намного выше, чем страны, не достигшие такого уровня развития. Следовательно, Япония имеет право владычествовать – и не только в своем регионе!

Историки отмечают, что японский милитаризм не сформировался в результате государственного переворота и не сопровождался существенной перестройкой государственного аппарата; он стал следствием эволюции политической культуры страны. Но нет сомнений в том, что его усиление происходило особенно быстро в 1920–1930-е годы под влиянием националистической и фашистской идеологии европейских стран, прежде всего Германии и Италии.

Опыт боевых действий на Тихоокеанском театре уже с первого дня показал, что, несмотря на тяжелейшие потери, понесенные флотом США в ходе атаки японских сил на Перл-Харбор, военнотехнические средства американцев, судя по всему, были лучше, чем японские.

Тихий океан считался американцами зоной не только стратегических, но и государственных интересов, и в этом плане борьба с Японией была в ходе всей Второй мировой войны приоритетным направлением в военнополитических акциях Соединенных Штатов.

На то чтобы подвести милитаристскую Японию к окончательному поражению, были направлены усилия США на протяжении всех лет войны на Тихом океане. И понятно, почему. Япония была их единственным соперником во всем Тихоокеанском бассейне, к тому же самым опасным, потому что имела опыт вооруженной борьбы в Китае, Корее и в других странах Юго-Восточной Азии.

Если оценивать шансы Японии на победу в этом единоборстве, то их у Японии не было даже после Перл-Харбора. Военно-морские силы США могли действовать вблизи и вокруг японских островов, нарушать японские морские коммуникации и наносить удары по тихоокеанским островам,



Моряки-десантники Тихоокеанского флота водружают флаг над Порт-Артуром. 25 августа 1945

на которых находились японские базы и гарнизоны; что же касается континентальной части США, то после Перл-Харбора она стала практически недостижима для японских ВМС и ВВС.

Но у трагедии Перл-Харбора была и другая сторона: она вызвала в США мощную волну патриотизма, ненависть к коварному, вероломному врагу. В стане гитлеровских союзников пожимали плечами: там считали, что потери американского флота не так уж и велики. Японцы потопили пять линкоров из семнадцати (три потом удалось вернуть в строй), а всего было потоплено или повреждено 18 из 90 судов, стоявших в гавани. Погибло 2402 офицера и матроса флота, была уничтожена почти вся авиация военной базы, все ангары и склады оружия и топлива.

Впрочем, американцы быстро компенсировали потери во флоте. Уже к середине Второй мировой

войны Соединенные Штаты обладали таким судостроительным потенциалом, что были способны спускать на воду по два и даже три военных корабля основных классов, от авианосцев до подводных лодок, каждый день!

Получается, что японцы своим ударом в «Жемчужной бухте» обеспечили рождение военно-морской супердержавы, обладающей беспримерной боевой мощью. Эти корабли, возможно, далеко не сразу вступили в сражения с японскими ВМС, но Японией война уже была в принципе проиграна. К исходу 1942 года это было ясно всему миру.

Общее соотношение сил ВВС и ВМС США и Японии все увеличивалось в пользу американцев: если к началу 1942 года оно колебалось в пропорции от 1:4 до 1:5, то в последний период войны уже достигло 1:11!

В 1944 году американцы выбрали японские войска из Филиппин. Это означало, что Япония осталась без

поставок нефти и, следовательно, уже этим была обречена на тяжкое поражение.

Города Японии с каждым днем становились все более обширными пепелищами: Токио, Осака, Нагоя и Кобе были практически сметены с лица земли. Самой страшной была бомбардировка Токио, совершенная в ночь с 9 на 10 марта 1945 года. Более 300 самолетов Б-29 сбросили на Токио 1700 зажигательных бомб. Огнем было охвачено свыше 40 квадратных километров города, погибло более 100 тысяч человек.

Потери в вооруженных силах Японии к 1945 году были примерно в десять раз выше, чем у их противников. К этому времени Япония потеряла в вооруженной борьбе около двух миллионов своих военнослужащих на море и на суше, и потери продолжали расти.

Не менее сложной для Японии была обстановка в Маньчжурии, где на разгром японской Квантунской армии выдвигались советские дивизии.

В апреле 1941 года, до войны с фашистской Германией, был заключен советско-японский пакт о нейтралитете, который несколько снизил напряженность в отношениях между Японией и СССР, существовавшую со времен Русско-японской войны 1904–1905 годов и японской интервенции на Дальнем Востоке во времена Гражданской войны.

Одновременно с подготовкой удара по англо-американским войскам на Тихом океане, японское командование разрабатывало план боевых действий и против Советского Союза под кодовым названием «Кантокуэн» (особые маневры Квантунской армии). План этот был составлен на случай, если СССР, после японского нападения на американский флот, сразу же согласится на некий союз с США против Японии. Но тут Берлин дал понять Токио, что готовится к массированному нападению на западные

территории Советского Союза, так что Японии боятся нечего.

Советская разведка доносила, однако, что по мере расширения боевых действий на Тихоокеанском театре и в случае успешных действий против американских ВМС на юге и юго-востоке Тихого океана японские силы в Маньчжурии будут значительно увеличены и Япония будет готова оказать помощь Германии в разгроме Советского Союза. Сообщения такого рода приходили в Москву до конца 1942 года, а это значило, что опасность вступления Японии в войну против СССР на его дальневосточных границах сохранялась. Это заставляло советское правительство держать на Дальнем Востоке значительные силы. Однако победоносное наступление Красной армии в Европе развивалось так быстро, что обстановка на Дальнем Востоке беспокоила Кремль все меньше.

У США и Великобритании, союзников СССР по антигитлеровской коалиции, наиважнейшей, насущной задачей оставался окончательный разгром Японии. На Ялтинской встрече руководителей трех великих держав в феврале 1945 года Иосиф Сталин, Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль подписали следующее секретное соглашение по вопросам Дальнего Востока.

Ялтинское секретное соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока. 11 февраля 1945 г.

Руководители Трех Великих Держав – Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании – согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне Союзников при условии:



Скульптура «Мать Хиросима», созданная в 1958 году Ансельмом Треезе. Площадь Плац фон Хиросима в Дортмунде (Северный Рейн-Вестфалия, Германия)

1. сохранения status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики);

2. восстановления принадлежащих России прав, нарушенных Японией в 1904 г., а именно:

а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов;

б) интернационализации торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов

Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР;

в) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай



Памятник советским воинам в Харбине

сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет;

3. передачи Советскому Союзу Курильских островов.

Предполагается, что соглашение относительно Внешней Монголии и вышеупомянутых портов и железных дорог потребует согласия генералиссимуса Чан Кай-ши. По совету маршала И. В. Сталина, Президент примет меры к тому, чтобы было получено такое согласие.

Главы Правительств трех великих держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией.

Со своей стороны Советский Союз выражает готовность заключить с Национальным Китайским Правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига.

**1945 года, 11 февраля
Иосиф Сталин
Франклин Рузвельт
Уинстон Черчилль**

Верное союзническому долгу, правительство СССР денонсировало 5 апреля 1945 года советско-японский договор о нейтралитете. 8 августа 1945 года в Москве

советское правительство передало японскому послу заявление, в котором говорилось, что в связи с отказом Японии прекратить военные действия против США, Великобритании и Китая Советский Союз с 9 августа 1945 года считает себя в состоянии войны с Японией.

Скажем прямо, перед советскими войсками стояла непростая задача. К лету 1945 года японцы имели в Маньчжурии 17 укрепрайонов, 4,5 тыс. дотов и дзотов, многочисленные аэродромы и посадочные площадки. В Квантунской армии числилось около миллиона личного состава, 1150 танков, более полутора тысяч самолетов, примерно

более 5 тыс. самолетов, 93 корабля. В июле 1945 года было образовано Главное командование советскими войсками на Дальнем Востоке, его возглавил маршал Советского Союза Александр Василевский, бывший начальник Генерального штаба советских вооруженных сил.

Маньчжурская операция началась 9 августа 1945 года, в 00:00 по забайкальскому времени. Наступление Красной армии в Маньчжурии велось на всех направлениях практически одновременно.

Несколько слов о театре военных действий. Площадь Маньчжурии в полтора раза больше, чем площадь всей Западной Европы. Но Красная армия 1945 года была во много раз сильнее, чем Квантунская армия. И союзники Гитлера, и союзники СССР знали, что более боеспособной и более опытной армии в 1945 году в мире не было. И тактика подразделений, и стратегические решения советских генералов, разгромивших самую мощную армию в мире за четыре года, обеспечили победу и над Квантунской армией – но всего за полторы недели! В этой войне было применено все: стремительные прорывы танковых и механизированных частей через гористую местность и пустыни, выброс парашютных десантов на аэродромы противника, глубокие охваты вражеских позиций и выдвижения разведывательных подразделений в глубокий тыл противника, которые буквально шокировали японских солдат.

Правда, будем объективны: японская армия ожидала русских солдат, идущих в штыковые атаки, как в 1904 году, а встретилась с негигаемой, хорошо вооруженной силой. А у пехотинцев Квантунской армии не было автоматов, противотанковых ружей, не было достаточного количества средних танков, артиллерии тяжелых калибров: самой тяжелой у них была 75-миллиметровая пушка.

Красная армия имела абсолютное превосходство в воздухе и на море. Но сражения были, и довольно тяжелые! Безвозвратные потери в операции составили 12 тыс. советских воинов. Много было раненых, а также больных.

Советское наступление окончательно разрушило даже самые робкие надежды Японии на продолжение войны и приемлемый мирный договор.

Напомним, что именно 9 августа, когда советские войска пошли в наступление, американцы сбросили атомную бомбу на Нагасаки. К сведению читателей, немало жителей современной Японии убеждено, что атомные бомбы на них сбросили русские...

Не менее организованно и четко были проведены Южно-Сахалинская и Курильская операции. Чтобы взять остров Шумшу, советским морским десантникам потребовалось всего пять дней. А остров Иводзиму 100 тысяч американцев отвоевывали у японцев больше месяца и потеряли при этом без малого семь тысяч бойцов!

Августовские события 1945 года были для Японии, как считал американский генерал Макартур, «примерно такими же эмоциональными потрясениями, как аттракцион «американские горки» для провинциальной монахини».

10 августа Япония официально заявила о готовности принять Потсдамские условия капитуляции, – правда, с оговоркой относительно сохранения структуры императорской власти в стране. 11 августа США отвергли японскую поправку, настаивая на формуле Потсдамской конференции. 2 сентября Япония подписала Акт о безоговорочной капитуляции.

Этим актом, ставшим последним аккордом в героической борьбе против милитаристской Японии, и завершилась Вторая мировая война.

ЗА КУЛИСАМИ ПОТСДАМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Потсдамская конференция оказалась последней в цепи совещаний глав государств антигитлеровской коалиции

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ

Главным событием 1945 года, определившим контуры политического устройства послевоенного мира, стала Потсдамская конференция. Она оказалась последней в цепи совещаний глав государств антигитлеровской коалиции и вслед за Тегераном и Ялтой является, безусловно, событием исторического масштаба. В ходе этой конференции Сталину удалось решить целый ряд насущных вопросов и отстоять интересы СССР вопреки отчаянному сопротивлению Великобритании и США. Соединенные Штаты на конференции представлял новый президент Гарри Трумэн, занявший место Франклина Рузвельта. Делегацию Великобритании сначала возглавлял Уинстон Черчилль, а после поражения консерваторов на выборах его сменил лидер лейбористов Клемент Эттли.

Конференция, которую в западной историографии называют Берлинской, а у нас Потсдамской, проходила 17 июля – 2 августа 1945 года в пригороде Берлина Потсдаме. Заседания разгромивших Германию держав происходили в весьма характерном, можно даже сказать многозначительном месте: дворец Цецилиенхоф, построенный последним кайзером Вильгельмом II для своего сына кронпринца Вильгельма и его супруги Цецилии Мекленбург-Шверинской, стал последней резиденцией династии

Гогенцоллернов. По странному стечению обстоятельств строительные работы во дворце были закончены в октябре 1917 года, а в ноябре 1918 года Гогенцоллерны потеряли власть и кайзер и его сын бежали в Голландию.

Хотя дворец сохранился в хорошем состоянии, советской стороне, которая по праву освободителя Берлина выступала принимающей, пришлось изрядно потрудиться, чтобы обеспечить главам государств обстановку, необходимую для плодотворной работы. Каждому создали привычную атмосферу.

У Сталина, который в быту терпеть не мог архитектурных и мебельных излишеств, установили темную кожаную кушетку и письменный стол. Комнату президента США обставили изящной мебелью в стиле классицизма, а Черчиллю доставили неоготическую из другого дворца. Круглый стол для совещаний по специальному заказу изготовили на мебельной фабрике в Москве. Помещения для советской делегации были отделаны в белые тона, апартаменты американцев оказались голубыми, англичан – розовыми. Поблизости от дворца в Новом саду Потсдама разбили клумбы и высадили около 10 тысяч различных цветов.

Для охраны глав государств в рамках операции «Пальма» было переброшено семь полков НКВД

и полторы тысячи самых опытных оперативников. Союзники направили для охраны и свои подразделения.

Прибытие на конференцию главы СССР было окружено строжайшей тайной. Сталин, которого ждали на аэродроме, приехал в немецкую столицу на поезде. Накануне прибытия он позвонил маршалу Жукову и сказал: «Вы не вздумайте для встречи строить всякие там почетные караулы с оркестрами. Приезжайте на вокзал сами и захватите с собой тех, кого считаете нужным. Об охране на вокзале позаботится генерал Власик».

Переводчик Сталина В. М. Бережков описал еще одну сцену, которая разыгралась на берлинском вокзале. Посол США в СССР Гарриман спросил Иосифа Виссарионовича, приятно ли ему оказаться победителем в Берлине. «Царь Александр до Парижа дошел», – невозмутимо ответил Сталин.

Глава советского правительства появлялся на переговорах в Потсдаме в белом парадном кителе с золотыми погонами и в темно-синих брюках с двойными лампасами. Надо сказать, Сталин любил белый цвет и часто носил белые брюки. Однажды с ним произошла такая история. Нужно было подписать разрешение на выпуск фильма. Председатель Комитета по делам кинематографии Большаков подал



Дворец Цецилиенхоф в Новом саду, место проведения Потсдамской конференции 17 июля – 2 августа 1945 года

Сталину авторучку. Она не писала. Большаков виновато взял ее из рук Сталина и встряхнул. Чернила выплеснулись на белые брюки генералиссимуса. Большаков в ужасе замер. Сталин же посмотрел на него и сказал: «Ну что, товарищ Большаков, испугался? Наверное, решил, что у товарища Сталина это последние штаны?»

Потсдамская конференция может быть названа символом 1945 года, поскольку на фоне разгрома Германии и Японии здесь определенно обозначилось противостояние СССР и англосаксов. Союзники пока еще вместе, но очень скоро между ними развернется ожесточенная борьба: с одной стороны – желание англосаксов решать все самим, прибрать к своим рукам новые территории и поставить своего союзника СССР перед свершившимся

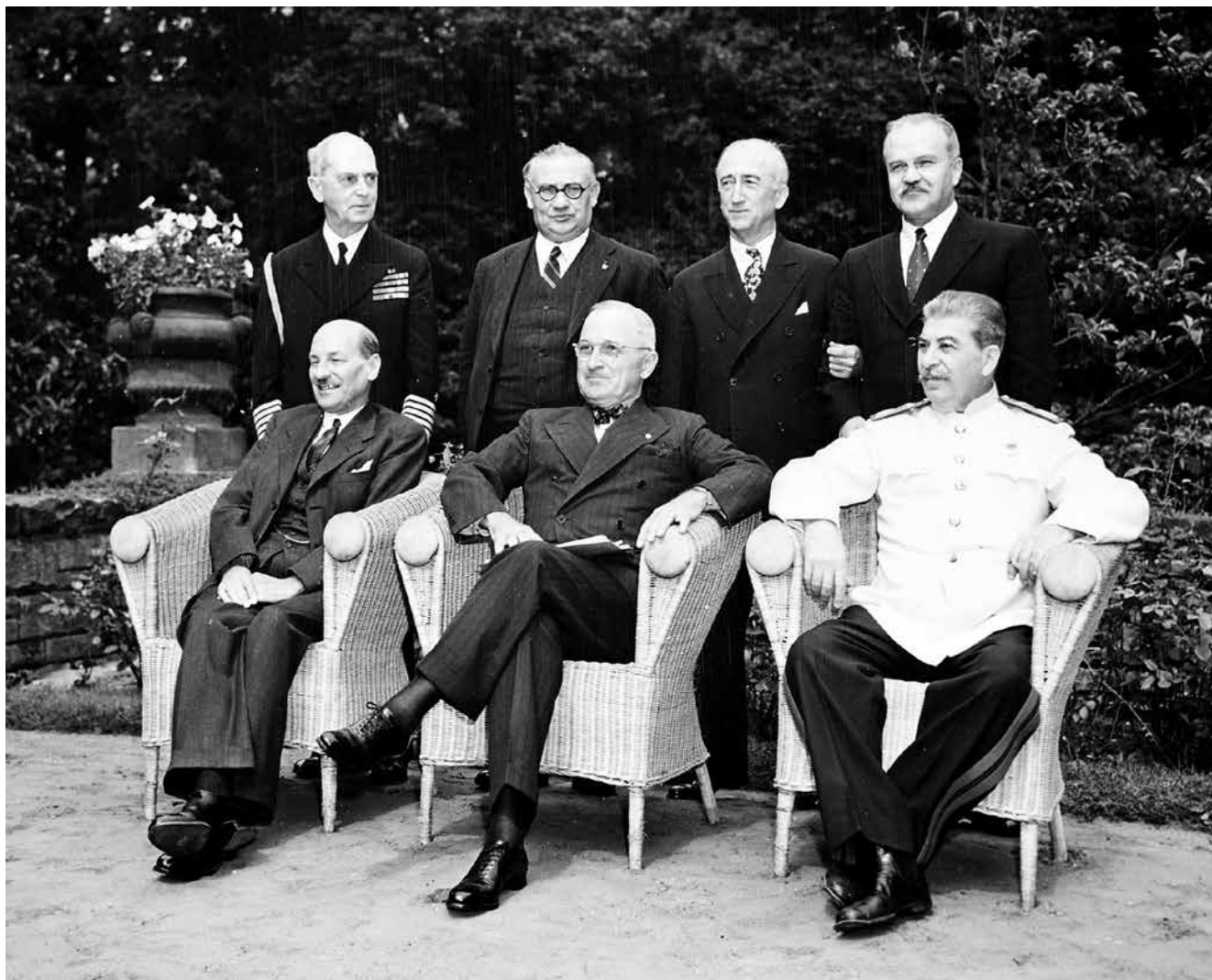
фактом, а с другой – нежелание Сталина всему этому потворствовать.

«Из печати, например, известно, что г-н Иден, выступая в английском парламенте, заявил, что Италия потеряла навсегда свои колонии. Кто это решил? Если Италия потеряла, то кто их нашел? Это очень интересный вопрос», – саркастически заметил Сталин, вызвав смех в зале заседаний...

Общение глав государств в Потсдаме в корне отличалось от тегеранского и ялтинского. В момент, когда новый президент США направлялся на конференцию, Америка провела успешное испытание атомной бомбы в штате Нью-Мексико. Президент Трумэн стал обладателем, причем монопольным, самого смертоносного оружия всех времен. Это, с точки зрения Вашингтона и Лондона,

радикально меняло расстановку сил. Исторический факт: прямо из Потсдама Гарри Трумэн отдал приказ применить атомное оружие против Хиросимы. В этом городе практически не имелось японских сил ПВО, поскольку там не было военных объектов, и город до этого американцы не бомбили. Устрашающий удар должен был состояться после окончания конференции. Пока же президент США решил как бы мимоходом поведать Сталину о наличии бомбы у союзников. Трумэн рассчитывал, что такое известие сделает советского руководителя более податливым и мягким.

Протоколы конференции и воспоминания очевидцев свидетельствуют, что позиция Сталина не изменилась ни на йоту. На нажим он не поддавался, хотя нетрудно представить, под каким прессингом



В саду дворца Цецилиенхоф в дни Потсдамской конференции. Сидят слева направо: премьер-министр Великобритании Клемент Эттли, президент США Гарри С. Трумэн и глава СССР Иосиф Сталин. Стоят слева направо: адмирал Уильям Лихи, министр иностранных дел Великобритании Эрнест Бевин, государственный секретарь Джеймс Бирнс и министр иностранных дел СССР Вячеслав Молотов

оказался. В те же дни ему предложили поехать в концлагерь Заксенхаузен, где погиб его сын Яков Джугашвили. На что получили ответ: «Я приехал сюда не по личным делам».

Обратимся к стенограмме заседаний глав союзных государств. Мы не будем строжайшим образом придерживаться хронологии заседаний, потому что одни и те же вопросы рассматривались в разные дни.

Как ни странно, но первым вопросом, который рассматривали

главы трех стран, стал вопрос об Испании. На первом же заседании его поднял сам Сталин. Напомним, что в 1936 году, после военного переворота, который возглавил генерал Франко, в Испании началась гражданская война, закончившаяся победой фашистов в 1939 году. Запад заявил о невмешательстве и отказался поставлять оружие законному республиканскому правительству. Мятежников-франкистов оружием и амуницией снабжали Германия и Италия.

Единственной страной, которая обеспечивала всем необходимым Испанию, стал Советский Союз. Вместе с танками, самолетами и орудиями прибывали и военные инструкторы под видом добровольцев. Поставки республиканское правительство оплачивало золотом, а к концу войны Сталин эвакуировал в СССР золотой запас Испании.

После поражения республиканцев у Франко хватило ума не ввязаться во Вторую мировую войну

и не дать фюреру плацдарма для атаки британского Гибралтара. Лишь одна воинская часть испанской армии, так называемая Голубая дивизия, состоявшая из добровольцев, была направлена на Восточный фронт. Так каудильо и «пересидел» разгром Германии.

«Необходимо рассмотреть также вопрос о режиме в Испании, – сказал Сталин на первом же заседании 17 июля 1945 года. – Мы, русские, считаем, что нынешний режим Франко в Испании навязан испанскому народу Германией и Италией. Он таит глубокую опасность для свободолюбивых Объединенных Наций. Мы полагаем, что было бы хорошо создать условия для испанского народа установить такой режим, какой ему нравится».

Гитлер помогал Франко, и это было секретом Полишинеля. Участники конференции прекрасно понимали, что, если Франко будет смещен, его политические противники, коммунисты и левые, получают все шансы победить на выборах. Если убрать Франко, можно потерять и Испанию. А тогда, возможно, придется распрощаться и с Италией, где США прикладывали титанические усилия, чтобы не допустить коммунистов к власти.

Именно поэтому Черчилль в ответ заявил, что британское правительство питает ненависть к Франко и его правительству. «Я считаю, что постоянное истребление людей, брошенных в тюрьмы за то, что они совершили шесть лет тому назад, и разные другие обстоятельства в Испании, по нашим английским понятиям, совершенно недемократичны», – заявил сэр Уинстон. Однако тут же отверг всякую возможность разрыва отношений с правительством Франко и пустился в пространные рассуждения: «Я против употребления сил в подобных случаях. Я считаю, что мы не должны вмешиваться во внутренние дела государства,

с которым мы расходимся во взглядах, за исключением таких случаев, когда то или иное государство нападает на нас... Перед нами страна, которая не приняла участия в войне, и поэтому я против вмешательства в ее внутренние дела. Правительству его величества потребуются длительное обсуждение этого вопроса, прежде чем оно пойдет на разрыв отношений с Испанией».

Трумэн вторил Черчиллю, говоря, что у США нет желания «участвовать в испанской гражданской войне», и появление другого правительства в Испании вместо правительства Франко – это «такой вопрос, который должна решать сама Испания». На это Сталин резонно ответил, что режим Франко навязан испанскому народу извне, а не представляет собой режим, сложившийся из внутренних условий, что Франко является наследником Гитлера и Муссолини и, «уничтожая этот режим, мы уничтожаем наследие Гитлера и Муссолини».

«Я не предлагаю военного вмешательства, я не предлагаю развязывать там гражданскую войну, – заметил Сталин. – Я бы только хотел, чтобы испанский народ знал, что мы, руководители демократической Европы, относимся отрицательно к режиму Франко. Если мы об этом в той или иной форме не заявим, испанский народ будет иметь право считать, что мы не против режима Франко. Он может сказать, что, поскольку мы не трогаем режим Франко, значит, мы его поддерживаем... Нам стоит только сказать, что мы не сочувствуем режиму Франко и считаем справедливым стремление испанского народа к демократии, – нам стоит только это сказать, и от режима Франко ничего не останется. Уверяю вас».

Сталин предложил именно то, чего больше всего боялись союзники и чего любыми средствами

хотели избежать. Черчиллю оставалось повторять, что он категорически против вмешательства во внутренние дела другого государства. Выглядело это пределом лицемерия, если вспомнить, какими методами англичане расправились с прокоммунистическим партизанским движением ЭЛАС в Греции. Едва немцы покинули Афины, как там появились английские войска, которые 3 декабря 1944 года устроили расстрел мирной демонстрации, а затем развязали настоящее сражение с коммунистами, продлившееся до начала января 1945 года. Именно Черчилль развязал в Греции гражданскую войну, которая с небольшими перерывами продолжалась там до 1949 года.

Черчилль оправдывал нежелание что-либо предпринимать тем, что «в настоящее время Франко приближается к своему падению». Странное утверждение для сэра Уинстона, обладавшего острым умом и прекрасной политической интуицией. Для справки: Франко правил до 1975 года, Черчилль же «хоронил» его режим на 30 лет (!) раньше. Ошибся? Нет, просто защищал Испанию от прихода к власти левых сил. И даже отказался передать вопрос министрам иностранных дел для выработки общей позиции или проекта декларации трех стран. Не будет преувеличением сказать, что долгим своим существованием фашизм в Испании во многом обязан «демократу» Черчиллю...

Исторический факт: 11 декабря 1946 года Испания попыталась стать членом ООН и получила отказ. Советский Союз имел в этом вопросе союзников. На учредительной конференции Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско представитель Мексики Л. Кинтанилья даже предложил резолюцию, гласящую, что государства, режимы которых

были созданы при поддержке держав, воевавших против Объединенных Наций, не могут быть приняты в ООН.

Испания стала членом ООН лишь 14 декабря 1955 года (после смерти Сталина в марте 1953 года).

Затем Сталин поднял вопрос, обсуждение которого также превратилось потом в исторический анекдот. Дело в том, что практически весь боевой и торговый флот нацистской Германии оказался в руках англичан и американцев. И выпускать его из рук, делиться кораблями и тем самым усиливать Сталина им совершенно не хотелось. Поэтому Черчилль взял слово и долго и красочно описывал, почему надо утопить агрессивный германский флот. Сталин кивал и соглашался, сэр Уинстон говорил все красноречивее, думая, что глава СССР согласился уничтожить немецкие корабли. А потом Сталин берет слово и говорит совершенно иное...

И вот как было в реальности: глава СССР заговорил о получении Союзом доли германского флота. Черчилль, для которого наличие сильного флота не у Великобритании – совершенно недопустимый факт, действительно попытался поставить вопрос об уничтожении германских боевых кораблей.

«Сталин: Только один вопрос: почему г-н Черчилль отказывается русским в получении их доли германского флота?

Черчилль: Я не против. Но раз вы задаете мне вопрос, вот мой ответ: этот флот должен быть потоплен или разделен.

Сталин: Вы за потопление или за раздел?

Черчилль: Все средства войны – ужасные вещи.

Сталин: Флот нужно разделить. Если г-н Черчилль предпочитает потопить флот, он может потопить свою долю, я свою долю топить не намерен.

Черчилль: В настоящее время почти весь германский флот в наших руках.

Сталин: В том-то и дело, в том-то и дело. Поэтому и надо нам решить этот вопрос».

Черчилль, а за ним и Трумэн пустились в рассуждения, чем является флот, «трофеем или выплатой репараций». Заявляли, что «немецкий торговый флот мог бы сыграть свою значительную роль в этой войне», имея в виду боевые действия против Японии. Черчилль заявил, что СССР уже получил в свое распоряжение флот Финляндии и Румынии, на что Сталин ответил: «Мы ничего не брали у Финляндии из торгового флота, ни одного судна, а у Румынии взяли одно судно».

Тогда Черчилль вспомнил о том, что Норвегия и иные государства понесли большие потери в кораблях, а значит, флот надо делить не на три, а на четыре части, оставив четвертую «на удовлетворение интересов некоторых других стран».

Видя, что союзники намерены утопить проблему в болтовне, Сталин заговорил гораздо жестче: «Мы не добиваемся подарка, мы бы хотели только знать, признается ли этот принцип, считается ли правильной претензия русских на получение части немецкого флота... Я бы хотел, чтобы была внесена ясность в вопрос о том, имеют ли русские право на 1/3 часть военноморского и торгового флота Германии».

В итоге, несмотря на попытки затянуть или отложить решение вопроса, на конференции было принято решение, что Советскому Союзу передается треть немецкого военного и торгового флота, за исключением подводных лодок, большая часть которых будет потоплена.

Следующим принципиальным вопросом, вокруг которого разгорелась настоящая баталия, стали западные границы Польши, а по сути – конфигурация

политической карты Центральной Европы. Красная армия освободила Польшу, и Сталин фактически создал польское правительство. На Ялтинской конференции лидеры трех стран договорились, что новое руководство будет создаваться на базе «советского состава» с включением в него представителей так называемого польского правительства в изгнании, которое всю войну просидело в Лондоне. После этого должны были пройти выборы.

Стороннему наблюдателю, попади он на обсуждение темы в Потсдаме, могло бы показаться, что он стал свидетелем непринужденной беседы глав государств по малозначимым сюжетам. На самом же деле шло взаимное прощупывание позиций. Вашингтон и Лондон намеревались вернуть Польше довоенную роль аванпоста против СССР. Когда стало понятно, что Сталин этого не допустит и в Польше будет установлен просоветский режим, англосаксы тут же воспротивились передаче Польше части немецкой территории. По логике Трумэна и Черчилля, все, что контролирует Сталин, следовало всемерно ослабить. Соответственно и польская территория не должна увеличиваться. Сталин, напротив, заботился об усилении Польши. Тогда еще трудно было представить, что союзники пойдут на раскол Германии...

На втором заседании между Черчиллем, Трумэном и Сталиным состоялся очень примечательный диалог, поскольку СССР объявил о намерении присоединить Восточную Пруссию, а часть германской территории передать дружественной Польше, реакция сэра Уинстона могла означать что угодно.

«Черчилль: Я хочу поставить только один вопрос. Я замечаю, что здесь употребляется слово “Германия”. Что означает теперь “Германия”? Можно ли понимать ее в том же смысле, как это было до войны?

Трумэн: Как понимает этот вопрос советская делегация?

Сталин: Германия есть то, чем она стала после войны. Никакой другой Германии сейчас нет. Я так понимаю этот вопрос... Германия представляет, как у нас говорят, географическое понятие. Будем пока понимать так. Нельзя абстрагироваться от результатов войны... Например, думают ли установить германскую администрацию в Судетской части Чехословакии? Это область, откуда немцы изгнали чехов.

Трумэн: Может быть, мы все же будем говорить о Германии, как она была до войны, в 1937 году?

Сталин: Формально можно так понимать, по существу это не так. Если в Кенигсберге появится немецкая администрация, мы ее прогоним, обязательно прогоним... Давайте определим западные границы Польши, и тогда яснее станет вопрос о Германии. Я очень затрудняюсь сказать, что такое теперь Германия. Это страна, у которой нет определенных границ, потому что границы не оформляются нашими войсками. У Германии нет никаких войск, в том числе и пограничных, она разбита на оккупационные зоны. Вот и определите, что такое Германия. Это разбитая страна.

Трумэн: Может быть, мы примем в качестве исходного пункта границы Германии 1937 года?

Сталин: Исходить из всего можно. Из чего-то надо исходить. В этом смысле можно взять и 1937 год».

Стараясь ни в коем случае не увеличивать польскую территорию, Черчилль и Трумэн выдвигали различные аргументы. Что без этих земель Германия «не будет иметь возможности кормить себя», что немцев станет невозможно обеспечить углем. Англичане и американцы, стиравшие с лица Земли Дрезден и другие немецкие города,

вдруг стали ярыми защитниками интересов поверженного врага (немцев) в ущерб интересам союзника (поляков).

Вот лишь несколько высказываний Черчилля:

«Это не пойдет на благо Польши – иметь такую территорию».

«Различие во взглядах между генералиссимусом и мною заключается в том, что британское правительство, хотя оно и допускает, что Польша должна увеличить свою территорию, не хочет идти так далеко, как это делает Советское правительство».

«Я повторяю еще раз: когда мы употребляли выражение “линия Одера”, то имели в виду лишь приблизительную линию».

В итоге ожесточенной дискуссии было принято предложение Сталина о польско-германской границе по рекам Одер и Нейса. К Польше отходили также Данциг (Гданьск) и большая часть Восточной Пруссии, СССР получал Кенигсберг с прилегающим к нему районом. Сегодня в Польше не хотят вспоминать, что именно благодаря Сталину она получила огромный кусок немецкой территории!

В общей сложности в сравнении с 1937 годом Германия лишилась 25% своей территории.

В момент, когда союзники лили крокодиловы слезы о «бедных немцах», Сталин неожиданно намекнул о своей осведомленности о подготовке операции «Немыслимое». После того как Черчилль посетовал, что Германия останется без угля, так как в Руре его не добыть из-за нехватки людей и придется завозить из восточных областей Германии, глава СССР неожиданно заявил: «Достаточно имеется пленных. У нас пленные работают на угле, без них было бы очень трудно. Мы восстанавливаем наши угольные районы и используем пленных для этой цели. 400 тысяч немецких солдат сидят у вас в Норвегии, они даже

не разоружены, и неизвестно, чего они ждут. Вот вам рабочая сила».

«Я не знал, что они не разоружены, – ответил Черчилль. – Во всяком случае, наше намерение заключается в том, чтобы разоружить их. Я не знаю точно, каково там положение, но этот вопрос был урегулирован верховной ставкой союзных экспедиционных сил. Я наведу справки».

Далее советская делегация передала президенту США и премьер-министру Великобритании меморандум относительно помех, которые чинятся в Австрии и Германии в отношении возвращения советских граждан на Родину. И документы по тем самым до сих пор не разоруженным немецким военным. Оказавшемуся в щекотливом положении Черчиллю ответить было нечего...

«Черчилль: Но я могу дать заверение, что нашим намерением является разоружить эти войска.

Сталин: Я не сомневаюсь.

Черчилль: Мы не держим их в резерве, чтобы потом вдруг выпустить их из рукава. Я тотчас же потребую доклада по этому поводу».

Не менее жесткая дискуссия развернулась вокруг репараций. Для СССР, чья экономика была тотально разрушена агрессией Гитлера и его союзников, вопрос компенсации за уничтоженное имущество был более чем актуальным. Союзники же и здесь пытались не допустить усиления Советского Союза.

Понимая, что глава СССР намерен требовать репарации с Италии, которая находилась под англосаксонским контролем, Трумэн немедленно заявил, что США и Британия выделили ей кредит в \$500 млн и готовы дать еще столько же. Но эти средства предназначены «для восстановления ее экономического положения» и не могут быть выплачены в качестве репараций. По сути, речь шла о том, что Советскому Союзу рассчитывать не на что.

На это Сталин вполне резонно возразил: «Можно было бы согласиться насчет того, чтобы с Австрии репараций не брать, поскольку Австрия не представляла собой самостоятельного государства. Но нашему советскому народу очень трудно понять отсутствие всяких репараций с Италии, которая представляла самостоятельное государство и войска которой дошли до Волги и принимали участие в разорении нашей страны. У Австрии не было своих вооруженных сил, можно не брать с нее репараций, у Италии были свои вооруженные силы, и она должна платить репарации».

Поскольку союзники твердо настаивали на том, что их кредиты для этой цели использовать нельзя, Сталин добился поставок оборудования с военных заводов.

Самая большая битва развернулась вокруг репараций с Германии. В ходе их обсуждения Сталин прямо обвинил союзников в нечестной игре: «Несколько отклоняясь от главной темы, я хочу сказать о тех изъятиях, которые англичане произвели в русской зоне оккупации до занятия ее советскими войсками. Речь идет о вывозе товаров и оборудования. Кроме того, имеется записка от советского военного командования о том, что американские власти угнали 11 тысяч вагонов с той же территории. Как быть с этим имуществом, я не знаю. Вернут ли это имущество русским или компенсируют его каким-либо другим образом? Во всяком случае, американцы и англичане не только из своих зон вывозят оборудование, но вывезли его и из русской зоны, а мы из ваших зон не угнали ни одного вагона и не взяли никакого оборудования с заводов. Американцы обещали не вывозить, но вывезли».

В ходе обсуждения состоялся любопытный диалог. Уточняя детали соглашения, британский министр Бевин сказал: «Ясно, что активы,

принадлежащие Великобритании и США в этой зоне, не будут затронуты». На что Сталин согласился, опять вызвав всеобщий смех: «Конечно. Мы с Великобританией и США не воюем».

Главной задачей Вашингтона и Лондона было присвоить золотой запас Германии, попавший в их руки. Поэтому, когда Сталин заявил, что «Советское правительство не имеет претензий на золото, захваченное союзными войсками в Германии», позиция союзников по репарациям заметно смягчилась. Англосаксы согласились оставить Сталину все, что находится на территории, куда вошла Красная армия, и передать 10–15% германского оборудования из западных зон оккупации. Причем за это оборудование СССР должен был поставить различные материалы, нефть и т.п. на соответствующую сумму! А это уже скорее бартер, чем репарации...

Следует признать, что по вопросу репараций Сталин получил значительно меньше, нежели рассчитывал. Почему? Потому что этот вопрос обсуждался после сообщения Трумэна о наличии у США атомного оружия. Думаю, эти два факта несложно увязать друг с другом...

Новый президент США Гарри Трумэн, сменивший на этом посту умершего в апреле 1945 года Франклина Рузвельта, ехал на конференцию с одной единственной целью – узнать, вступит ли СССР в войну против Японии. Американская разведка докладывала Трумэну, что Япония готова капитулировать, если Советский Союз вступит против нее в войну. В противном случае война США с Японией в Тихоокеанском регионе могла затянуться еще как минимум на один год. При этом потери США могли составить до одного миллиона человеческих жизней.

Одним из самых драматических эпизодов Потсдамской

конференции стало сообщение Трумэна Сталину о наличии у США атомного оружия. Президент США долго думал, как это лучше сделать, и даже советовался по этому поводу с Черчиллем. В итоге вечером 24 июля 1945 года Трумэн как бы невзначай сказал Сталину, что Штаты создали новое оружие необыкновенной разрушительной силы. Советский лидер остался совершенно спокойным, не выразив никаких эмоций. Трумэн и Черчилль сделали вывод, что Сталин не понял, о чем речь. На самом деле он все понял, просто не подал виду. Но мало кто знает, что лидер СССР все-таки произнес одну фразу, которая широко воспроизводится в американских документах по конференции и практически не упоминается в наших. Так вот, Сталин в ответ на сообщение Трумэна об атомной бомбе сказал, что атомное оружие – это конечно же хорошо, но в будущем все войны в основном будут региональными и в них главную роль будут играть традиционные вооруженные силы.

Вернувшись с заседания, Сталин рассказал В. М. Молотову о состоявшемся разговоре с Трумэном. Молотов тут же заметил:

– Цену себе набивают.

На что Сталин усмехнулся:

– Пусть набивают. Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы.

5 августа 1945 года Сталин отправился на поезде в Москву. На следующий день США сбросили атомную бомбу на Хиросиму.

Помимо заседаний, сложная дипломатическая игра шла в кулуарах. Лидеры и члены делегаций общались на приемах, ходили друг к другу в гости. С этой не менее важной частью дипломатической работы связано несколько занимательных историй. Одну из них рассказал маршал Г. К. Жуков. Во время приема первым слово взял президент США и поднял тост за Верховного

главнокомандующего Вооруженными Силами Советского Союза И. В. Сталина. Тот в ответ предложил тост за У. Черчилля.

«Совершенно неожиданно У. Черчилль предложил тост за меня, – вспоминал Жуков. – Мне ничего не оставалось, как предложить свой ответный тост. Благодаря У. Черчилля за проявленную ко мне любезность, я машинально назвал его “товарищ”. Тут же заметил недоуменный взгляд В. М. Молотова и несколько смутился. Импровизируя, я предложил тост за “товарищей по оружию”, наших союзников в этой войне – солдат, офицеров и генералов армий антифашистской коалиции, которые так блестяще закончили разгром фашистской Германии. Тут уж я не ошибся. На другой день, когда я был у И. В. Сталина, он и все присутствовавшие смеялись над тем, как быстро я приобрел “товарища” в лице У. Черчилля».

Поскольку Черчилль проиграл выборы, то в разгар конференции он ее покинул, уступив место лидеру победивших лейбористов. Сразу скажем, что на позиции Великобритании это никак не сказалось. Когда же Черчилль уезжал, Сталин устроил для него прощальный концерт с участием лучших советских артистов.

Отношения между союзниками становились все более жесткими. Вашингтон и Лондон постепенно возвращали мир к довоенной ситуации, когда основой их политики была старая «добрая» русофобия, которая на этот раз была завернута в антисоветскую обертку. Потсдамская конференция станет последним мероприятием, в котором главы трех стран лицом к лицу обсудят вопросы мировой политики. Но тогда этого не знал никто.

За кулисами Потсдамской конференции, решавшей судьбу послевоенного устройства мира, происходило немало малоизвестных,

но интересных событий, определивших во многом ход дальнейшей истории всего человечества.

Тогдашний король Великобритании Георг VI очень хотел поехать вместе с Черчиллем на Потсдамскую конференцию. Черчилль, в свою очередь, стремился показать всему миру, что Великобритания и ее монарх сыграли существенную роль в победе над гитлеровской Германией. В письме к Сталину Черчилль сообщал, что думает взять с собой на конференцию британского монарха, который, возможно, захочет пригласить Сталина на завтрак. Лидер СССР с ответом медлил: присутствие британского монарха на конференции приведет к приуменьшению роли Советского Союза в Победе и преувеличению роли Британии. Затем Сталин все-таки ответил Черчиллю: он примет участие в завтраке, если британская сторона будет настаивать, но вообще советская сторона в нем крайне не заинтересована. Черчилль понял, что Сталин не хочет встречаться с Георгом VI. Британскому монарху пришлось отказаться от поездки в Потсдам.

Главный вопрос, который стоял на Потсдамской конференции перед лидерами стран Большой тройки, – как быть с побежденной Германией. Сталин, сделав выводы из трагических уроков войны в 1941 году для СССР, хотел видеть Германию единой и демилитаризованной, таким образом создав буферную зону перед западными границами СССР из трех стран: нейтральной Финляндии, демилитаризованной Германии и нейтральной Австрии. Но делегации США и Великобритании не поддержали эту советскую инициативу, утвердив в конечном итоге раздел Германии на зоны оккупации. Видя такой разворот событий, Сталин всячески поддерживал Францию в ее праве получить в Германии свою зону

оккупации, уменьшив площадь зон оккупации Англии и США.

Не все территориальные приобретения, на которые претендовал Сталин, удалось реализовать. Так, западные делегации на конференции отвергли советские претензии иметь свою военно-морскую базу в проливе Босфор. Великобритания и США не поддерживали стремление СССР получить контроль над одной из североафриканских колоний Италии.

Большой интерес представляет малоизвестная широкому кругу читателей встреча тет-а-тет на Потсдамской конференции между Сталиным и Трумэном. Об этой личной беседе между лидерами СССР и США в Потсдаме осталось очень мало сведений. Но из американских источников мы четко знаем, что Сталин и Трумэн договорились о разграничении сфер влияния между СССР и США. Они обсудили Курильские острова, Японию, Китай и Италию, то есть кто там будет контролировать ситуацию с оккупацией. В своем дневнике после этой встречи Гарри Трумэн оставил лишь одну запись о том, что он может договориться с «дядюшкой Джо» (так лидеры США и Великобритании между собой называли Сталина). Самое главное, что на этой встрече Сталин и Трумэн договорились об очень интересном обмене: Япония переходит под полный контроль США, а взамен СССР получает контроль над Венгрией, Румынией и Югославией. То есть Советский Союз получал контроль практически над всеми Балканами.

Подводя итог, можно сказать, что И. В. Сталин на конференции максимально стремился отстоять геополитические интересы СССР и шел на уступки лишь там, где это было невозможно сделать.

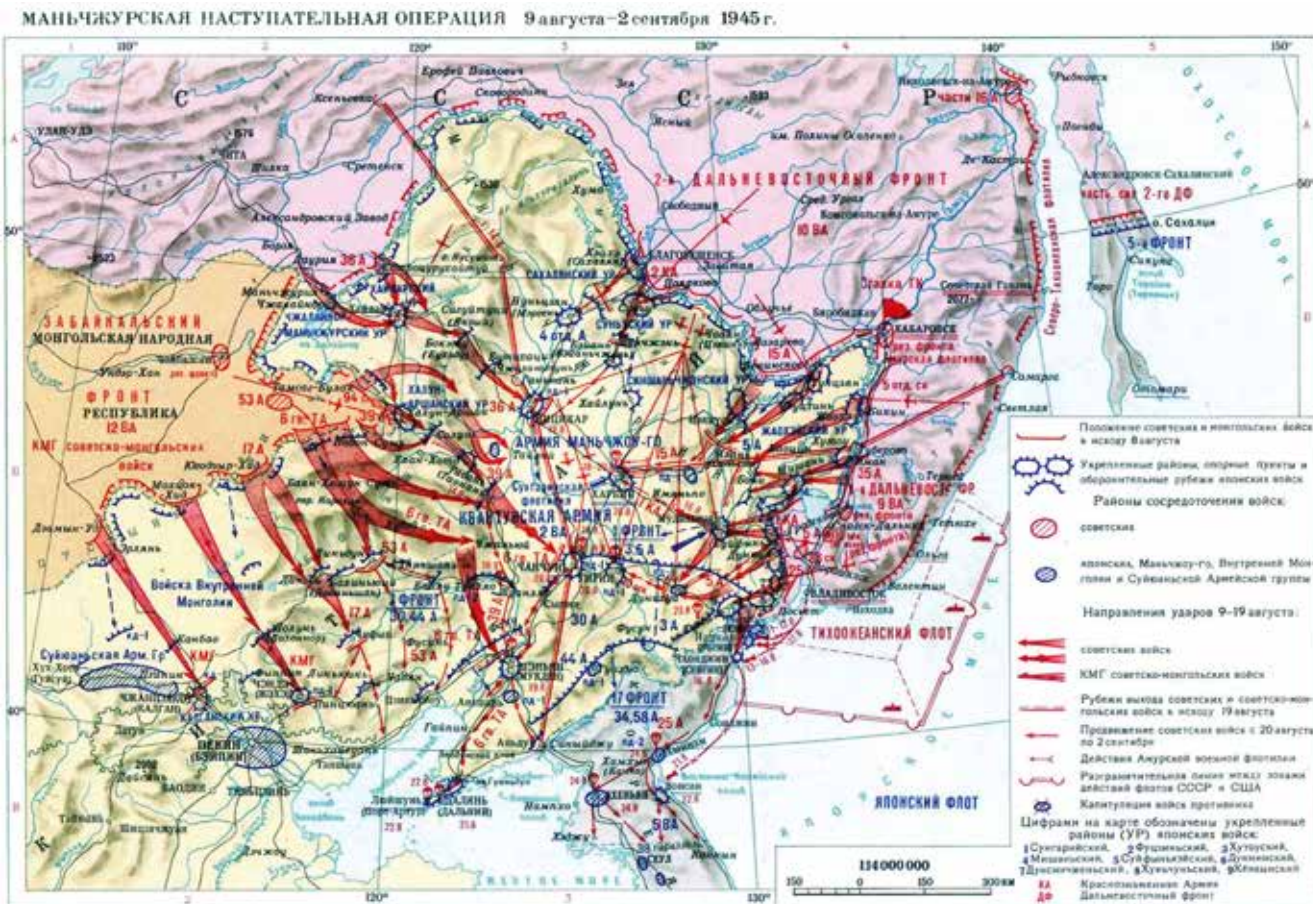
Встреча в Потсдаме стала последней для лидеров Большой тройки.

ИСТОРИЯ: ОКОНЧАНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ

Наступательная операция на Дальнем Востоке имела огромное военно-политическое значение

ВАЛЕРИЙ БАРАНОВ



В ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции, которая проходила с 9 по 19 августа 1945 года, была разгромлена Квантунская армия, освобождены Маньчжурия и внутренняя Монголия, Ляодунский полуостров, Корея, ликвидирован военно-экономический плацдарм милитаристской Японии на Азиатском континенте.

План «Кантокуэн»

Сегодня акценты поменялись, но тогда союзники безоговорочно

признавали решающее значение вступления СССР в войну против Японии и заявляли, что только Красная армия была способна нанести поражение наземным силам Японии.

«Победа над Японией может быть гарантирована лишь в том случае, если будут разгромлены японские сухопутные силы», – такого мнения придерживался главнокомандующий американскими вооруженными силами в бассейне Тихого океана генерал Макартур.

Принимавший участие в работе Ялтинской конференции бывший

государственный секретарь США Э. Стеттиниус писал: «Накануне Крымской конференции начальники американских штабов убедили Рузвельта, что Япония может капитулировать только в 1947 году или позже, а разгром ее может стоить Америке миллиона солдат».

Но для вступления в войну с Японией у СССР имелись и свои жизненные интересы. Япония многие годы вынашивала планы захвата советского Дальнего Востока. Японцы постоянно устраивали военные провокации на советских границах, держали в Маньчжурии крупные

военные силы, готовые к нападению. Особенно ситуация обострилась, когда Германия развязала войну против Советского Союза.

В 1941 году, после начала Великой Отечественной войны, Квантунская армия (около 40 дивизий, значительно больше, чем во всей Тихоокеанской зоне) в соответствии с утвержденным японским командованием планом «Кантокуэн» развернулась на маньчжурской границе и в Корее, выжидая удобный момент для начала боевых действий против СССР в зависимости от ситуации на советско-германском фронте. И хотя этот благоприятный момент так и не наступил, японские войска 779 раз переходили сухопутную границу и более 400 раз нарушали воздушное пространство Советского Союза. Японский флот незаконно задержал 178 и потопил 18 советских торговых судов. На Дальнем Востоке оказались скованными значительные силы Красной армии, которые было невозможно обратить против Германии.

В августе 1945 года силы Японии насчитывали около 7 млн человек и 10 тыс. самолетов. В то же время США и их союзники, расположенные в Азиатско-Тихоокеанском регионе, имели примерно 1,8 млн человек и 5 тыс. самолетов. Если бы СССР не вступил в войну, основные силы Квантунской армии могли быть сосредоточены против американцев, и тогда, как и предполагали руководители США, боевые действия продолжились бы как минимум еще два года и соответственно возросли бы потери, тем более что японское командование уже готовилось к применению бактериологического оружия. Было ясно, что без вступления СССР война затянется. При этом японские военные силы опирались на богатые материальные, продовольственные и сырьевые ресурсы Маньчжурии и Кореи и на маньчжурскую промышленность. На территории,

занимаемой войсками Квантунской армии, находилось 13 700 километров железных и 22 тыс. километров автомобильных дорог, 133 аэродрома, 870 крупных военных складов и хорошо оборудованные военные городки.

План Сталина

СССР начал военные действия против Японии через три месяца после капитуляции Германии. 3 августа 1945 года маршал Советского Союза А. М. Василевский, назначенный главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке, и начальник Генерального штаба генерал армии А. И. Антонов докладывали Сталину окончательный план Маньчжурской стратегической операции. Василевский предлагал начать наступление только силами Забайкальского фронта, а в полосах 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов проводить разведку боем, чтобы главными силами этих фронтов перейти в наступление через 5–7 суток. Сталин с таким предложением не согласился и распорядился начать наступление одновременно всеми фронтами. Как показали последующие события, такое решение Ставки было более целесообразным.

В течение мая – начала августа 1945 года советское командование перебросило на Дальний Восток часть высвободившихся на западе войск и техники (свыше 400 тыс. человек, 7137 орудий и минометов, 2119 танков и САУ и др.). Вместе с дислоцированными на Дальнем Востоке войсками перегруппированные соединения и части составили три фронта: Забайкальский фронт – командующий маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, 1-й Дальневосточный фронт – командующий маршал Советского Союза К. А. Мерецков, 2-й Дальневосточный фронт – командующий

генерал армии М. А. Пуркаев. Всего 131 дивизия и 117 бригад, свыше 1,5 млн человек, свыше 27 тыс. орудий и минометов, свыше 700 реактивно-минометных установок, 5250 танков и САУ, свыше 3,7 тыс. самолетов. Тихоокеанский флот под командованием адмирала И. С. Юмашева к началу боевых действий имел 427 боевых кораблей. Краснознаменная Амурская флотилия имела в своем составе 169 боевых кораблей и более 70 самолетов. Непосредственное руководство Военно-морскими силами на Дальнем Востоке Ставка возложила на главнокомандующего Военно-морскими силами СССР адмирала флота Н. Г. Кузнецова.

Ход операции

В ночь на 9 августа передовые батальоны и разведывательные отряды трех фронтов в крайне неблагоприятных погодных условиях без открытия огня бесшумно перешли границу и в ряде мест овладели долговременными оборонительными сооружениями врага еще до того, как японские расчеты успели занять огневые позиции. С рассветом главные силы Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов перешли в наступление и пересекли государственную границу. 10 августа в войну вступила Монгольская Народная Республика.

Войска Забайкальского фронта шли по чрезвычайно труднопроходимой местности, и враг не предполагал, что советские войска сумеют за неделю пройти сотни километров в тяжелейших условиях. Элемент неожиданности был столь велик, а удар, полученный Квантунской армией с северо-запада, так силен, что она после него уже не смогла оправиться. Внезапность и сила первоначальных ударов позволили советским войскам сразу же захватить инициативу.

В правительстве Японии начало военных операций Советским Союзом вызвало панику. «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза, – заявил 9 августа премьер-министр Судзуки, – ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны».

Передовые части Забайкальского фронта уже к 11 августа подошли к западным склонам Большого Хингана, а подвижные войска главной группировки преодолели его и вышли на Центрально-Маньчжурскую равнину. Форсирование Хинганского хребта явилось подвигом, не имевшим себе равных в современной войне. Уже к исходу 14 августа войска Забайкальского фронта, пройдя расстояние от 250 до 400 километров, вышли в центральные районы Маньчжурии и продолжали продвигаться к ее столице Чанчуню и крупному промышленному центру Мукдену.

За это же время войска 1-го Дальневосточного фронта преодолели труднопроходимую горно-таежную местность, прорвав сильную полосу обороны, напоминавшую линию Маннергейма, только в больших масштабах, и, овладев семью мощными укрепленными районами, продвинулись вглубь Маньчжурии на 120–150 километров. Войска 2-го Дальневосточного фронта вели бои на подступах к Цицикару и Цзямусы. Таким образом, уже к исходу шестых суток наступления советских войск Квантунская армия оказалась расчлененной на части.

14 августа правительство Японии приняло решение капитулировать. На следующий день пал кабинет премьера Судзуки. Однако войска Квантунской армии продолжали упорно сопротивляться. В связи с этим 16 августа в советской печати было опубликовано разъяснение Генерального штаба Красной армии, в котором говорилось:

«1. Сделанное японским императором 14 августа сообщение

о капитуляции Японии является только общей декларацией о безоговорочной капитуляции. Приказ вооруженным силам о прекращении боевых действий еще не отдан, и японские вооруженные силы по-прежнему продолжают сопротивление. Следовательно, действительной капитуляции вооруженных сил Японии еще нет.

2. Капитуляцию вооруженных сил Японии можно считать только с того момента, когда японским императором будет дан приказ своим вооруженным силам прекратить боевые действия и сложить оружие и когда этот приказ будет практически выполняться.

3. Ввиду изложенного, Вооруженные силы Советского Союза на Дальнем Востоке будут продолжать свои наступательные операции против Японии».

В последующие дни советские войска стремительно наращивали темпы наступления. В результате войска Забайкальского фронта к исходу 19 августа вышли в районы Чифынь, Чанчунь, Мукден, Кайтун и Цицикар. Это означало, что в Квантунскую армию вбит с запада гигантский клин советских вооруженных сил на площади примерно в 0,6 млн кв. км. Войска 1-го Дальневосточного фронта также продолжали развивать наступление. 16 августа 35-я армия вышла на железную дорогу Цзямусы – Тумынь в районе Боли и тем самым прочно обеспечила правый фланг главной группировки фронта, отрезав японскую 4-ю отдельную армию, отходившую перед войсками 2-го Дальневосточного фронта на юг, от Муданьцзянской группировки.

В этих боях Квантунская армия потеряла более 40 тыс. солдат и офицеров. Уже к исходу первой недели войны была полностью разгромлена 5-я японская армия и нанесен большой урон 3-й армии и другим войскам. Попытка противника любой ценой

не допустить выхода наших войск на Центрально-Маньчжурскую равнину и к Северной Корее провалилась.

Успешно развивались военные действия по освобождению Кореи, являвшиеся частью кампании советских войск на Дальнем Востоке. Основную задачу решила 25-я армия при взаимодействии с Тихоокеанским флотом. 12 августа они овладели городами Северной Кореи Юки и Расин (Наджин). С выходом советских войск к Сейсину (Чхонджину) полностью нарушилась оборона Квантунской армии на приморском направлении. Были также осуществлены морские и воздушные десанты в ряде портов и городов Северной Кореи.

Войска 2-го Дальневосточного фронта за эти дни овладели городом Цзямусы и во взаимодействии с Краснознаменной Амурской военной флотилией наступали вдоль Сунгари на Харбин. Советская авиация господствовала в воздухе на всем театре военных действий. Тихоокеанский флот прочно закрепил за собой побережье Северной Кореи. Квантунская армия терпела сокрушительное поражение.

На милость победителей

17 августа, окончательно потеряв управление разрозненными войсками и сознавая бессмысленность дальнейшего сопротивления, главнокомандующий Квантунской армией генерал Отодзо Ямада отдал приказ начать переговоры с советским командованием на Дальнем Востоке. В 17 часов 17 августа от главнокомандующего Квантунской армией была принята радиограмма о том, что он отдал японским войскам приказ немедленно прекратить военные действия и сложить оружие, а в 19 часов в расположение войск 1-го Дальневосточного фронта с японского самолета были

сброшены два вымпела с обращением штаба 1-го фронта Квантунской армии о прекращении военных действий. Однако на большинстве участков японские войска продолжали не только оказывать сопротивление, но местами переходили в контратаки.

В связи с этим генералу Ямаде была передана следующая радиограмма: «Штаб японской Квантунской армии обратился по радио к штабу советских войск на Дальнем Востоке с предложением прекратить военные действия, причем ни слова не сказано о капитуляции японских вооруженных сил в Маньчжурии. В то же время японские войска перешли в контрнаступление на ряде участков советско-японского фронта. Предлагаю командующему войсками Квантунской армии с 12 часов 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдаться в плен. Указанный выше срок дается для того, чтобы штаб Квантунской армии мог довести приказ о прекращении сопротивления и сдаче в плен до всех своих войск. Как только японские войска начнут сдавать оружие, советские войска прекратят боевые действия».

Одновременно командующему 1-м Дальневосточным фронтом было приказано выслать офицеров штаба на аэродромы Муданьцзяна и Мулина, уполномочив их сообщить представителям штаба Квантунской армии, что военные действия советских войск будут прекращены лишь тогда, когда японские войска начнут сдаваться в плен. Такая мера была вызвана тем, что многие японские воинские части и гарнизоны из-за потери связи либо не получили приказа Ямады, либо отказались выполнять его.

18 августа в 3 часа 30 минут Ямада ответил по радио советскому Главнокомандованию о готовности выполнить все условия капитуляции.

Чтобы ускорить разоружение капитулировавших японских войск и освобождение захваченных ими территорий, 18 августа маршал Василевский отдал следующий приказ войскам Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов: «В связи с тем что сопротивление японцев сломлено, а тяжелое состояние дорог сильно препятствует быстрому продвижению главных сил наших войск при выполнении поставленных задач, необходимо для немедленного захвата городов Чанчунь, Мукден, Гирин и Харбин перейти к действиям специально сформированных, быстроподвижных и хорошо оснащенных отрядов. Эти же отряды или подобные им использовать и для решения последующих задач, не боясь резкого отрыва их от своих главных сил».

Такие отряды создавались во всех армиях Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов из танковых частей, стрелковых подразделений, посаженных на автомашины, и подразделений самоходной артиллерии. Для захвата важных военных и промышленных объектов и приема капитуляции их гарнизонов были высажены воздушные десанты в Мукдене, Чанчуне, Порт-Артуре, Дальнем, Харбине и Гирине. Вслед за воздушными десантами в Мукден, Чанчунь, Порт-Артур и Дальний вступили передовые отряды, а затем части и соединения 6-й гвардейской танковой армии.

Японские военнослужащие, достигнутые врасплох, сдавались в плен. Среди пленных оказался и маньчжурский император Пу И. В 1933 году в возрасте 27 лет этот представитель Цинской династии был произведен японскими хозяевами в императоры Маньчжурии, оставаясь на самом деле их марионеткой. При императоре имелось японское посольство, которое возглавлял командующий Квантунской армией. Когда 19 августа 1945 года

советское воздушно-десантное подразделение приземлилось на Мукденском аэродроме, Пу И со свитой, включая японских советников, уже готовился улететь в Японию, но вместо этого вынужден был сдаться в плен.

С 19 августа японские войска почти повсеместно начали капитулировать. В плену оказалось 148 японских генералов, 594 тыс. офицеров и солдат. К концу августа было полностью закончено разоружение Квантунской армии и других сил противника, располагавшихся в Маньчжурии и Северной Корее. Успешно завершались операции по освобождению Южного Сахалина и Курильских островов.

Тщательно подготовленная и четко проведенная стратегическая наступательная операция на Дальнем Востоке имела огромное военно-политическое значение. В результате Россия вернула себе Южный Сахалин и Курильские острова, а Китай и Корея получили возможность определить свой путь развития.

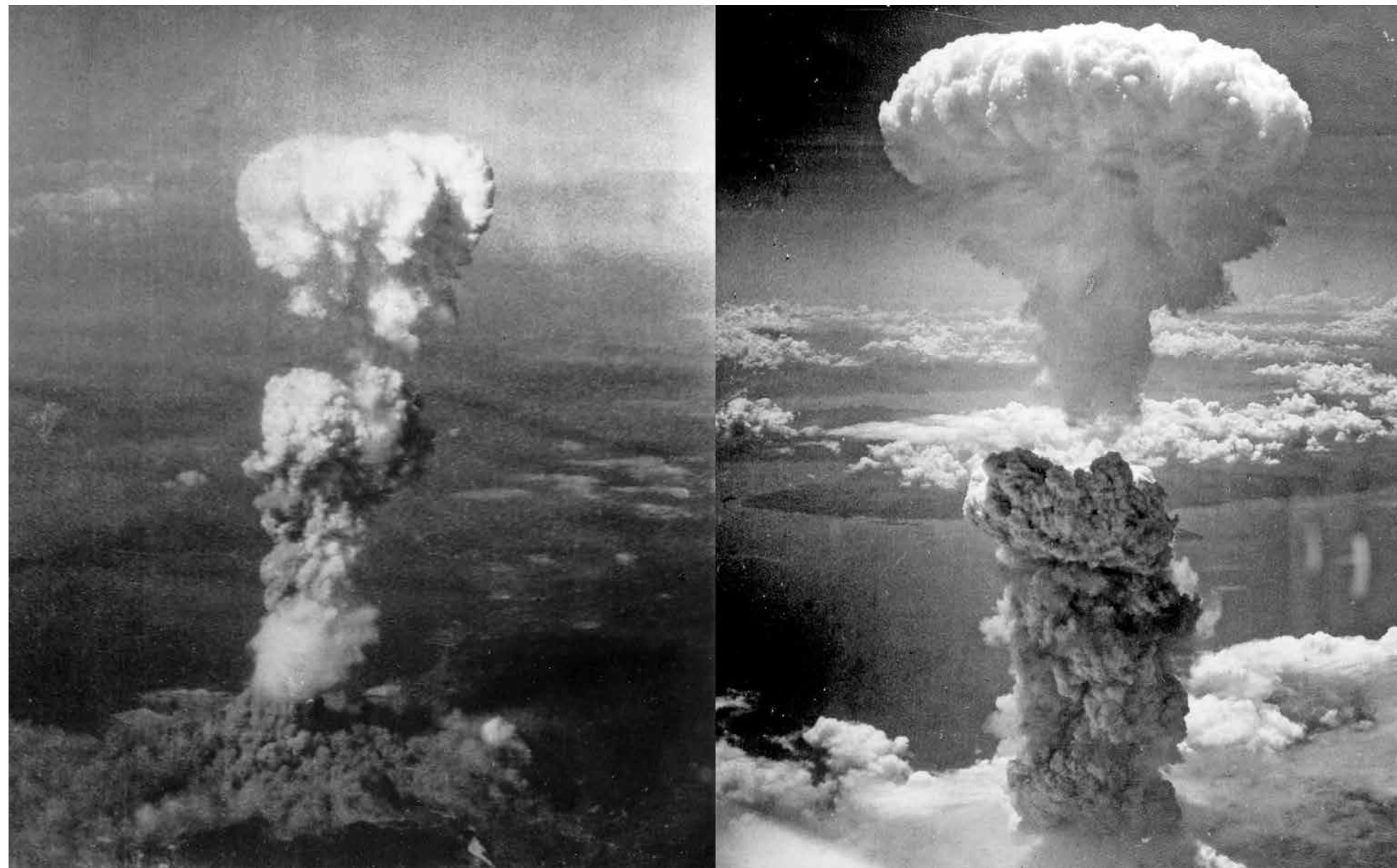
Миллионная Квантунская армия была полностью разгромлена. Ее потери убитыми составили 84 тыс. человек. Японские милитаристы лишились плацдармов для агрессии и основных своих баз снабжения сырьем и оружием в Китае, Корее и на Южном Сахалине. Крах Квантунской армии ускорил капитуляцию Японии в целом. Окончание войны на Дальнем Востоке предотвратило дальнейшее истребление и ограбление японскими оккупантами народов Восточной и Юго-Восточной Азии, ускорило капитуляцию Японии, что спасло от гибели сотни тысяч американских и английских солдат, избавило миллионы японских граждан от неисчислимых жертв и страданий.

Но сегодня об этом не любят вспоминать ни в Токио, ни в Вашингтоне.

ЧЕРНЫЙ ДОЖДЬ НАД ХИРОСИМОЙ И НАГАСАКИ

Восемь десятилетий назад человечество впервые познало страшную силу атомного оружия

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВ



Ядерный гриб над Хиросимой (слева) и Нагасаки (справа)

Уже отгремел восьмидесятый по счету День Победы, впереди – 80-летие окончания Второй мировой войны и победы над Японией. Однако между этими юбилеями вклинивается дата трагическая: восемь десятилетий назад человечество впервые познало страшную силу атомного оружия: 6 августа супербомбой была уничтожена Хиросима, а 9 августа жертвой второй атомной атаки стал город Нагасаки. О случаях и случайностях, сопровождавших

адскую акцию, о том, что испытали жертвы выпущенного американцами на свободу «боевого атома», автор этих строк услышал от Анатолия Иванько, востоковеда, переводчика, много времени проводившего в Японии.

– Во время моих неоднократных командировок в Японию я не раз сталкивался с напоминаниями об этих страшных страницах из истории страны, – подчеркнул Анатолий Григорьевич. – Особенно запомнился рассказ старика – владельца маленького ресторанчика в Нагасаки.

Встреча с ним произошла совершенно случайно весной 1992 года. Я и мой спутник быстро завершили служебные дела, а поскольку время было обеденное, то решили где-нибудь перекусить. Оказалось, что неподалеку находится ресторан русской кухни «Максим». Там неожиданно к нашему столику подошел администратор, извинился и попросил разрешения, чтобы к нам присоединился владелец ресторана, желающий выразить свое уважение русским гостям.

Появившийся вслед за тем человек лет восьмидесяти представился господином Като. Японец признался, что всю жизнь мечтал побывать в России, но годы и болезнь помешали его мечте осуществиться. Теперь он надеется, что Россию сможет посетить его дочь.

На вопрос, долго ли он живет в Нагасаки, последовал ответ: «Всю жизнь». «А как же атомная бомбардировка?» – не выдержал мой товарищ. После этого мы и услышали воспоминания человека, пережившего атомный ад.

Последняя исповедь «хибакуся»

Войну господин Като встретил водителем на большом предприятии. Оно занималось производством химических компонентов,

которые отправляли затем для военных нужд на континент, в Маньчжурию.

9 августа 1945 года он на своем фургоне возвращался в Нагасаки и вдруг километров за тридцать до города увидел огромное облако дыма, причем, как ему показалось, оно росло вверх над окрестностями городского стадиона. Мелькнула мысль: почему так много дыма, что может столь сильно гореть в том районе?

Нажав педаль газа, Като поспешил в город. Чем ближе подъезжал, тем тревожнее становилось на душе: как там родные – старики-родители, жена с двумя детишками. Вскоре в кабину стал проникать нестерпимый запах гари и становилось все жарче и жарче. Когда добрался до окраины Нагасаки, заметил многочисленные пожары, но при этом вокруг – полное безлюдье, город словно вымер.

Первыми людьми, которых он встретил, были мать и ребенок, лежащие на земле, держа друг друга за руку. Като остановил машину и бросился к несчастным, чтобы помочь, однако то, что он увидел вблизи, повергло его в ужас: это были обгоревшие тела двух человек, которые еще не умерли, но уже и не были живыми. Их рты, растянутые гримасой обожженного мяса, пытались кричать, но ничего не получалось.

Убедившись, что этим двум уже не помочь, Като рванул по направлению к своему дому. Однако на месте его жилища пылали головешки, то же самое было с соседними постройками и со всей улицей. Ужас происходящего усугубляла тишина: ни криков, ни звуков пожарных и полицейских сирен... Только треск горящего дерева и ломающихся в огне конструкций зданий.

Долго ли он просидел в оцепенении в кабине своего грузовика, господин Като не помнит. Очнулся лишь когда начался дождь,



Буддийский храм после атомной бомбардировки Нагасаки 9 августа 1945 года

походивший скорее на туманную морось. Такая морось сеялась в течение двух или трех часов, и все это время он не выходил из кабины, что фактически и спасло его от гибели. Потому что, как потом стало известно, это был «черный дождь» – радиоактивный дождь смерти.

В конце концов, не зная, что еще предпринять, Като поехал к своему предприятию, которое находилось на другом конце города и поэтому уцелело. Испуганные сторожа ничего толком не могли объяснить, а только твердили одно: что-то огромное сбросили с неба. К вечеру в Нагасаки прибыл спасательный

отряд, и все уцелевшие машины использовали для транспортировки пострадавших за городскую черту. Като занимался этой страшной работой с тайной надеждой встретить кого-либо из своих близких.

Практически все люди, которых эвакуировали, пострадали от огня и запредельной температуры. У одних кожа обгорела и слезла с тела, как кожура с молодой картошки, свисая бахромой, у других зияли кровоточащие раны. У некоторых пострадавших не было открытых ран, но все тело представляло собой сплошной волдырь: огненная вспышка чудовищного взрыва

равномерно обожгла несчастных со всех сторон, не оставив на них ни обугленных участков, ни едва опаленных. Глаза, нос, губы – все превратилось в единую маску-пузырь, под тонкой пленкой которой просвечивала скопившаяся мутновато-белая жидкость. Много людей было без рук, без ног, без глаз. Нагасаки превратился в город инвалидов...

Господин Като помолчал, затем добавил: «Похоже, что богом изобретена американская нация проводила эксперимент над живыми людьми по различным способам их сожжения. Но те, кто выжил среди

этого ужаса, зачастую могли позавидовать мертвецам. Вся моя семья погибла во время атомного удара, сам я позднее женился во второй раз, но из-за радиационного облучения уже долгие годы страдаю лейкозом».

Понимая, как тяжело пожилому человеку вспоминать августовские события 1945 года, я решил переменить тему и спросил, почему господин Като захотел встретиться с нами.

«Русские – настоящие люди, – ответил старый японец. – Они бы так не поступили. Я удивляюсь нашим руководителям в выборе друзей. Разве можно доверять американцам после того, что они сотворили в 1945-м?»

Мы распрощались с гостеприимным хозяином, а по возвращении в Россию выслали приглашение посетить нашу страну для его дочери. Однако никакого ответа не последовало. И тогда я набрал номер телефона в Нагасаки.

В трубке раздался голос дочери господина Като. С трудом сдерживая рыдания, она сообщила, что через два дня после встречи с нами ее отец умер: у него была лучевая болезнь, с которой он боролся все послевоенные годы. Так к 264 тысячам «хибакуся» – жертвам ядерных бомбардировок Японии, уже умершим к тому времени, прибавилась еще одна человеческая жизнь, которую забрал «боевой атом».

Их уже полмиллиона

– В силу «японского уклона» моей работы я на протяжении многих лет занимаюсь поиском фактов, связанных с той атомной трагедией. Чтобы лучше понять то, что случилось в начале августа 1945-го, давайте обратимся к предыстории, – предложил Анатолий Иванько. – В канун американских ядерных бомбардировок Япония находилась

в сложных условиях экономической и военной блокады. Императорский флот уже не в состоянии был достойно противостоять значительно более сильному и многочисленному флоту США и Великобритании. Вот почему военно-морское командование Японии основной упор делало на массовое производство специальных боевых средств, управляемых смертниками: взрывающихся катеров, карликовых подводных лодок и человеко-торпед, которые должны были по приказу сверху совершать самоубийственные атаки против вражеских кораблей. Однако такая тактика в конечном итоге не оправдала себя. Страна была блокирована флотом союзников, отрезана от импорта стратегических материалов.

Еще в начале марта 1945 года несколько сотен американских бомбардировщиков В-29 сбросили на Токио зажигательные бомбы, в результате от пожаров погибло свыше 100 тысяч человек. А всего ко времени бомбежки Хиросимы и Нагасаки американская авиация разрушила более 90 японских городов.

Комитет США по применению атомного оружия при выборе городов для ядерной воздушной атаки руководствовался следующими критериями:

- обязательное наличие во-круг военной цели гражданских объектов;
- важность данного города для японцев не только с экономической и стратегической точки зрения, но и с психологической;
- высокая степень значимости объекта бомбардировки, разрушение которого вызвало бы резонанс во всем мире;
- и наконец, еще одно существенное условие: цель не должна быть поврежденной предыдущими бомбардировками, чтобы военные смогли оценить истинную мощность нового оружия.

– Почему именно Хиросима и Нагасаки выпала столь страшная судьба?

– В число претендентов на получение ядерного удара у американцев попали кроме этих двух еще несколько японских городов.

Кокура – место размещения крупнейшего в Японии военного арсенала.

Иокогама, являющаяся центром военной промышленности.

Ниигата – место сосредоточения предприятий машиностроения, крупный порт на острове Хоккайдо, очень удобный для высадки советских войск на японскую территорию (а этому американцы хотели всячески воспрепятствовать).

Киото – важнейший индустриальный, культурный центр и древняя столица Японии.

Именно Киото был определен специалистами в качестве наиболее удобной цели для атомного удара. Однако, согласно сохранившимся воспоминаниям участников событий, тогдашний военный министр Соединенных Штатов Г. Стимсон настоял на исключении этого города из списка, так как был лично знаком с его достопримечательностями и представлял их ценность для мировой культуры. Дело в том, что мистер Стимсон в молодости провел в Киото медовый месяц и считал этот город своим свадебным талисманом.

Что же касается Хиросимы и Нагасаки, то, строго говоря, ни тот, ни другой не являлись «кузницами японского милитаризма», а были мирными городами с «элементами военного назначения». В Хиросиме, например, находился пункт сбора и последующей отправки по частям новобранцев и резервистов. А Нагасаки использовался как дополнительная верфь для ремонта кораблей.

Интересно, что оба упомянутых города в американском «черном



Школьница звонит в Колокол мира в Мемориальном парке мира в Хиросиме

списке» значились поначалу в качестве запасных целей, и всерьез вариант с их бомбардировкой не рассматривался. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что еще до 9 августа на Нагасаки был совершен авиааналет – «классический», с использованием обычных бомб. Он вызвал беспокойство жителей города и вынудил их эвакуировать большинство местных школьников в окрестные деревни. Это спасло сотни детских жизней.

Но в конечном итоге американское командование после долгих обсуждений все-таки выбрало два основных объекта для атомных бомбардировок и две запасные цели, на случай непредвиденных

ситуаций. Ими стали: для первой бомбежки Хиросима, а если этот город не удастся поразить, – Ниигата; для второй – Кокура, «дублером» которой назначили Нагасаки.

Судя по сведениям из американских источников, ядерный налет на Хиросиму проходил без проблем. Погода была более чем благоприятная для сброса бомбы, получившей от ученых-ядерщиков ласковое прозвище «Малыш». А японцы, когда их подразделение ПВО запеленговали

несколько одиночных объектов, устремляющихся к Хиросиме (основной бомбардировщик и сопровождавшие его самолеты наведения), решили, что это всего лишь очередной разведочный рейд американской авиации, который не представляет угрозы для города.

Совсем не так гладко протекала операция по сбросу второй атомной бомбы, которую назвали «Толстяк». Надо отметить, что первые в истории ядерные бомбардировки были подготовлены американцами очень тщательно. Единственной помехой при их осуществлении могла стать погода. Так и произошло. Ранним утром

9 августа с аэродрома на острове Тиниан взлетел самолет под командованием майора Чарльза Суини с «Толстяком» на борту, – его целью был японский город Кокура. В 8 часов 10 минут этот бомбардировщик прибыл к месту, где должен был встретиться со своим напарником – вторым В-29, но не обнаружил его.

После 40 минут ожидания в воздухе было принято решение совершить бомбежку без сопровождающего самолета. Однако тут выяснилось, что за время непредвиденной задержки над Кокурой сгустилась 70%-ная облачность, которая могла помешать точному выходу бомбардировщика на цель. В ход операции вмешалась и еще одна «мелочь», уже чисто техническая: буквально перед самым вылетом самолета майора Суини на нем обнаружилась неисправность топливного насоса, ситуацию усугубили 40 лишних минут, проведенных бомбардировщиком в воздухе, и теперь при окончательном выборе между основной и запасной целью стало очевидно, что тянуть до Кокуры рискованно, а потому единственная возможность употребить в дело «Толстяка» – сделать это во время пролета над Нагасаки, расположенном ближе.

Однако и здесь «бомбер» поджидали капризы погоды. Облака стали заволакивать небо над городом, скрывая его от американских летчиков. В какой-то момент показалось даже, что майору Суини придется разворачивать крылатую машину и возвращаться на базу, так и не выполнив боевого задания. Но вдруг в облачных клубах образовалось «окошко», через которое внизу стал виден характерный «маркер» на местности – стадион в Нагасаки. Ориентируясь на него, экипаж В-29 и сбросил смертоносный груз. К счастью, если такие слова вообще уместны в подобном случае, бомба упала довольно

далеко от густонаселенных кварталов, что несколько уменьшило число жертв.

Эффект от использования «боевого атома» оказался ошеломляющим. Согласно свидетельствам очевидцев, все, кто находился в радиусе 800 метров от эпицентров взрывов, умерли. Из-за очень высокой температуры, которая образовалась на местах падения «Малыша» и «Толстяка», начались массовые пожары, причем в Хиросиме они вскоре превратились в огненный смерч из-за ветра, скорость которого была около 50–60 км/ч. Из 245 тысяч жителей Хиросимы сразу погибло 70 или 80 тысяч человек. В ближайшие дни количество жертв еще увеличилось за счет умерших от ран и ожогов, а потом...

Ядерная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки познакомила человечество с лучевой болезнью. Первыми ее заметили медики. Их удивило, что состояние выживших сначала улучшалось, а затем они погибали от болезни, симптомы которой во многих случаях напоминали диарею. В первое время после атомного налета мало кто мог предположить, что те, кто его пережил, будут страдать различными тяжелыми заболеваниями и даже производить на свет нездоровых детей.

– Как можно оценить чисто военные результаты использования американцами супербомб?

– 9 августа, после известия о бомбардировке Нагасаки и объявления войны со стороны СССР, император Хирохито выступил за немедленную капитуляцию при условии сохранения в стране своей власти. В тексте заявления, распространенного японскими СМИ, Его Величество упоминал, что одной из причин такого решения является наличие у противника «страшного оружия», использование которого

способно привести к уничтожению нации.

Казалось бы, это подтверждает заверения американского руководства о том, что главная цель применения ими атомного оружия – стремление быстро окончить войну. Однако такое утверждение не выдерживает серьезной критики. Во-первых, как говорилось выше, Япония в канун бомбардировки уже перестала представлять собой реальную военную угрозу. А во-вторых, Сталин еще летом 1945-го, за две недели до Потсдамской конференции, информировал своих союзников Трумэна и Черчилля о том, что Япония готова вступить в переговоры с ними о капитуляции. К сожалению, эта информация не была воспринята американским и английским лидерами, как сигнал к завершению военных действий.

США необходимо было удивить весь мир новым видом оружия массового поражения. А главное, продемонстрировать Советскому Союзу это оружие в действии и тем самым доказать, что времена, когда все три державы антигитлеровской коалиции на равных решали судьбы мира, ушли безвозвратно и теперь Соединенные Штаты будут единолично решать судьбу человечества.

Еще одной целью атомных бомбардировок было не допустить вторжения советских войск в Японию и тем самым обеспечить ее оккупацию Америкой. Это подтверждает дата бомбардировки Нагасаки: 9 августа – день, когда Советский Союз вступил в войну с Японией и наши войска уже начали успешно взламывать оборону Квантунской армии в Маньчжурии, что означало грядущее неминуемое военное поражение армии императора Хирохито.

Наконец, следует учитывать, что руководство Соединенных Штатов преследовало цели не только

военного, политического, но и коммерческого характера: нужно было оправдать перед налогоплательщиками 2 миллиарда долларов, ушедших на разработку ядерного проекта.

– Известно ли общее количество тех, чья жизнь оборвалась до срока по вине «Малыша» и «Толстяка»?

– Уже к концу 1945 года количество жертв ядерной бомбежки достигло, по разным оценкам, среди жителей Хиросимы – от 90 до 160 тысяч человек, а среди населения Нагасаки – от 60 до 80 тысяч. Но и после этого люди продолжали умирать. Вот уже на протяжении семи десятилетий у японцев существует страшное слово «хибакуся». Таким термином на островах называют жертв американской атомной бомбардировки.

Согласно имеющейся статистике, в августе 2013 года, через 68 лет после трагедии, общее количество умерших в результате ядерной атаки превысило 450 тысяч человек. Но страшный список продолжает пополняться и сейчас.

Эти тысячи погибших и заболевших фактически выполнили роль подопытных для проверки воздействия нового оружия на человека.

Примечательно, что у тогдашнего руководства США подобный циничный подход к решению «проблемы Японии» не вызывал никаких угрызений совести. Очень красноречиво это доказывают слова президента Соединенных Штатов Гарри Трумэна. На второй день после бомбардировки Нагасаки он сказал: «Единственный язык, который они (японцы) понимают – это язык бомбежек. Когда приходится иметь дело с животным, приходится обращаться с ним, как с животным. Это печально, но это так...»

ИСТОРИЯ: ОКОНЧАНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

РЕВИЗИИ НЕ ПОДЛЕЖИТ

Без вступления в войну СССР американцы не смогли бы быстро победить Японию с помощью атомного оружия

АНАТОЛИЙ КОШКИН



2 сентября 1945 года в 9:02 министр иностранных дел Японии Мамору Сигэмицу подписал акт о капитуляции Японии на борту американского военного корабля «Миссури»

Японские официальные историки утверждают, что правительство Японии вплоть до окончания войны ничего не знало о достигнутых в Ялте соглашениях по вопросам Дальнего Востока. Однако существуют указания на то, что японская разведка располагала

сведениями о договоренностях в Крыму, касавшихся Японии. Так, в 1985 году в Японии были опубликованы воспоминания шифровальщицы японского представительства в Стокгольме Юрико Онодэры, которая утверждала, что разведданные о содержании

ялтинских соглашений о Японии были своевременно переданы в японский МИД.

Едва ли случайным совпадением является то, что 14 февраля 1945 года, через два дня после завершения Ялтинской конференции, трижды возглавлявший японское

правительство влиятельный политический деятель Японии князь Фумимаро Коноэ спешно составил и представил императору Хирохито секретный доклад, в котором призывал японского монарха «как можно скорее закончить войну». При этом с особой тревогой указывалось на «замыслы Советского Союза в отношении Восточной Азии». Коноэ предупреждал, что «существует серьезная опасность вмешательства в недалеком будущем Советского Союза во внутренние дела Японии». Главный смысл доклада Коноэ сводился к тому, чтобы до вступления в войну СССР успеть капитулировать перед США и Великобританией, «общественное мнение которых еще не дошло до требования изменения нашего государственного строя».

15 февраля руководители японской разведки проинформировали участников заседания Высшего совета по руководству войной о том, что «Советский Союз намерен обеспечить себе право голоса в решении вопросов будущего Восточной Азии». Прозвучало предупреждение, что к весне СССР может расторгнуть пакт о нейтралитете и присоединиться к союзникам в войне против Японии.

На следующий день об этом говорил императору министр иностранных дел Мамору Сигэмицу: «Дни нацистской Германии сочтены. Ялтинская конференция подтвердила единство Великобритании, США и Советского Союза». Министр рекомендовал императору Хирохито не полагаться на пакт о нейтралитете. Генерал Хидэки Тодзио также предупреждал монарха о возможности выступления СССР против Японии, оценив такую возможность как 50 на 50.

Однако император, сознавая, что вступление в войну СССР будет означать неизбежное и быстрое поражение Японии, не оставлял надежды на привлечение Москвы

в качестве посредника для достижения перемирия с США. Хотя далеко не все японские руководители верили в успех привлечения СССР на сторону Японии, японский МИД сразу после Ялтинской конференции предпринял попытки через советского посла в Японии Я. А. Малика изложить советским руководителям японское предложение о посредничестве. Однако по указанию Москвы посол избегал прямых ответов на японский зондаж.

Японский зондаж, кроме всего прочего, преследовал цель поссорить Советский Союз с Соединенными Штатами и Великобританией, нарушить их союз. По замыслам японского руководства, сам факт советско-японских дипломатических контактов по вопросу о перемирии мог быть истолкован западными державами как односторонняя закулисная деятельность Москвы для сговора с Японией за спиной Вашингтона и Лондона. В принятом 20 апреля 1945 года Высшим советом по руководству войной документе «Общие принципы мероприятий в случае капитуляции Германии» прямо ставилась задача: «Приложить усилия к тому, чтобы умелой пропагандой разобщить США, Великобританию и СССР и подорвать решимость США и Великобритании вести войну». Важность таких усилий возросла после объявления о денонсации советско-японского пакта.

Готовясь к войне с Японией, советское правительство стремилось соблюсти нормы международного права. 5 апреля 1945 года правительству Японии было официально объявлено о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 года. В заявлении советского правительства указывалось, что пакт был подписан до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией с одной

стороны, и Великобританией и США с другой.

Текст заявления гласил: «С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза».

При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл и продление этого Пакта стало невозможным. В соответствии со статьей 3-й упомянутого Пакта, предусматривающей право денонсации за один год до истечения пятилетнего срока действия Пакта, Советское Правительство настоящим заявляет Правительству Японии о своем желании денонсировать Пакт от 13 апреля 1941 года».

Денонсировав пакт о нейтралитете, советское правительство за четыре месяца до вступления в войну фактически информировало японское правительство о возможности участия СССР в войне с Японией с целью скорейшего завершения Второй мировой войны. Естественно, о возможном сроке вступления в войну японскому правительству не сообщалось. Более того, стремясь по возможности обеспечить скрытность подготовки вооруженных сил к вступлению в войну, советская сторона, отвечая на японский вопрос, соглашалась, что действие пакта о нейтралитете может сохраняться до истечения пятилетнего срока.

Нельзя исключать, что при этом советское правительство допускало ситуацию, когда японское правительство прекратит войну еще до вступления в нее Советского Союза. Официальное объявление о денонсации пакта рассматривалось в Москве как серьезное предупреждение японскому правительству, призванное

убедить его в бесполезности продолжения войны.

О том, что японское правительство связывало неизбежность поражения лишь со вступлением в войну СССР, свидетельствует намерение продолжать борьбу с США и Великобританией до победного конца. 23 апреля 1945 года новый министр иностранных дел Японии Сигэнори Того заявил представителям императорской ставки: «Если Японии удастся одержать победу на Окинаве, Советский Союз убедится, что у нас все еще имеются значительные резервы. Поэтому, воспользовавшись подобной ситуацией, можно будет построить фундамент для деятельности нашей дипломатии».

Попытки договориться с Советским Союзом заметно активизировались после капитуляции Германии. В это время японское командование, потерпев поражение на Окинаве, начало спешно готовиться к сражению за метрополию. А для этого необходимо было сохранить Квантунскую армию (группу армий), которую при резком осложнении положения планировалось перебросить на территорию Японии. Поскольку вступление в войну СССР могло нарушить эти планы, японское высшее командование еще более решительно требовало от правительства сделать все возможное, чтобы удержать Москву от этого шага.

15 мая на заседании Высшего совета по руководству войной было принято решение добиваться начала японо-советских переговоров. Для этого считалось необходимым продемонстрировать Советскому Союзу позитивный характер политики нейтралитета и склонять СССР к посредничеству в деле окончания войны на приемлемых для Японии условиях. Японское руководство демонстративно аннулировало все японо-германские соглашения и дало указание прессе поддерживать дипломатические

шаги японского правительства в отношении СССР. Однако обстановка складывалась явно не в пользу Японии. Советское правительство, понимая существо японских замыслов, продолжало уклоняться от попыток Токио вовлечь СССР в официальные переговоры. 6 июня на очередном заседании Высшего совета по руководству войной была дана весьма пессимистическая оценка складывавшегося положения. В представленном членам совета анализе ситуации говорилось: «Путем последовательно проводимых мер Советский Союз подготавливает почву по линии дипломатии, чтобы при необходимости иметь возможность выступить против Империи; одновременно он усиливает военные приготовления на Дальнем Востоке. Существует большая вероятность того, что Советский Союз предпримет военные действия против Японии <... > после летнего или осеннего периода».

Тем не менее у японского правительства и командования оставались надежды на резкое ухудшение советско-американских и советско-английских отношений. Участники совещания с нескрываемым удовлетворением отмечали, что «после окончания войны против Германии сотрудничество США и Великобритании с Советским Союзом ослабевает». При этом японские лидеры тешили себя надеждой, что в конце концов советское руководство поймет выгоду для себя от затягивания войны между Японией и США и Великобританией, в которой обе стороны лишь ослабляют друг друга. Поэтому ставилась задача использовать все возможности для поиска какой-либо договоренности с Советским Союзом.

Вместе с тем на заседании Высшего совета по руководству войной 6 июня был подтвержден курс Японии на продолжение войны. В принятом на заседании решении указывалось: «Империя должна

твердо придерживаться курса на затяжной характер войны, не считаясь ни с какими жертвами. Это не может не вызвать к концу текущего года значительных колебаний в решимости противника продолжать войну».

Из этого следует, что «мирная дипломатия» Японии в отношении СССР преследовала цель избежать капитуляции, сохранить в стране существующий режим и продолжать войну до тех пор, пока США и Великобритания не пойдут на уступки в определении условий перемирия. В Токио всерьез рассчитывали на принятие США и Великобританией компромиссных условий мира, которые, в частности, предусматривали сохранение за Японией Кореи и Тайваня.

Следует отметить, что японские расчеты на разлад среди коалиции союзников имели определенные основания, связанные с тем, что после смерти Рузвельта в апреле 1945 года президентом США стал Гарри Трумэн. Как отмечал известный советский дипломат А. А. Громыко, после этого «бреешь в политической жизни США образовалась зияющая. Международные последствия ее оказались огромными. К власти в США пришел Трумэн, бывший вице-президент. Как политик он до этого светил вроде Луны – отраженным светом. В советско-американских отношениях почти сразу же стали проявляться серьезные натянутости».

Во время вступления в должность Трумэн был проинформирован о секретных работах по созданию атомной бомбы. Перспектива появления у США супероружия породила у новой американской администрации надежду, что война может быть завершена в результате атомной бомбардировки. Однако уверенности в том, что атомная бомба может быть применена в ближайшее время, не было. Поэтому у США сохранялась

заинтересованность в том, чтобы Сталин выполнил данное на Ялтинской конференции обещание вступить в войну с Японией.

В США и Великобритании готовились к упорным продолжительным сражениям на театрах Тихоокеанской войны. В решениях англо-американской конференции в Квебеке, состоявшейся 11–16 сентября 1944 года, окончание войны с Японией планировалось не раньше, чем через 18 месяцев после поражения Германии. Эти расчеты оставались в силе и накануне Ялтинской конференции. Поэтому в подготовленной с участием военных памятке для президента Рузвельта и американской делегации особо подчеркивалось: «Мы отчаянно нуждаемся в Советском Союзе для войны с Японией по завершении войны в Европе».

Незадолго до Ялтинской конференции Рузвельту доложили, что первая атомная бомба будет готова примерно к 1 августа, а вторая – к концу 1945 года. Однако в Вашингтоне исходили из того, что одна или несколько атомных бомб не смогут сыграть решающей роли в разгроме Японии. Эту роль должны были сыграть советские войска, способные разгромить Квантунскую армию и, сковав японские соединения в Китае, лишить тем самым японское командование возможности использовать их для обороны метрополии.

Всего этого не мог не учитывать и новый президент США. Когда к лету 1945 года из секретных лабораторий поступили сведения о том, что работы по созданию нового оружия вступили в завершающую стадию, в администрации США возобладало стремление скорейшим нанесением атомных ударов по Японии опередить вступление СССР в войну и устранить его от послевоенного урегулирования на Дальнем Востоке. Но американские генералы продолжали

настаивать на обязательном привлечении СССР к разгрому Японии. Военный министр США Генри Стимсон в памятной записке предупреждал Трумэна 2 июля 1945 года: «Начав вторжение, нам придется, по моему мнению, завершать его даже еще более жестокими сражениями, чем те, которые имели место в Германии. В результате мы понесем огромные потери и будем вынуждены оставить Японию».

По чисто военным соображениям американское командование не могло отказаться от помощи Советского Союза, поскольку не было уверено в том, что атомная бомба положит конец войне. В ходе проходившей во второй половине июня 1945 года Потсдамской конференции глав трех держав – СССР, США и Великобритании – Трумэн, несмотря на успешное испытание атомной бомбы, прямо заявил, что «США ожидают помощи от СССР в войне против Японии». В ответ Сталин сказал, что «Советский Союз будет готов вступить в действие к середине августа и что он сдержит свое слово».

Советский Союз присоединился к опубликованной 26 августа Потсдамской декларации, которая призывала японское правительство немедленно капитулировать и предупреждала, что «иначе Японии ждет быстрый и полный разгром». В первом пункте декларации было заявлено, что «Японии дается возможность окончить эту войну». Однако японское правительство не пожелало воспользоваться этой возможностью, проигнорировав Потсдамскую декларацию. Занятая Токио позиция затягивала окончание войны, вела народы к новым жертвам и лишениям.

8 августа 1945 года советское правительство в строгом соответствии с ялтинским соглашением объявило Японии войну. В сообщении ТАСС, в частности, говорилось: «Учитывая отказ Японии

капитулировать, союзники обратились к Советскому правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем самым сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира... Советское правительство заявляет, что с завтрашнего дня, т.е. с 9 августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией».

Вступлению Советского Союза в войну предшествовала атомная бомбардировка 6 августа японского города Хиросима. Затем, уже после начала боевых действий советских войск, 9 августа, вне всякой военной необходимости атомным ударом был уничтожен и город Нагасаки.

В полдень 15 августа 1945 года японцы впервые слышали по радио голос своего монарха. Император Хирохито, считавшийся, согласно официальной государственной религии Синто, прямым потомком богов, объявил своим подданным о решении прекратить войну. В качестве обоснования невозможности дальнейшего сопротивления было указано использование противником новой супербомбы. Тем самым давалось понять, что Япония потерпела поражение не в честном сражении с противником, а вынуждена уступить перед неодолимой силой невиданного ранее оружия. В связи с этим в Японии до сих пор считается, что применение американцами атомных бомб явилось «тэнъю» – волей providения, милостью небес, позволившей священной нации Ямато выйти из войны с честью, не потеряв лица.

Однако, как свидетельствуют факты и документы, не атомные бомбы вынудили японское правительство согласиться на капитуляцию. Японские руководители скрывали от народа сообщение о применении американцами обладающего

огромной мощью атомного оружия и продолжали готовить население к решающему сражению на своей территории «до последнего японца». Вопрос о бомбардировке Хиросимы не был даже обсужден на заседании Высшего совета по руководству войной. Предупреждение президента Трумэна от 7 августа по американскому радио о готовности США нанести новые атомные удары было расценено японским правительством как пропаганда союзников.

Невзирая на атомные бомбардировки, сторонники «партии войны» продолжали развернуть по всей стране подготовку населения к отпору врагу в случае вторжения – женщин, детей и стариков обучали приемам борьбы с применением бамбуковых копий, в горах создавались базы партизанской войны. Создатель отрядов смертников-камикадзе заместитель начальника главного морского штаба вице-адмирал Такидзиро Ониси, категорически выступая против капитуляции, заявлял на заседании правительства: «Пожертвовав жизнями 20 миллионов японцев в специальных атаках, мы добьемся безусловной победы». При этом он подчеркивал, что камикадзе не обязательно быть пилотом, а достаточно просто «быть готовым нанести ценой своей жизни эффективный удар по противнику».

До последнего существовали и надежды на использование сохранившей свою боеспособность Квантунской армии. Рассматривался вариант в случае высадки американских войск на Японские острова переправить императора и его семью в Маньчжоу-Го, чтобы продолжить здесь сопротивление. При этом считалось, что американцы не будут подвергать атомной бомбардировке территорию союзного Китая. Подобные расчеты были перечеркнуты блицкригом советских войск в Маньчжурии.

9 августа на экстренном заседании Высшего военного совета по руководству войной премьер-министр Японии Кантаро Судзуки со всей определенностью заявил: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным продолжение войны».

Участие СССР в войне вынудило японскую верхушку согласиться с капитуляцией не только из-за неизбежного военного поражения, но и по политико-идеологическим причинам. Японская аристократия и помещичье-буржуазные круги усматривали в поражении от социалистического Советского Союза опасность «коммунистической революции в Японии». Эти опасения оказали весьма важное влияние при обосновании необходимости капитулировать как можно скорее. Премьер-министр Судзуки, выступая против попыток военных затянуть принятие окончательного решения о капитуляции, заявил 14 августа на императорском совещании, что «необходимо положить конец войне, пока мы имеем дело с американцами».

Серьезное опасение за сохранение в Японии монархической власти прозвучало в рескрипте императора «К солдатам и матросам» от 17 августа 1945 года. В нем император Хирохито, уже не упоминая американские атомные бомбы и уничтожение японских городов, в качестве основной причины капитуляции назвал вступление в войну СССР. Было со всей определенностью заявлено: «Теперь, когда в войну против нас вступил и Советский Союз, продолжать сопротивление <...> означает поставить под угрозу саму основу существования нашей Империи».

Без СССР американцы не смогли бы быстро победить Японию с помощью атомного оружия. По расчетам американских штабов,

для обеспечения высадки десантов на Японские острова требовалось по меньшей мере девять атомных бомб. После ударов по Хиросиме и Нагасаки у США больше не было готовых атомных бомб, производство же новых требовало длительного времени. Не следует забывать и то, что в ответ на атомные удары японцы могли обрушить на США накопленное в секретных лабораториях в огромных количествах бактериологическое оружие.

Факты истории заставляют даже непримиримых критиков политики Сталина признавать очевидное. Так, в изданном в 2005 году многостраничном научном исследовании причин принятия японским правительством решения о капитуляции *Racing the Enemy. Stalin, Truman, and the Surrender of Japan* («В погоне за врагом. Сталин, Трумэн и капитуляция Японии») профессор Калифорнийского университета (США), этнический японец Цуеси Хасэгава признает определяющее влияние вступления СССР в войну на решение императора принять условия капитуляции: «Сброшенные на Хиросиму и Нагасаки две атомные бомбы не являлись определяющими при принятии Японией решения капитулировать. Несмотря на сокрушительную мощь атомных бомб, их было недостаточно для изменения вектора японской дипломатии. Это позволило сделать советское вторжение. Без вступления Советского Союза в войну японцы продолжали бы сражаться до тех пор, пока на них не были бы сброшены многочисленные атомные бомбы, не осуществилась бы успешная высадка союзников на острова собственно Японии, или продолжались бы воздушные бомбардировки в условиях морской блокады, что исключило бы возможность дальнейшего сопротивления».

2 сентября 1945 года в Токийском заливе на борту американского линкора «Миссури» состоялась

церемония подписания акта о капитуляции Японии, ознаменовавшая также окончание Второй мировой войны. Правительство милитаристской Японии признавало свое полное поражение и соглашалось с условиями капитуляции, выдвинутыми победителями.

Текст акта о капитуляции гласил: «Мы, действуя по приказу и от имени императора, японского правительства и японского императорского генерального штаба, настоящим принимаем условия декларации, опубликованной 26 июля в Потсдаме главами правительств Соединенных Штатов, Китая и Великобритании, к которой впоследствии присоединился и СССР, каковые четыре державы будут впоследствии именоваться союзными державами.

Настоящим мы заявляем о безоговорочной капитуляции союзным державам японского императорского генерального штаба, всех японских вооруженных сил и всех вооруженных сил под японским контролем вне зависимости от того, где они находятся.

Настоящим мы приказываем всем японским войскам, где бы они ни находились, и японскому народу немедленно прекратить военные действия, сохранять и не допускать повреждения всех судов, самолетов и военного и гражданского имущества, а также выполнять все требования, которые могут быть предъявлены верховным командующим союзных держав или органами японского правительства по его указаниям.

Настоящим мы приказываем японскому императорскому генеральному штабу немедленно издать приказы командующим всех японских войск и войск, находящихся под японским контролем, где бы они ни находились, безоговорочно капитулировать лично, а также обеспечить безоговорочную капитуляцию всех

войск, находящихся под их командованием.

Все гражданские, военные и морские официальные лица должны повиноваться и выполнять все указания, приказы и директивы, которые верховный командующий союзных держав сочтет необходимым для осуществления данной капитуляции и которые будут изданы им самим или же по его уполномочию; мы предписываем всем этим официальным лицам оставаться на своих постах и по-прежнему выполнять свои небоевые обязанности, за исключением тех случаев, когда они будут освобождены от них особым указом, изданным верховным командующим союзных держав или по его уполномочию.

Настоящим мы даем обязательство, что японское правительство и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации, отдавать те распоряжения и предпринимать те действия, которые в целях осуществления этой декларации потребует верховный главнокомандующий союзных держав или любой другой назначенный союзными державами представитель.

Настоящим мы предписываем японскому императорскому правительству и японскому императорскому генеральному штабу немедленно освободить всех союзных военнопленных и интернированных гражданских лиц, находящихся сейчас под контролем японцев, и обеспечить их защиту, содержание и уход за ними, а также немедленную доставку их в указанные места.

Власть императора и японского правительства управлять государством будет подчинена верховному главнокомандующему союзных держав, который будет предпринимать такие шаги, какие он сочтет необходимыми для осуществления этих условий капитуляции.

Подписано в Токийском заливе, Япония, 2 сентября 1945 года в 9 часов 04 минуты.

На основании приказа и от имени Его величества императора Великой Японской империи и от имени японского правительства Сигэмицу Мамору.

На основании приказа и от имени Японской императорской Главной ставки Есидзиро Умэдзу.

Принято в Токийском заливе, Япония, в 9 часов 08 минут 2 сентября 1945 года в интересах Соединенных Штатов Америки, Китайской Республики, Соединенного Королевства и Союза Советских Социалистических Республик, а также в интересах других союзных государств, находящихся в состоянии войны с Японией.

Верховный главнокомандующий союзных держав Дуглас Макартур

Представитель Соединенных Штатов Америки Ч. В. Нимиц

Представитель Китайской Республики Су Юнчан

Представитель Объединенного Королевства Брус Фрэнгер

Представитель Союза Советских Социалистических Республик Кузьма Николаевич Деревянко».

Акт подписали также представители Австралии, Канады, Франции, Голландии, Новой Зеландии.

Важным положением Акта о капитуляции было согласие японского правительства с условиями окончания войны, в том числе с изложенными в Потсдамской декларации ее территориальными итогами для Японии.

Обязательство о том, что «японское правительство и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации», сохраняется и поныне и не дает права нынешнему правительству Японии предпринимать попытки ревизии итогов Второй мировой войны, предъявлять соседним странам необоснованные территориальные претензии.

ИСТОРИЯ: ОКОНЧАНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПОЧЕТНАЯ МИССИЯ СЫНА КАМЕНОТЕСА

Под Актом о безоговорочной капитуляции Японии стоит подпись генерал-лейтенанта Кузьмы Николаевича Деревянко, представлявшего советскую сторону

АНАТОЛИЙ ДОКУЧАЕВ



2 сентября 1945 года представитель Советского Союза Кузьма Деревянко (стоит первый слева) принял участие в церемонии подписания Акта о капитуляции Японии. У микрофона — генерал Дуглас Макартур

С июня 2023 года 3 сентября считается не просто днем окончания Второй мировой войны, а еще и Днем Победы над милитаристской Японией. Медаль «За победу над Японией», которой награждено около 1 831 000 человек, была учреждена 30 сентября 1945 года в СССР. А определяющим фактором для принятия руководством Японии решения о капитуляции было наступление советских войск, которые молниеносными и непрерывными ударами за шесть дней разгромили 750-тысячную японскую Квантунскую армию, продвинувшись в глубь территории Маньчжурии на 300 км, уничтожили части японских войск в Северо-Западном Китае, высадили десанты в Северной Корее, на Сахалине и Курильских островах. В результате императору Хирохито ничего не оставалось делать, как приказать своим войскам сложить оружие. Под Актом о безоговорочной капитуляции Японии стоит подпись генерал-лейтенанта Кузьмы Николаевича Деревянко, представлявшего советскую сторону.

Кузьма Деревянко был высокопрофессиональным разведчиком и военачальником. Учился в Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе на Восточном факультете, изучал английский и японский языки. С октября 1936 года служил в Разведывательном управлении РККА. В 1936–1938 годах капитан Деревянко выполнял секретную операцию по снабжению оружием

китайских войск, воевавших с японцами, за которую был награжден орденом Ленина. Воевал в Испании. В 1938 году стал начальником 15-го отдела Разведывательного управления РККА. Во время Советско-финской войны майор Деревянко – начальник штаба Отдельной особой лыжной бригады при штабе 9-й армии. Это разведывательно-диверсионное подразделение было сформировано в основном из студентов Ленинградского института физкультуры им. Лесгафта.

В 1940 году Деревянко был награжден орденом Красной Звезды и произведен в полковники. С июля 1940 года он заместитель начальника разведотдела Прибалтийского особого военного округа. В январе – марте 1941 года выполнял особое задание в Восточной Пруссии. В годы Великой Отечественной войны был начальником разведывательного отдела штаба Северо-Западного фронта, затем начальником штаба 53-й, 57-й и 4-й гвардейской армий 2-го Украинского фронта. Участвовал в Курской битве, в битве за Днепр. Внес значимый вклад в успешное завершение Корсунь-Шевченковской операции и в разгром противника в Ясско-Кишиневской операции. Участвовал во взятии Будапешта и Вены.

Накануне войны с Японией Кузьма Николаевич был переведен на Дальний Восток на должность начальника штаба 35-й армии Приморской группы войск.

В Ставке Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке маршал Советского Союза Александр Василевский вручил Деревянко телеграмму, подписанную Сталиным и начальником Генерального штаба Алексеем Антоновым, в которой говорилось, что генерал-лейтенант Деревянко назначен представителем Главного Командования советских войск на Дальнем Востоке при штабе Верховного

командующего союзными войсками на Тихом океане генерале Дугласе Макартуре.

25 августа 1945 года Деревянко, получив указания Василевского, вылетел из Владивостока на Филиппины, где дислоцировался штаб американских вооруженных сил на Тихом океане. Полет был долгим. Чтобы не попасть под огонь японской зенитной артиллерии, шли сложным маршрутом и на большой высоте. Уже в Маниле Кузьма Николаевич получил приказ о переподчинении Ставке Верховного Главнокомандования и полномочиях на подписание Акта о безоговорочной капитуляции Японии от имени Советского Верховного Главнокомандования. А 30 августа 1945 года вместе с Макартуром и представителями стран-союзников Деревянко прибыл в Японию для участия в церемонии подписания Акта о капитуляции.

«И тогда, и в последующие годы я часто задумывался, – вспоминал Кузьма Николаевич, – почему именно мне, можно сказать, малоизвестному генералу, рядовому большой войны, выпала столь почетная миссия? Разве мог я даже мысленно представить, что не кто другой, а я, сын каменотеса из небольшого украинского села Косеновка, по поручению партии, Советского государства подпишу исторический документ? Видимо, при выборе было учтено, что сразу после встречи наших войск с союзниками в Австрии я уже представлял Советское командование в Союзническом совете в Вене. Возможно, какую-то роль сыграло и то, что еще во время учебы в Военной академии имени М. В. Фрунзе я прилежно изучал английский и японский языки, а затем два года выполнял интернациональный долг по оказанию помощи Китаю. Какими бы ни были причины, я делал все, чтобы оправдать доверие – особо поручение Сталина, в большом и малом отстаивать интересы своей Родины,

внесшей решающий вклад в разгром германского фашизма и японского милитаризма».

Можно предположить, что Сталин, отправляя Деревянко в Японию, преследовал и другие цели. Кузьма Николаевич прошел большую военную школу, был начальником штаба ряда армий и мог профессионально проанализировать обстановку в Японии, что было немаловажным. Также не исключено, что Сталин хотел не преувеличивать вклад американцев в разгром армий стран оси во Второй мировой войне, поэтому и поручил скрепить подписью Акт о капитуляции Японии военачальника в ранге генерал-лейтенанта. Дескать, большего не заслуживают...

В штабе главнокомандующего войсками союзников на Тихом океане Деревянко познакомился с генералом Дугласом Макартуром, а также с представителями других стран-союзников – Канады, Великобритании, Австралии, Франции, Голландии, Новой Зеландии и Китая, прибывшими для подписания Акта о безоговорочной капитуляции Японии.

«И вот наступило 2 сентября 1945 года, исторический день окончания Второй мировой войны, – вспоминал Деревянко. – Разбитая наголову Япония признала себя побежденной, сложила оружие, и ее государственные и военные представители изъявили готовность подписать Акт о безоговорочной капитуляции. Церемония подписания Акта была назначена на борту американского линкора «Миссури», бросившего якорь в Токийском заливе. Почему был выбран этот корабль? Линкор участвовал во многих боевых операциях на море, проводимых американцами. 24 марта 1945 года он возглавлял эскадру, которой удалось подойти к берегам Японии и обстрелять из орудий важный район севернее Токио. Японцы



К. Н. Деревянко ставит свою подпись под Актом о капитуляции Японии

специально охотились за “Миссури”. 11 апреля его атаковал самолет, управляемый смертником, но повреждения оказались незначительными. Линкор, конечно, был заслуженным кораблем. Но с самого начала церемонии чувствовалось и стремление Макартура провести ее так, чтобы создать впечатление, будто Япония сокрушена чуть ли не одними Соединенными Штатами».

Утром 2 сентября к «Миссури», расцвеченному флагами союзных держав, подошел миноносец, на борту которого находился генерал Макартур. За ним на линкор поднялись представители других

союзных государств. Советская делегация поднялась в числе первых. Американские моряки устроили членам делегации овацию. Это было естественным выражением симпатии к Советскому Союзу, к героическому советскому народу, сделавшему больше всех для победы во Второй мировой войне, к Красной армии, которая заставила сложить оружие отборные войска милитаристской Японии. Тогда этот факт никто даже не пытался оспорить.

На палубе к Деревянко подбежал фотокорреспондент «Правды» Виктор Антонович Темин и шепнул, что ему не удалось найти места для

съемки – оттесняют газетчики других стран.

– Следуйте за мной. И посмелее, – сказал Деревянко.

Представляя Дугласу Макартуру членов делегации, Деревянко подчеркнул:

– А это специальный фотограф Сталина Виктор Темин.

И, повернувшись к Темину, спросил:

– Где вам удобнее расположиться для съемки?

– Там, – показал Темин на площадку, целиком оккупированную представителями средств массовой информации США.

– О’кей! – произнес Макартур и взмахом руки как бы отсек от Темина офице-

ров охраны, теснивших фотокорреспондента за оцепление.

Снимки у Темина получились отличные. Они были опубликованы не только в «Правде», но и в других газетах.

После того как собрались все представители стран-победительниц, к линкору доставили японскую делегацию во главе с министром иностранных дел Мамору Сигэмицу – главным уполномоченным императора Хирохито. Обстановка подписания Акта, по словам Деревянко, была простой. На небольшом столе, накрытом зеленым сукном, стояли две чернильницы. Тут же были

разложены огромные листы с текстом Акта на английском и японском языках. Был, естественно, и микрофон.

Подписание Акта началось с «пяти минут позора Японии»: японская делегация должна была выдержать укоризненный, осуждающий взгляд всех присутствующих на корабле. После короткого выступления генерал Макартур жестом пригласил японскую делегацию к столу. По меткому выражению одного журналиста, делегация напоминала группу участников похоронной процессии.

Сняв черный цилиндр, Сигэмицу склонился над текстами Акта. Его бледное лицо покрылось испариной. Министру не повезло: авторучка почему-то не действовала. Догадливый секретарь быстро подсунул другую. Вслед за Сигэмицу подпись под Актом поставил и начальник генерального штаба японской армии генерал Есидзиро Умэдзу.

От имени союзных держав Акт подписал генерал Макартур. Как бы в насмешку над Сигэмицу он извлек из кармана горсть авторучек и поставил подпись на документе с английским текстом одной ручкой, а с японским – другой. Рядом с Макартуром находились генералы Джонатан Уэйнрайт и Артур Персиваль, несколько дней тому назад освобожденные из японского плена в Маньчжурии Красной армией. От имени правительства США поставил подпись под Актом адмирал Честер Нимиц.

«Церемония подписания документа продолжалась, – вспоминал Деревянко. – Как только генерал Макартур объявил о подписании Акта представителем Союза Советских Социалистических Республик, почти 500 кино- и фотокамер нацелились на нас. С трудом сдерживая волнение, я в сопровождении генерал-майора авиации Н. В. Воронова и контр-адмирала А. М. Стеценко подошел к столу и поставил

подпись под документом, ставшим приговором японскому милитаризму. Вся церемония подписания Акта длилась 20 минут и закончилась кратким выступлением Дугласа Макартура, заявившего, что отныне мир установлен во всем мире. Далее генерал Макартур пригласил делегации союзных стран в салон “Миссури”, а японская делегация отправилась с Актом на берег, чтобы передать его императору Хирохито».

27 сентября 1945 года генерал-лейтенант Деревянко получил из Москвы распоряжение прибыть с докладом о положении в послевоенной Японии. Спустя двое суток он был уже в столице. Прежде чем представить доклад правительству, встретился с начальником Генерального штаба генералом армии Алексеем Антоновым. Вместе и отправились на доклад.

«Въехали в Кремль через Боровицкие ворота и, обогнув здание Верховного Совета СССР по Ивановской площади, свернули к зданию, где находились квартира и рабочий кабинет И. В. Сталина, – рассказывал Деревянко. – Войдя за Антоновым в кабинет и увидев вышедшего навстречу Сталина, я представился Верховному Главнокомандующему. Поздоровавшись, Сталин пригласил нас к столу, за которым сидели члены Политбюро ЦК ВКП(б) и Советского правительства, приглашенные на совещание. После некоторой паузы Сталин попросил меня доложить о положении в послевоенной Японии в общих чертах и подробнее осветить вопросы отношения японцев к союзникам, состояния вооруженных сил Японии, особенно ее военно-морского флота. Когда доклад был закончен, Сталин поинтересовался последствиями взрывов атомных бомб, сброшенных американцами на японские города Хиросима

и Нагасаки. К ответу я был готов, поскольку успел посетить пострадавшие города и видел все своими глазами. Показал и альбом фотографий, на которых были запечатлены разрушения».

Вечером в гостинице, восстанавливая по памяти разговор в кабинете Сталина, Деревянко раздумывал над тем, какое впечатление оставил доклад. Был ли он достаточно масштабным и в то же время лаконичным, не упустил ли каких-то важных моментов? На следующий день Кузьме Николаевичу сообщили, что доклад в Политбюро одобрен и что его работа в Японии получила положительную оценку.

Считая свою дипломатическую миссию исчерпанной, Деревянко надеялся на отпуск. Как и большинство фронтовиков, он не пользовался отпуском с начала Великой Отечественной войны. На рапорте была уже резолюция: «Разрешить». Однако выехать довелось не в Киев, куда он так стремился, а снова на Дальний Восток.

В Москве с 16 по 26 декабря 1945 года проходило совещание министров иностранных дел СССР, США и Соединенного Королевства, на котором было решено создать Союзный совет для Японии с местом пребывания в Токио. 2 января 1946 года Совет Народных Комиссаров СССР назначил Деревянко членом этого совета. Тем же постановлением политическим советником при нем был назначен Яков Малик, впоследствии – заместитель министра иностранных дел СССР, а экономическим – Леонид Разин. Деревянко и его товарищ ждала трудная и ответственная работа в Японии, продолжавшаяся до мая 1950 года.

В феврале 2017 года распоряжением Председателя Правительства России одному из островов Курильской гряды было присвоено имя Кузьмы Николаевича Деревянко.

СТО ЛИЦ ИМПЕРАТОРА

В этом году исполнилось 180 лет со дня рождения российского императора Александра III, прозванного современниками Миротворцем

АНДРЕЙ БУРОВСКИЙ



Портрет императора всероссийского Александра III.
Картина А. фон Бутлера. Начало 1880-х

Внук Николая I и второй сын Александра II не должен был царствовать. Престол предназначался первому сыну – Николаю, но он умер в 1865 году, не дожив и до 22 лет. Правильный диагноз – туберкулезный менингит – поставили, когда цесаревич находился уже при смерти.

Игра случайностей

Александра III готовили к военной карьере, на трон он взошел случайно. В свой седьмой день рождения мальчик стал офицером. В семнадцать лет он флигель-адъютант в свите императора, но после смерти Николая пришлось

готовить нового наследника: читать ему курсы русской истории и права, вводить в работу земств. В 1865 году он уже был произведен в генерал-майоры и, конечно, остался в свите Его Величества.

Вторая случайность: император унаследовал от старшего брата не только престол, но и невесту – датскую принцессу Дагмар. Вообще-то, первоначально Александр II намеревался женить наследника Николая на старшей сестре Дагмар, красавице Александре... Эти планы расстроила хитрая британская королева Виктория: она женила на Александре своего сына Альберта – со временем он сел на британский престол как Эдуард VII.

Начали готовить брак Николая с Дагмар... Но Николай умер, пришлось поменять жениха. Это оказалось совсем непросто: Александр был влюблен во фрейлину, княжну Марию Мещерскую, и она отвечала царевичу взаимностью. Александр вполне серьезно намеревался отречься от престола и взять в жены Мещерскую. Он писал в дневнике: «Я ее не на шутку люблю, и если бы был свободным человеком, то непременно бы женился...» Но чувство долга победило: от престола не отрекся, на Дагмар женился.

Был ли император счастлив в браке? Трудно сказать... Считается, что его брак сложился удачно и что в продолжение почти тридцатилетней совместной жизни супруги сохраняли друг к другу искреннюю привязанность. Дагмар, ставшая Марией Федоровной в православии, в письмах именovala мужа

не иначе как «мой ангел Саша» и «радость дней моих».

Художник Александр Бенуа хорошо знал царствующую чету. Он писал: «Отношения супругов между собой, их взаимное внимание также не содержало в себе ничего царственного. Для всех было очевидно, что оба все еще полны тех же нежных чувств, которыми они возгорелись четверть века назад».

О внутреннем мире Александра Александровича известно немного, он был слишком закрыт. Однако факт: мужем был верным, в отличие от своего отца. Не терпел даже близких родственников, открыто демонстрировавших близкие отношения с актрисами и фрейлинами. Великих князей Николая Николаевича и Константина Николаевича никогда не принимал вне официального протокола. Евгений Лейхтенбергский, внук Николая I и правнук жены Наполеона Жозефины Богарне, был предупрежден: будет дальше безобразничать – отлучат от Двора. Существовал неписанный, но строго соблюдавшийся обычай: не принимать при дворе разведенных и женатых вторым-третьим браком.

Правда, в нарушение этого правила при дворе как-то приняли Дмитрия Ивановича Менделеева. Узнав об этом, как минимум трое аристократов подали императору прошение: позволение им развестись.

– А вы куда?! – удивился император. – Вы-то никак не менделеевы...

И тут еще одна неслучайная случайность. Объявленный наследником Александр вполне мог бы никогда не сесть на трон. Правда, пока Россией правили Романовы, говорить об этом было небезопасно. Но к концу правления Александра II над Россией и в самом деле нависла реальная угроза смены династии.

Главная причина в том, что был Александр Николаевич влюбчив без меры. Флиртовал он даже с английской королевой Викторией, ничуть красотой не отличавшейся,

а уж фрейлин поменял до десятка. Женили-то наследника «правильно»: на дочери Людвига II Гессенского – Максимилиане Вильгельмине Августе Софии Марии Гессен-Дармштадтской, Марии Александровне в православном крещении. Мать Александра противилась этому браку, ходил упорный слух, что настоящим отцом принцессы был камергер герцога Людвига... Однако цесаревича это нисколько не волновало. Он даже писал матери: «Милая Мама, что мне до тайн принцессы Марии! Я люблю ее, и я скорее откажусь от трона, чем от нее. Я женюсь только на ней, вот мое решение!»

Красивая история, романтическая. Однако, не успев воссесть на престол, Александр II начал заводить фавориток. И, что намного хуже, от сих фавориток рождались внебрачные дети... Сущее безобразие как с точки зрения семейной, так и с точки зрения династической. По семейным раскладам опаснее всего не эпизодические измены, а появление постоянных любовниц. Такой многолетней фавориткой, своего рода главой гарема императора стала фрейлина Александра Долгорукова. Говорили, что она полностью владела умом и сердцем государя и как никто изучила его характер. Она и познакомила императора со своей родственницей – княжной Екатериной Михайловной Долгоруковой, которая сначала всеми силами «бегала» от опасного ухажера, а потом жила с ним честно и преданно. Еще при жизни императрицы Екатерину поселили в Зимнем дворце, ее покои оказались ближе к комнатам царя, нежели комнаты царицы.

После смерти законной жены в 1880 году император даже не выждал приличного срока траура и спустя считанные месяцы женился на обожаемой Екатерине Михайловне. Княжна родила четверых детей. Старший сын четы, Георгий,

получил титул светлейшего князя и фамилию Юрьевский.

С одной стороны, сын внебрачный. С другой – обвенчавшись с Екатериной в 1880 году, Александр узаконил детей от нее... Долгоруковы же (важная деталь!) – Рюриковичи. В годы правления Романовых об этом не полагалось говорить вслух. Тем более что генетически Романовы – никак не Рюриковичи, они с ними лишь родственники по браку. Как известно, за худородных Романовых не отдавали самых завидных невест Европы. Только мелких немецких принцессок. Ни одна девица из Гогенцоллернов или Валуа за всю историю не украсила русского трона. Тут недалеко и до смены династии: Рюриковичи по материнской линии – куда более «природные» цари.

В общем, перспектива смены династии висела над Россией до самого 1 (13) марта 1881 года – дня гибели Александра II. Убили его народовольцы в ходе восьмого по счету покушения.

Священная дружина

Официально Священная, или Святая, дружина была создана после гибели Александра II как тайное общество для предотвращения терактов против императорской семьи. Известно, что в Священной дружине состояли великие князья, высшие чиновники и знаменитейшие интеллектуалы, в том числе Сергей Витте, обер-прокурор Святейшего Синода Константин Победоносцев, министр внутренних дел Николай Игнатьев... Общественная организация? Но при огромных финансовых вливаниях и колоссальной административной и политической поддержке. Фактически объединение активнейших людей высшего общества России, ее правящего класса.



Жорж Беккер. «Коронация императора Александра III и императрицы Марии Федоровны 27 мая 1883 года». 1888

По официальным сведениям, Священная дружина была создана в марте 1881 года и, просуществовав всего ничего, распущена 11 ноября 1882 года. Только вот в 1879 году, а по другим сведениям – в самом начале 1881 года 13 неких влиятельных деятелей объединились в Тайную анти-социалистическую лигу. Историки пишут, что эта самая Лига решительно никак себя не проявила и что имена ее учредителей навсегда остались неизвестны современникам. Однако, по некоторым сведениям, именно в ее Самарском отделении начал политическую карьеру молодой Петр Столыпин. Начал в 1884 году, когда формально Священной дружины уже не существовало. Никакие казенные сведения о карьере Столыпина в Самаре не сохранились,

но карьера его именно тогда взлетела со скоростью невероятной.

О Священной дружине не известно ничего достоверного. А то, что известно, много раз запутывали и перевирали, специально наводя тень на плетень. Организация была действительно очень хорошо законспирирована. Какие-то фрагменты ее работы известны из материалов 1909 года, а затем и 1913 года. Но это разрозненные отрывки, недостоверные и странные... Народовольцы были малыми детьми в сравнении со Священной дружиной. В среднем член «Народной воли» на подпольной работе оставался нераскрытым в течение 4–5 месяцев. Продержался полгода – уже много. Члены же Священной дружины не «расшифрованы» по сей день, а ведь было их несколько сотен. О том, что именно они делали,

известно мало. Но еще в XIX веке зарубежные писатели и журналисты весьма прозрачно намекали: именно Священная дружина стоит за гибелью Александра II! Руками народовольцев? Так в чем проблема?! Наивные, как малые дети, эти сторонники террора искренне верили: вот убьют они царя, и тут же начнется революция... Собственная идеология могла стать для них морковкой перед носом осла.

Так ли это, доказать трудно, но вот абсолютнейший факт: проживи Александр II еще несколько лет, и вряд ли мы сегодня знали бы императора Александра III. На престоле российском восседал бы Георгий I, сын Катеньки Долгоруковой. Однако История рассудила иначе... Воцарившись, Александр III немедленно велел «светлейшей княгине» покинуть Россию вместе

с детьми. Потомки Александра II от Екатерины Долгоруковой украшают землю по сей день. И надо признать, они никогда не претендовали на трон.

Каков же он был, новый император, 193 сантиметров ростом, 98 килограммов весом? Гигант, легко гнувший монеты, завязывавший узлом кочергу и разрывавший надвое колоду карт? Неуклюже-грациозный, он вызывал ассоциации с вековым символом России – медведем.

Во-первых, прекрасный семьянин. Ни одной супружеской измены, даже ни одного поползновения на измену. С женой – всегда ровно и мягко. Прекрасный отец. Граф Сергей Шереметев писал: «Не было ему лучше удовольствия, как возиться с детьми, можно сказать, что дети вообще были его друзья. Чего только не выкидывал он с ними и сам играл с ними как ребенок». Император ни разу не только физически не наказал ни одного из своих детей, но даже и словом не обидел. Вместе с тем император был разумным отцом. Одному из педагогов он писал о своих детях: «Ни я, ни великая княгиня не желаем делать из них оранжевых цветов. Они должны хорошо молиться Богу, учиться, играть, шалить в меру. Учите хорошенько, послаблений не делайте, спрашивайте по всей строгости, не поощряйте лень в особенности. Если что, то адресуйте прямо ко мне. Я знаю, что нужно делать. Повторяю, что мне фарфора не нужно. Мне нужны нормальные, здоровые русские дети. Подерутся – пожалуйста, доносчику – первый кнут. Это самое мое первое требование».

Дети регулярно занимались спортом, обливались холодной водой. Питались самой простой пищей. Великая княгиня Ольга вспоминала, что пирожные они видели редко, а любимой пищей была каша и английское печенье – галеты.

Итак, Александр III не круглые сутки оставался императором. У него была отдельная от государства частная жизнь. Не берусь судить об отношениях с женой, но детей он любил. Если человек кого-то и что-то любит в этой жизни, кроме власти, – это уже совсем другой, особый правитель.

Кстати, любил он и охоту. Его сын писал в дневнике: «Я застрелил ворону». В отличие от Николая II, Александр «брал» медведей, зубров, кабанов. Егеря его подстраховывали, но ведь и шел он не против вороны – против громадного зверя... Характеризует, не правда ли?

Любимое место отдыха императора – Беловежская пуща. С семьей – финские шхеры или Польша, где охотились на оленей. Во время летнего отдыха министры могли отвлекать императора лишь в исключительных случаях. С этим связана и знаменитая история. Во время рыбалки царю сообщили: его ждет французский посол.

– Когда русский император удит рыбу, Европа может и подождать, – спокойно ответил император.

Прост ли он был? Считается, что очень. Не любил Зимнего дворца. Упростил придворный церемониал и этикет, сократил число слуг и штат министерства двора. Вместо дорогих французских вин на званых обедах велел подавать крымские и кавказские. Балов давали «все-го» четыре в год. Император ходил в простых солдатских сапогах, простонародно заправляя в них штаны. Носил вещи долго, бережливо, дома выступал в простой рубаше с вышивкой на рукавах.

Известный юрист Анатолий Кони описывает, что во время его доклада императору тот стал задавать вопросы. Правовед попросил: боюсь сбиться, можно вопросы потом? Александр Александрович улыбнулся и стал записывать свои вопросы. Задал их позднее.

Широко известен случай, часто объявляемый курьезом или историческим анекдотом. В кабаке разбушевался по пьянке некий солдат Орешкин (по другой версии – Тараканов). Его увещивают: вот, император на тебя со стенки смотрит!.. И показывают на портрет царя.

– А плевал я на вашего императора!..

Солдата скрутили, завели, было, дело об оскорблении царствующей особы. Александр же на папке с «делом» начертал: «Солдата освободить. Впредь моих портретов по кабакам не вешать. Солдату передать, что я на него тоже плевал».

В начале 1960-х автор сих строк, тогда совсем мальчик, беседовал со старушкой в петербургских дворах. Тогда еще живы были такие старушки. Она рассказывала, как каталась на велосипеде в Летнем саду и сбила какого-то пожилого человека... Кинулась его поднимать и узнала (гимназии – не кабаки, там императорские портреты вешать полагалось):

– Ох! Извините, Ваше царское Величество!

Император же с хохотом поднял глаза на девушку:

– Что вы, барышня! Я давно так не смеялся.

Прост? Да. Прост, как подобает императору. И гулял без охраны.

Император терпеть не мог вранья, мздоимства, наущничества и всяческой подлости. Судил по себе. Простить нечистоплотность в делах мог один раз. Повторение – верная отставка. Как писал Сергей Витте, «у императора Александра III было совершенно выдающееся благородство и чистота сердца, чистота нравов и помышлений... Все были покойны, что он не затеет никакой авантюры... У императора Александра III никогда слово не расходилось с делом. То, что он говорил, было им прочувствовано, и он никогда уже не отступал от сказанного...»



Государь император Александр III и государыня императрица Мария Федоровна в коронационной одежде.
Художник А. П. Соколов

Прогрессивный «реакционер»

Любопытнейшая и парадоксальная деталь: после убийства Александра II многие ждали, что новый император сделает для публики красивый жест и... помилует убийц! Победоносцев с перепугу даже написал императору докладную записку, умоляя его не делать этого. Император на ней собственноручно начертал: «Будьте покойны, с подобными предложениями ко мне не посмеет прийти никто». И далее: «Все шестеро будут повешены, за это я ручаюсь».

Единственное покушение на Александра III планировалось в день гибели его отца шесть

лет спустя: 1 марта 1887 года. Готовилось оно несколько месяцев и не состоялось, ибо покушавшихся задержали. Мать одного из осужденных – Александра Ульянова, вдова действительного статского советника Мария Ульянова, писала лично императору: «Если бы я могла представить сына злодеем, у меня бы хватило мужества отречься от него... Сын мой всегда был ненавистником терроризма».

Отзыв Александра III: «Хорошо же она знает сына!» (Вдова Ульянова иступленно станет поддерживать и своего второго сына-революционера, ставшего Лениным; он тридцать лет спустя отомстит Романовым).

Император подавил террористическое движение железной рукой. Естественна ненависть к Александру III официальной историографии в СССР. Об императоре было сочинено небывалое количество гадостей. Взять ставшую классической байку об алкоголизме Александра III. Пустил ее в 1912 году некий революционер Владимир Бурцев. Ссылаясь на «свидетелей», которые с ним никогда не встречались, он навывдумывал фантастические детали. И пошло... Причина ненависти: император строил великую Россию. А у анархистов и социал-демократов Россия была только площадкой для «великих потрясений».

Классическое клише: Александр II был либерал, он освободил крестьян, а Александр III был реакционером. Дескать, он мешал людям из народа получать образование, а крестьян всячески теснил... Господи, какое же скучное вранье! При Александре II крестьян «освобождали» так лихо, до такой степени в интересах помещиков, что как раз Александру III пришлось немало постараться, чтобы сгладить неблагоприятные, даже вредные для крестьян стороны легендарного «освобождения» 1861 года.

Новые законы перестраивали систему налогообложения, существенно облегчая положение народных масс. Понижались выкупные платежи, утверждалась обязательность выкупа крестьянских наделов. Учреждался Крестьянский поземельный банк (раньше был только Дворянский). Указ «О сохранении лесов» запрещал бесконтрольную вырубку, а в губернские лесоохранные комитеты вводились крестьяне. Отменялась подушная подать, до того дававшая государству ежегодно 42,5 миллиона рублей доходов. Ограничивалась фабричная работа малолетних и ночная работа подростков и женщин. Одновременно вводились налоги, касавшиеся, скорее, горожан и буржуазии: на прибыль и процентные бумаги, на городские дома и наследство.

В целом экономическая политика Александра III была нейтральной к дворянству, регулировала доходы буржуазии и была обращена к широким народным массам. Не случайно историк Петр Зайончковский полагал что в числе важнейших задач политики Александра было «развивать русскую народность...».

У англичан есть интересная формула: «он был королем всех англичан». То есть не только богатей и придворных. Александр II был императором дворян, Александр III – царем всех русских. Впервые

в истории России к присяге императору и наследнику приводились «и крестьяне наравне со всеми верными Нашими подданными».

Александр III делал Россию богатой и более развитой. Начиная с 1891 года действовал новый Таможенный тариф, который повышал пошлины на товары, ввозимые из-за границы более чем на 30 процентов. Расширение таможенных сборов министр финансов Николай Бунге рассматривал не только с экономической точки зрения: «Таможенные пошлины, взимаемые с товаров, привозимых из-за границы, имеют первостепенное значение как мера, ограждающая от иностранного соперничества и способствующая развитию внутреннего производства».

Известно, что возвышение Сергея Витте началось с крушения царского поезда в 1888 году (о нем скажу позднее): Витте предупреждал об опасных нарушениях техники безопасности. Железнодорожное начальство положило на «авось», а Витте чуть не уволили. Сработала позитивная часть монархического правления: Витте на глазах императора спорил и доказывал, что нельзя использовать два мощных грузовых паровоза с целью разгона царского поезда до высоких скоростей. После крушения царского поезда верховный арбитр, император, наказал чиновников, не желавших его «огорчать», а с Витте имел длинный разговор. Если верить легенде, спросил, можно ли поднять экономику России, не изменяя политического строя.

– Конечно, Ваше Величество! – уверенно ответил Витте. – Главное – хорошие законы, а ведь и предпринимателю, и работнику все равно, кто их издает.

Если продолжать верить легенде, император тут же предложил Витте возглавить экономическую реформу.

– Но ведь я не экономист! – воскликнул Витте.

– Чепуха! – ответил император, – Иван Калита тоже не закончил экономического факультета!

Наверное, было не совсем так, ведь Витте не сразу стал министром финансов. Но и Витте, и все министры финансов Александра III являлись убежденными врагами принципов либеральной экономики, проводимых в жизнь при Александре II. В своих статьях Витте называл «сумасбродством» попытку перековать экономическую жизнь России по этим принципам. Став министром финансов, Сергей Юльевич добился введения в России «золотого стандарта», сделав рубль свободно конвертируемой валютой задолго до появления этого слова. Выпуск чугуна, стали, нефти, угля в период с середины 1880-х по конец 1890-х годов увеличивался рекордными темпами.

Реформы «дедушки русской индустриализации» Сергея Витте привели к резкому ускорению темпов промышленного роста Российской империи, к притоку иностранных капиталов, к росту народного благосостояния в несколько раз. Россия оставалась неограниченной монархией, с каждым годом делаясь богаче, могущественнее. Революционное движение пошло на спад еще и потому, что рядовой человек становился все обеспеченнее.

Еще раз процитируем Витте: «Император Александр III, получив Россию при стечении самых неблагоприятных политических конъюнктур, глубоко поднял международный престиж России без пролития капли русской крови». Подобную же оценку давали результатам внешней политики Александра III другие современники, в том числе зарубежные. Во Франции главный мост в Париже называли в честь Александра III. Это ли не символ? Германский император Вильгельм II после его



Александр III и его окружение. Рисунок 1882 года

смерти произнес: «Вот это действительно был самодержавный император».

В конце 1870-х – начале 1880-х годов Российская империя балансировала не только на грани революции, но и на грани новой большой войны. Великобритания делила с Российской империей Азию. Австро-Венгрия не могла простить России усиления на Балканах. Европа боялась, что Россия захватит

Турцию и создаст там армянское государство.

Одна из крылатых фраз императора: «У России нет друзей. Все боится нашей громадности». Весной 1881 года на обеде в Зимнем дворце австрийский посол заговорил о возможной мобилизации «двух или трех корпусов» для защиты балканских интересов Австро-Венгрии. И тогда Александр III согнул петлей массивную серебряную вилку,

бросил к прибору посла со словами: «Вот что я сделаю с вашими двумя или тремя корпусами!»

Характерный эпизод: Российская империя в Средней Азии запретила работорговлю и торговлю наркотиками. Вот ведь проклятые колонизаторы! Никакой с ними национальной самобытности!.. Охраняли границы казаки – не позволяли угонять рабов в английские владения и Афганистан, а оттуда ввозить гашиш и опиум. Казаки получили приказ стрелять на поражение, а преступников вешать. Надо же, какое злодейство! Ужас, ужас...

Раз казачий есаул со своим отрядом перехватил очередной караван рабо- и наркоторговцев. Пикантная деталь: в числе преступников оказались... два британских офицера! Действовали они по собственной инициативе, чтобы заработать или просто были шпионами, – история умалчивает. «Местных» рабо- и наркоторговцев расстреляли, рабов отпустили, а вот с британцами что делать? Есаул не решился их повесить на первом карагаче. Велел выпороть нагайками и выпроводить через границу. Им бы, британцам, промолчать... Офицеры же возмутились! Они понимали по-русски (видимо, все-таки шпионы), фамилию есаула (его звали Нагорный) запомнили. Англичане так и писали в своем рапорте: с ними поступили прямо как с «туземцами»! Лондонское начальство обратилось к королеве Виктории. Она послала в Санкт-Петербург ультимативное требование: наказать есаула, офицерам выплатить компенсацию золотом, а британской короне принести извинения.

На что Александр III ответил:

– Извинений никому не приносить. Есаулу отправить телеграмму: «Есаул Нагорный! Поздравляю полковником! Если бы повесил этих англичан, стал бы генералом. Александр». Текст телеграммы велел опубликовать в газетах.

Когда в 1887 году Германия отказалась предоставить России ранее обсуждавшийся заем и повысила пошлины на русский хлеб, Александр III не послушался дипломатов: они уговаривали царя «не раздражать» Германию. А он велел повысить пошлины в два раза или, в крайнем случае, на десятки процентов. Германия предприняла новое повышение пошлин на русский хлеб. В ответ Россия ввела еще более высокие пошлины в отношении немецких товаров. Вскоре Германия пошла на пятый, предложила возобновить переговоры, приведшие к весьма выгодному для Санкт-Петербурга русско-германскому торговому договору 1894 года.

К концу правления Александра II Россия стояла на пороге революции. Новый император должен был или допустить этот кошмар в стиле Франции 1789 года, или принять жесткие меры. Поколебавшись, выслушав многие мнения, 29 апреля 1881 года Александр III подписал «Манифест о незыблемости самодержавия»: «Глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело Правления, в упование на Божественный Промысл, с верою в силу и истину Самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поплзновений».

Манифест призывал «всех верных подданных служить верой и правдой к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю Русскую, – к утверждению веры и нравственности, – к доброму воспитанию детей, – к истреблению неправды и хищения, – к водворению порядка и правды в действии всех учреждений».

14 августа 1881 года появляется «Распоряжение о мерах к сохранению государственного порядка и общественного спокойствия и проведение определенных местностей в состояние усиленной

охраны». Сим документом в 10 губерниях Российской империи политической полиции предоставлялось право без суда высылать нежелательных лиц, закрывать учебные заведения, органы печати и торгово-промышленные предприятия.

Фактически в России устанавливалось чрезвычайное положение, которое просуществовало до 1917 года. В 1882–1884 годах издаются новые правила о печати, библиотеках и кабинетах для чтения. Общественность называла их «крайне стеснительными», и действовали они до 1905 года. Закрывались издания, упразднялась автономия университетов, изменялась система выборов в городах. Например, приказчики и мелкие торговцы, другие малоимущие слои города лишались избирательного права.

Сужался круг действия суда присяжных, а в 1887 году вводился циркуляр «О сокращении гимназического образования», прозванный «циркуляром о кухаркиных детях». Циркуляр ограничивал получение образования детьми из низших слоев общества, «кроме разве что обладающих гениальными способностями».

В общем, сплошная реакция.

В действительности, если это и «реакция», то на рост революционного движения. Одновременно – расширение возможностей рядового человека, особенно в экономике. Если все было так плохо и «реакционно», то почему протесты были характерны для второй половины царствования Александра II и почти закончились в течение царствования Александра III? Злобное правительство подавило оппозицию? Но ведь и массовых протестов тоже не было. Видимо, «оппозиция» была делом кучки болтунов, не имевших никакой опоры в массах народа. Марксистский историк Михаил Покровский грустно отмечал «несомненный

упадок революционного рабочего движения в середине 80-х годов», что, по его мнению, явилось результатом мер правительства Александра III. Именно так!

Миротворец

Почти так же, как «революционеры», ненавидела императора и интеллигенция... Только давайте уточним, кто же такие интеллигенты? Александр III открыл семейные архивы профессору Василию Ключевскому. Сохранилась история: Ключевский сказал императору, что Павел I – сын Петра III.

– Слава Богу! – крестится император. – Мы законные!

Вскоре опять идет в Зимний Ключевский:

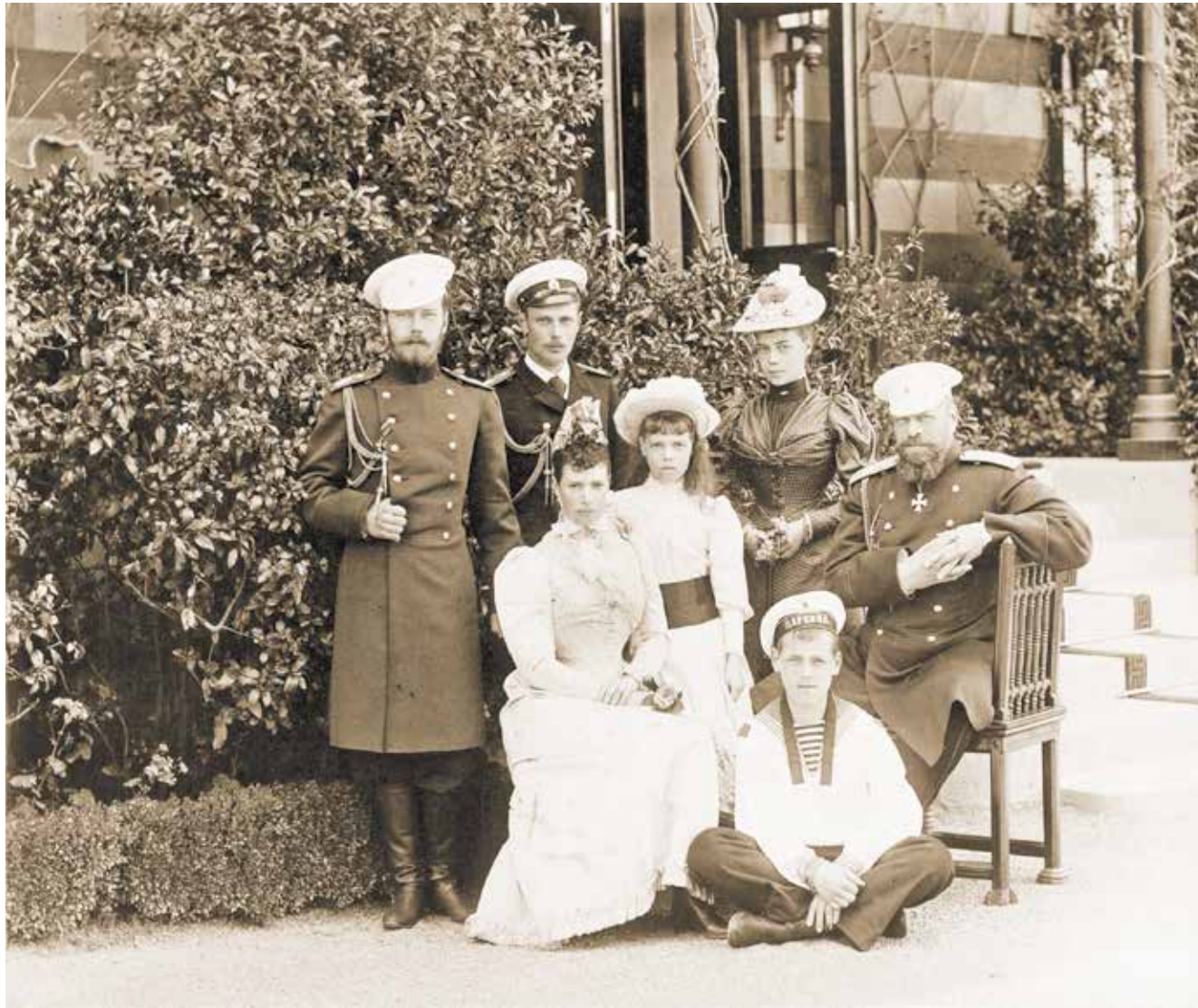
– Ваше величество, все-таки Павел I – генетический сын генерала-фельдмаршала Петра Салтыкова.

– Слава Богу! – перекрестился император. – Мы русские!

Ключевский Александра сильно недолюбливал. Но служил верно, и не раз говорил, что нет лучше политического строя, чем неограниченная монархия. Император регулярно принимал у себя и Дмитрия Менделеева, говорил, что счастлив иметь такого подданного.

Император учится у композиторов, общается с художниками, внимательно слушает ученых... А про него распускают под сурдинку гадостные анекдоты про «ефрейтора на троне». Похоже, либералы и император взаимно разочаровались друг в друге. Александр ждал, что ему помогут строить великую Россию, а горластая либеральная интеллигенция ждала от императора, что ей помогут организовать великие потрясения. Вот и приходилось закручивать гайки. На самом же деле интеллигенции позволялось невероятное много.

Вот один из князей Трубецких при живой жене в России заводит



Император всероссийский Александр III и императрица Мария Федоровна с детьми в Ливадии. Дети слева направо: Николай (будущий император Николай II), Георгий, Ольга, Ксения, Михаил (сидит). Май 1893. Последняя фотография императора с семьей. Фото Ф.П. Орлова

американо-итальянскую певичку. Александр III запретил ему возвращаться в Россию, чтобы «не допустить в родимое отечество дух разврата». Сын этой пары, Паоло Трубецкой ваяет знаменитый и откровенно издевательский памятник. О нем ходили стишата, одно из которых приведу: *На площади комод, // На комодѣ бегемот, // На бегемоте обормот.*

Но памятник-то поставили на Знаменской площади, а Паоло Трубецкой благополучно жил

в Санкт-Петербурге. Будь императором Паоло Трубецкой, и создай такой памятник Александр, его бы сгноили на каторге.

И еще одно из набивших оскомину обвинений: Александр III – националист. Да, император любил русский стиль. Храм в память убиенного отца поставил в стиле «нарышкинского барокко» – Спасна-Крови, кто его не знает? Но политика Александра ничуть не была направлена на притеснение национальных меньшинств. Вопреки

до сих пор бытующим утверждениям, Александр III не был юдофобом, убежденным врагом евреев. Да, он отказывался упразднить «черту оседлости», объясняя это очень просто: его православные подданные еще недостаточно развиты, они попадут под пяту подданных иудейской веры. Не лучший способ управления государством, наверное. Но именно реформы Александра II привели к тому, что в западных губерниях евреи начали играть в экономике решающую роль,

в числе прочего брали на откуп сбор оброка и арендовали кабаки.

Погромы поднялись в конце правления Александра II. При Александре III они быстро прекратились – погромщиков жестко карали, при необходимости вводили войска. 11 мая 1881 года император принял в Гатчинском дворце еврейскую депутацию в составе барона Гинцберга, банкира Занка, адвокатов Пассовера и Банка, ученого Берлина. Делегация выразила императору «беспредельную благодарность за меры, принятые к ограждению еврейского населения в настоящее тяжелое время».

Автор сих строк не считает правильной политику ограничений. Эта политика была откровенно бессмысленной и только плодила недовольных. Но в рамках этой тупиковой политики «либерал и демократ» Александр II создал ситуацию, естественно ведущую к погромам. Александр III не позволил своим православным подданным нападать на иудеев. В том числе – стрельбой по погромщикам, арестами и каторгой.

Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов наследник престола командовал Восточным отрядом Дунайской армии. По мнению всех участников событий, вел он себя весьма мужественно. При этом говорил: «Я рад, что был на войне и видел сам все ужасы, неизбежно связанные с войной, и после этого я думаю, что всякий человек с сердцем не может желать войны, а всякий правитель, которому Богом вверен народ, должен принимать все меры, для того чтобы избегать ужасов войны, конечно, если его (правителя) не вынудят к войне его противники, тогда грех, проклятия и все последствия этой войны пусть падут на головы тех, кто эту войну вызвал».

Император прекрасно осознавал, что «у России только два союзника: армия и флот». И тем не менее

в его правление Россия не была вовлечена ни в один крупный военный конфликт.

А как же Средняя Азия? Там продолжалась политика присоединения и освоения. При Александре III территория Российской империи увеличилась еще на 430 000 квадратных километров без единого выстрела. В 1885 году в состав Российской империи добровольно вошли Мервский и Пендинский оазисы Туркмении, город Мерв и крепость Кушка. Афганский эмир по наущению британцев попытался воевать... Лучше бы он этого не делал: всадники с кривыми саблями драпали быстрее собственного визга. Сами британцы бряцали оружием, но применить его не рискнули. В том же 1885 году они подписали соглашение о создании русско-английских военных комиссий для определения окончательных границ России и зависимого от них Афганистана.

На Памире экспедиция генерала Михаила Ефремовича Ионова провела границы Российской империи – в том числе в местах, где вообще никто не жил, разве что, если верить слухам, «снежные люди». Ионов на первый раз просил афганские и китайские посты убраться по-хорошему. Не слушались – громили и выгонял. В 1885 году часть Памира отошла к Афганистану, часть – к России, а часть – к вассалу России, Бухарскому эмирату. На этом, собственно, и завершилась экспансия России в Средней Азии. Александр III ненавидел войну, а на Западе привыкли решать мировые проблемы с оружием в руках. Загранице царь-мировотворец мешал, он ее раздражал.

...Царский поезд потерпел крушение 17 октября 1888 года у станции Борки, в 50 верстах от Харькова. Семь вагонов оказались разбитыми; были жертвы среди прислуги, но царская семья, находившаяся в момент катастрофы

в вагоне-столовой, осталась цела. При крушении обвалилась крыша вагона; Александр удерживал ее на своих плечах до тех пор, пока не прибыла помощь.

Возможно, этот подвиг стоил ему жизни: вскоре император стал жаловаться на боли в пояснице. Страшное напряжение положило начало болезни почек. В наше время его наверняка бы вылечили... Тогдашние врачи честно писали: «Бороться с такими изменениями в сердце мы не имеем средств». Правда, император и лечиться не умел, и не берегся. Умер он от нефрита «с последовательным поражением сердца и сосудов».

Ему было сорок девять. Император мог бы прожить по крайней мере лет до семидесяти. Столыпин говаривал: «Дайте 20 мирных лет, и вы не узнаете Россию». При жизни Александра III это могло произойти, а вот кошмар 1917 вполне мог бы и не состояться.

В молодости император обучался рисованию. Позже – рисовал вместе с женой. После восшествия на престол Александр III сам картин уже не писал: времени не было. Но до конца жизни раз в неделю играл в духовом оркестре, который сам же и создал. Еще император собирал произведения искусства. В этом он уступал разве что прапрабабке – Екатерине II. Гатчинский замок превратился в склад раритетов. Картины и предметы искусства, драгоценные ковры и статуи не помещались в галереях Зимнего, Аничкова и других дворцов. Но было большое отличие Александра от Екатерины... Та собирала европейское искусство. Александр же полагал, что русские художники и скульпторы ничем не хуже.

Русский музей создан Николаем II, но не случайно носит имя его великого отца. Лучший памятник, какой только можно себе представить.

КРУШЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Брестский мир был заключен руководителями большевистского правительства в 1918 году, когда разгром германского империализма был уже неминуем

ТЕО ГУРИЕЛИ

Рассматривая последствия Первой мировой войны для России, историки и политологи Советского Союза в своем большинстве исходили из того, что Россия из монархии превратилась сначала в буржуазно-демократическую республику, а после Октябрьской революции – в социалистическое государство. При этом они подчеркивали, что лозунг «Поражения своего правительства в империалистической войне» был выгоден российской социал-демократии, так как его поддержка народом, включая солдат на фронте, объективно стала фактором, способствующим резкому снижению боевых возможностей русской армии и усилению политического потенциала российских социал-демократов.

Между тем существуют и иные оценки, более важные и справедливые с точки зрения патриотизма, национальных интересов и гуманизма. На протяжении всей войны Россия с полной отдачей, честно и мужественно выполняла свой союзнический долг. Наступления русской армии в Пруссии и Галиции, а также на Кавказском фронте срывали планы германских, турецких и австро-венгерских генералов, давая возможность союзникам России сдерживать фронт и защищать крупные города Европы, включая Париж. Германия была вынуждена

перебросить значительную часть наиболее боеспособных дивизий на восток, где немцы и австрийцы уже познали остроту русских штыков. Атаки тевтонов захлебнулись: российские полки остановили их, а затем и сами перешли в наступление. Брусиловский прорыв не только изменил ход войны, он сделал победу союзников близкой, осязаемой.

И в эти решающие месяцы, когда на кону стояла судьба всей Европы и Закавказья, Россия и ее армия были лишены победы. Правы те историки, которые считают, что победа в Первой мировой войне была фактически украдена у народов России и ее вооруженных сил, и украдена она была теми политическими деятелями, которые, стремясь к осуществлению своих идей и собственных политических амбиций, призывали к поражению Отечества, сеяли распри внутри страны, рвали к власти, предавая национальные интересы и игнорируя героические подвиги своих солдат.

Мы вправе сегодня сделать иные выводы относительно последствий Первой мировой войны применительно к судьбе Российского государства и судьбам многих его народов, пострадавших в результате заключения 3 марта 1918 года Брестского мирного договора и выхода России из войны.

Первый вывод такой: Брестский мир был заключен руководителями большевистского правительства в 1918 году, когда разгром германского империализма был уже неминуем и, следовательно, фактическая капитуляция России и гибель ее армии и флота были исключительно в интересах Германии и Австро-Венгрии. Советские историки утверждали, что Россия была серьезно ослаблена войной и ее поражение было не за горами. При этом они не добавляют, что большевики и левые эсеры, а также анархисты делали все возможное для развала армии и флота, для роста дезертирства, для неподчинения командирам и самовольного оставления позиций солдатами. Эти антивоенные силы были, в сущности, антиросийскими силами, объективно вредившими государству.

Первоначально советскую делегацию на переговорах возглавлял Адольф Иоффе, который считался крупным дипломатом и организатором и был большим поклонником Троцкого (последний в январе 1918 года его и сменил).

Но и Иоффе, и Троцкий обманывались в отношении военных планов Германии. А они были грандиозны и крайне вредоносны. Как раз в то время Германия и Австро-Венгрия потребовали отделения от рухнувшей в результате двух революций Российской империи

всех территорий, находившихся под ее контролем и присоединенных к ней европейских стран. Троцкий пытался затянуть переговоры. Дело в том, что он искренне верил: в Западной Европе вот-вот начнется целая серия пролетарских революций. Поскольку это не происходило, Ленин и Троцкий решили, что для спасения революции надо соглашаться со всеми требованиями Германии. Заметим, что угрозы наступления на Москву и Петроград в тот момент не было: немцы захватывали территории в Прибалтике, Белоруссии и на Украине. Но делегация во главе с Троцким просила мира и, естественно, уступала немцам и австрийцам во всем.

В то время как союзники России развернули наступление на западе, Россия по условиям Брестского договора уже потеряла контроль над Украиной, Польшей, Белоруссией, Литвой, Латвией и Эстонией, а также над своими кавказскими провинциями Карс и Батум. Потеря всех этих территорий означала, что Россия лишилась 34% населения бывшей



Германские офицеры встречают советскую делегацию во главе с Троцким в Брест-Литовске

империи, 54% ее промышленных зон, 89% ее угольных месторождений и 26% ее железных дорог.

И это еще не все! Большевистское правительство также подтвердило независимость Финляндии (в январе 1918 года) и обязалось прекратить войну с Украинской Народной Республикой, которую Германия

и Австро-Венгрия признали в феврале 1918 года, после чего начали вооружать петлюровскую армию.

А потом появился еще так называемый дополнительный протокол, подписанный в августе 1918 года, который требовал от России выплатить Германии военные репарации в размере шести миллиардов марок.

Приложение к № 18 Под Губ. Вѣд. 1917 г.

Цѣна 6 коп.

Высочайшій Манифестъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ, ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,
И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

„Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить Нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся народныя внутреннія волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны.

Судьба Россіи, честь геройской Нашей Арміи, благо народа, все будущее дорогое Нашего Отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ, когда доблестная Армія Наша, совмѣстно со славными Нашими Союзниками, сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи почли мы долгомъ содѣйствовать облегчить Народу Нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственной Думою, признали мы за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ Себя Верховную Власть. Не желая разставаться съ любимымъ сыномъ Нашимъ, Мы передаемъ наслѣдіе Наме брату Намему ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляемъ Его на вступленіе на престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату Намему править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены. Принявъ въ томъ ненарушимую присягу во имя горячо любимой Родины, призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь Ему выгнать съ представителей народа вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы.

Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ“.

Данъ 3 марта 16 часовъ 1917 г.
Городъ Царское.

Генералъ-Адъютантъ Императорскаго Двора Генералъ-Адъютантъ Графъ Фридрихъ.

Манифест отречения Николая II от престола

Договор вызвал ожесточенные дискуссии в России, дав основания для объединения Белого движения и раскола между большевиками и левыми эсерами, представители которых после подписания данного протокола сначала вышли из Совета Народных Комиссаров, а затем даже подняли восстание против большевиков.

Правда, договор был аннулирован перемирием от 11 ноября 1918 года, в котором Германия признавала свою капитуляцию перед западными союзными державами. Но все последующие попытки Страны Советов восстановить

власть на утраченных территориях, предпринятые во время Гражданской войны в России (1917–1922), ни к чему не привели. В последовавших войнах Красная армия терпела поражение за поражением: и в войнах за возврат в лоно России трех прибалтийских стран, и в польско-советской войне. Тухачевский, который командовал в той войне основными силами, проявил себя как человек, лишенный не только тактического видения, но и как негодный организатор.

Впрочем, основная вина за эти поражения лежит не на командирах, а на создателях Красной армии:

она была плохо вооружена, плохо обучена и возглавлялась выскочками, которые в своем большинстве были до революции и в годы Первой мировой войны прапорщиками и подпоручиками.

Процесс разложения российской армии начался задолго до войны. Пропаганда эсеров и большевиков в армии и флоте продолжалась доброе десятилетие, но в годы войны она приобрела невиданный размах. Эсеры имели свои ячейки почти во всех экипажах кораблей, а во время стоянок судов в портах Балтийского флота матросы подвергались систематической, порой даже многочасовой агитации. Самое чудовищное в этой пропаганде было то, что агитаторы эсеров и анархистов призывали к убийству генералов, адмиралов, офицеров и священников. Причем убийства адмиралов и офицеров Балтийского флота планировались эсерами задолго до Февральской революции 1917 года. Огромное количество боевых офицеров, получивших серьезное военное образование, было убито своими же солдатами и матросами.

Вот как, к примеру, развивались события на Балтийском флоте.

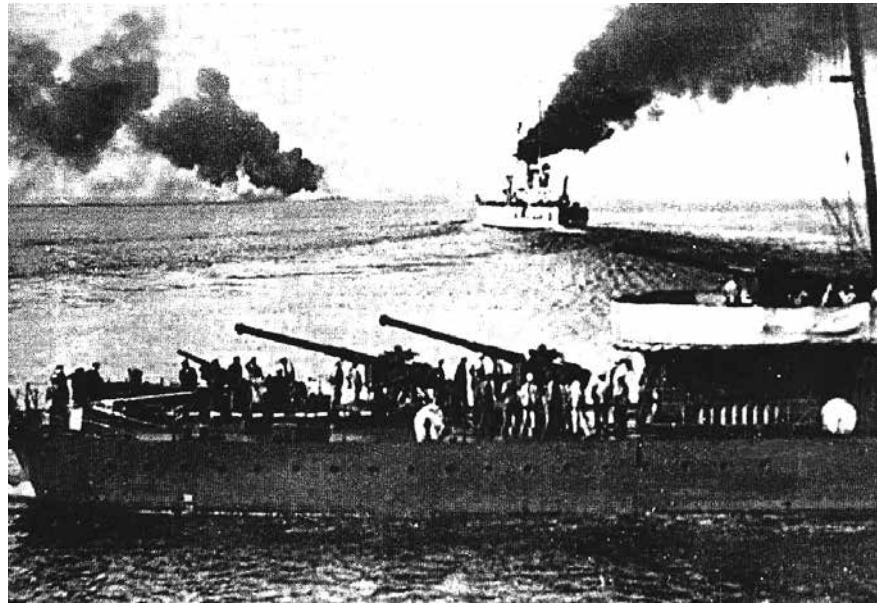
Как известно, император Николай II подписал в ночь на 3 марта 1917 года акт отречения от престола в пользу своего брата великого князя Михаила Александровича. Манифест, объявляющий об этом стране, был разослан в войска и флотские экипажи. На Балтике это послужило сигналом для призыва главарей эсеров к массовому убийству офицеров.

Первой жертвой убийц стал вахтенный лейтенант Г. А. Бубнов, отказавшийся менять Андреевский флаг на революционный красный на линкоре «Андрей Первозванный». Матросы подняли лейтенанта на штыки. И по всему флоту начались расправы над офицерами.

Известно о случае, когда молодой лейтенант пытался заговорить с матросами, напомнить им, что флот России воюет за Отчизну. Подкравшийся сзади кочегар убил его ломом.

С 1917 по 1920 год были убиты 28 адмиралов Императорского флота, в том числе командующий Балтийским флотом адмирал Адриан Непенин; командир Кронштадтского порта адмирал Роберт Вирен; начальник штаба Кронштадтского порта адмирал Александр Бутаков; комендант Свеаборгской крепости генерал-лейтенант по флоту Вениамин Протопопов и другие известные флотоводцы и генералы. В Гельсингфорсе, Кронштадте и Ревеле погибли 120 морских офицеров; в Кронштадте были убиты и 12 офицеров сухопутного гарнизона. Чтобы читатель представил, какого рода урон был нанесен этими убийствами Российскому флоту, сообщим, что все флоты и флотилии России потеряли с начала Первой мировой войны 245 офицеров. Это значит, что примерно половина этого числа была убиты матросами под влиянием эсеров и анархистов...

Не будь Брестского мира, Россия не была бы лишена практически всего своего военного потенциала. Германия, когда война была ею проиграна, должна была выдать Антанте 5 тыс. артиллерийских орудий, 30 тыс. пулеметов, 3 тыс. минометов, 5 тыс. паровозов, 150 тыс. вагонов, 2 тыс. самолетов, 10 тыс. грузовых автомобилей, 6 тяжелых крейсеров, 10 линейных кораблей, 8 легких крейсеров, 50 эсминцев и 160 подводных лодок. Остальные корабли германского военно-морского флота разоружались и интернировались союзниками. А Россия, которая сыграла огромную роль в разгроме Германии и Австро-Венгрии, оказалась лишена практически всего своего вооружения.



Эсминец «Керчь» готовится расстреливать корабли Черноморского флота

Подписание Брестского мира было актом не случайным и не ошибочным, а попыткой откупиться от Германии, чтобы продолжать полную ликвидацию прежнего государства и утверждение нового режима в России, в том числе с помощью германских денег. Но трудно поверить, что Ленин, который ратовал за этот мир, и Троцкий, который Брестский договор подписал, были настолько наивны, чтобы искренне верить в порядочность германского кайзера и его политиков и их обещаниям выполнить все пункты мирного договора. Впрочем, сегодня уже накоплено множество фактов, которые говорят о том, что Лев Троцкий (Бронштейн), находясь до Октябрьской революции в эмиграции на Западе, долгое время был на иждивении германского МИДа и германской разведки. Впоследствии, когда его выставили из СССР и он оказался в Мексике, офицеры из аппарата немецкого военного атташе не обходили его вниманием и там.

Дальнейшие события 1918–1919 годов подтвердили, что Германия, которая обязалась полностью вывести свои войска из пределов

бывшей Российской империи, не собирается это обязательство выполнять. На словах соблюдая букву договора, Германия и Австро-Венгрия не раз вступали в прямые боестолкновения с регулярными частями Красной армии, когда те пытались осуществить свои законные функции на территории Украины и Белоруссии. В ответ на запросы советского правительства немцы ссылались на отсутствие разграничительных линий между РСФСР и Центральной радой Украины.

Уже 13 марта, через 10 дней после Брестского мира, была оккупирована Одесса, 8–10 апреля – Харьков, Белгород и Херсон. В конце апреля немцы захватили Севастополь и Симферополь, а 8 мая германские войска без боя вступили в Ростов-на-Дону. Получается, что подписанный Троцким договор был в значительной мере фиктивным.

Одним из страшных последствий Брестского договора стало затопление нескольких кораблей Балтийского флота, а затем исполнение преступного приказа Троцкого затопить Черноморский флот. Сам по себе пункт договора, в котором советское правительство



Дезертиры бегут из Закавказья, оголяя Кавказский фронт

соглашалось передать Германии весь Черноморский флот, был, как считают современные историки, актом, который можно трактовать как измену. Поначалу в договоре этот пункт отсутствовал, но немцы надавили на Троцкого, потребовав исполнить и его.

И вместо того чтобы перевести флот в порты Кавказа, в конце апреля корабли Черноморского флота были переведены из Севастополя в Новороссийск. Германия требовала вернуть корабли, угрожала возобновить наступление на Петроград. Ленин и Троцкий сдались и на этот раз. Троцкий отдал приказ о затоплении флота, а после Ленин подтвердил его своим приказом, грозя за невыполнение жестокой карой.

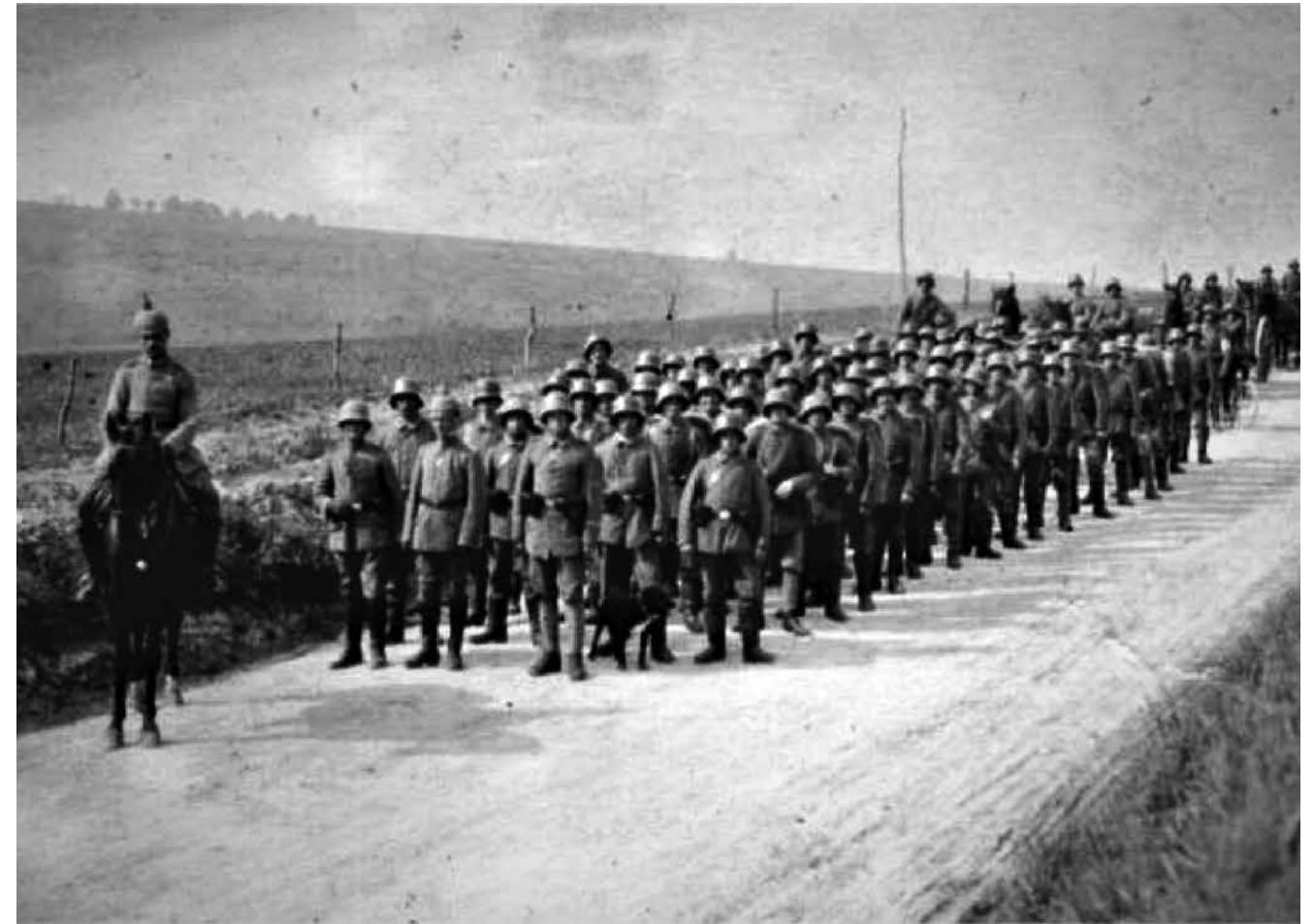
Тут следует заметить, что, хотя Брестский мир позволил Германии высвободить немалые силы для ее западного фронта, в войне уже участвовали США с их огромным военным потенциалом, так что вооруженные силы Германии были обречены. Спустя всего месяц западный фронт немцев начал рушиться.

И возникает вопрос: к чему тогда было уничтожать Черноморский флот в складывающейся обстановке? И в чьих интересах это было сделано?

Командир миноносца «Керчь» старший лейтенант В. А. Кукель, немец по происхождению, не испытывал, судя по всему, никаких сомнений относительно приказа Ленина. Он стал главным организатором

затопления кораблей, оставшихся в Новороссийске. 18 июня 1918 года, предварительно заложив в машинное отделение каждого корабля взрывные патроны, команда «Керчи» с короткой дистанции расстреляла в Цемесской бухте все суда Черноморского флота, которые остались в Новороссийске – все 14 кораблей! Миноносцы уходили под воду, держа на мачтах сигнал: «Погибаю, но не сдаюсь!»

По воспоминаниям очевидцев, Новороссийск в этот день не работал – все население присутствовало на похоронах флота; многие не выдерживали такой картины и со слезами на глазах ругали советскую власть... По свидетельству члена ЦИК Северокавказской республики В. Черного, затопление флота



Немцы в Закавказье

«произвело необычайно удручающее впечатление на рабочих и солдат» города.

А в 1979 году вышла книга В. Сирченко «Выполняя приказ Ленина», в которой автор не только оправдывает эту чудовищную акцию, но и считает ее «героическим свершением».

Страшные картины развернулись после заключения Брестского мира на окраинах бывшей Российской империи. После взятия Берлина в 1945 году советские следователи обнаружили в фашистских архивах документы, которые свидетельствуют о том, что на захваченных землях в Прибалтике и на Западной Украине немцы и австрийцы проводили в ряде районов этническую чистку, в результате которой

погибло около 970 человек (более половины из них были дети). Абсолютное большинство убитых было из семей крестьян, которые защищали свои дома и свое имущество.

Но наибольший урон Брестский договор нанес народам Закавказья, и происходило это в результате варварских акций союзницы Германии и Австро-Венгрии в Первой мировой войне – Османской империи.

Настало время сообщить читателям о самой тяжелой потере, которую понесли Россия и ее народы в результате заключения Брестского договора, в подписании которого, кстати, принимали участие и турки.

Известно, что русско-турецкие войны, а их было всего двенадцать, велись Россией в разное время

не только ради независимости балканских народов; они всегда прямо или косвенно были связаны с проблемой проливов Босфор и Дарданеллы, которые контролировались турецкими властями. А они по своему разумению разрешали или запрещали русским судам выходить в Средиземное море. Интерес России к проливам был понятен западным странам – ведь они и сами не раз оказывались в противостоянии с Россией из-за проливов. Но Первая мировая война была в то время исключительно важным и крупнейшим в истории вооруженным противоборством, и Россия была союзникам нужна. Еще в первый период войны, в начале 1915 года, Великобритания и Франция дали официальное



Переговоры с турецкой делегацией в Москве, в ходе которых был подписан Московский договор 1921 года. Третий справа — глава советской делегации Георгий Чичерин

согласие на будущую передачу проливов под власть России.

Такого не ожидали ни Российская империя, ни вообще весь мир. А подписывая Брестский договор и выходя из войны, Россия теряла тем самым уникальный исторический шанс: раз и навсегда стать обладательницей ключа к Малой Азии и Ближнему Востоку. Это означало не только постоянный свободный выход в Средиземноморье, но и контроль за присутствием в Черном море кораблей потенциального противника. Независимо от того, какой была идеология правящих сил в России, терять такую возможность нельзя было ни в коем случае!

Потомкам надо помнить это, когда они в очередной раз слышат о проблемах, возникающих в связи с контролем над проливами Турции, члена НАТО.

А ведь Турция была в то время не только союзницей Германии и Австро-Венгрии в войне; она была страной, враждебной для народов Закавказья, которые

полностью или частично входили в состав Российской империи. Со времени захвата турками Константинополя и до начала Первой мировой войны, то есть на протяжении 460 лет, турки постоянно совершали агрессивные действия в отношении народов Малой Азии и Закавказья. Только начиная с конца XVII века и до начала XX века турки совершили 37 нападений на районы компактного проживания греков, армян и грузин, 9 раз вторгались в Грузию, 11 раз разоряли армянские села в Западной Армении и осуществляли акты геноцида, уничтожая греческое и армянское население на западе Турции.

Османская империя, вступившая в Первую мировую войну чуть позже Германии и Австро-Венгрии, с самого начала предпринимала агрессивные действия против Российской империи. Решение стать союзником вышеупомянутых держав было принято султаном в начале осени 1914 года, а в конце октября турецкий флот уже обстреливал Севастополь, Одессу и Новороссийск.

и после поражения Германии, Австро-Венгрии и Турции проливы оказались под контролем России. Что бы это значило для народов России и для всего мира?

Во-первых, Россия неизбежно получила бы не только проливы, но и выход к южной Анатолии, то есть овладела бы ключом к Малой Азии. И тогда доминированию Оттоманской империи на Ближнем Востоке окончательно пришел бы конец. Армения и Грузия были бы гарантированы от турецких вторжений, сотрудничество России и арабских стран стало бы реальностью. Хотелось бы напомнить читателям, что начало войны с Турцией многие в России встретили едва ли не с большим воодушевлением, чем начало Первой мировой в целом. Патриотические настроения были столь велики, что некоторые деятели высказывались за завоевание не только Константинополя, но и Святой земли. Победы русского оружия на Закавказском фронте вызвали невиданный энтузиазм в народе; звучали голоса,

В ответ на это 2 ноября Россия объявила Османской империи войну. Так на юге открылся новый фронт — Кавказский. Зимой турки попытались начать на этом фронте наступление, но потерпели сокрушительное поражение: большая часть турецких войск погибла в боях, замерзла на смерть или попала в плен.

Но давайте представим себе, что Брестского мира не было

призывавшие освободить Гроб Господень от турецкой оккупации. Иерархи православной церкви заявляли, что могущественной России нельзя терпеть, чтобы величайшие святыни христианства — Гроб Господень, Голгофа и Вифлеем — оставались в руках магометан. Это означало бы, что войн на Ближнем Востоке с их неизбежной периодичностью и трагическими последствиями не было бы.

Наконец, самый серьезный и далеко идущий вывод. В 1941 году Германия не решилась бы напасть на Советский Союз: он блокировал бы проливы, был бы полным хозяином на Черном море, а это означало, что Румыния и Болгария не отважились бы стать союзниками Гитлера, да и средиземноморские операции германского флота были бы под угрозой. СССР не потерял бы почти 40 млн человек в войне с фашизмом.

Брестский мир открыл кровавый шляюз: уже в 1915 году по всей территории Османской империи продолжились массовые убийства армян. Архиепископа города Эрзерум повесили, после чего повесили архиепископов еще трех городов, а архиепископа города Диярбакыр сожгли живьем. Паству священников вырезали. Тех армян, которых не убили, принудительно переселили на север Месопотамии. Сотни тысяч бежали в Грузию, в Россию, на Балканы. Сотни армянских сел стали пепелищами. К концу 1915 года из более чем 2 млн армян, населявших Оттоманскую империю до войны, в стране осталось менее 600 тысяч. В Трапезунде (бывшей столице Трапезундской империи, одного из государств-преемников Византийской империи) до войны жили 18,5 тыс. армян; когда российские войска вошли в город, их встретили всего 460 человек.

Отношение к армянам в Оттоманской империи было негативным всегда, но когда турецкая армия

стала терпеть непрерывные поражения от русских войск, турки быстро нашли виноватых: армяне были христианами, а значит, союзниками православной России.

Геноцид армян, как явный, так и скрытый, продолжался целых два года. Между тем 24 августа 1920 года большевистское правительство подписало с Турцией соглашение о сотрудничестве. Правда, народный комиссар иностранных дел РСФСР Г. Чичерин сделал на переговорах в Москве робкую попытку выпросить у турков бывшие российские территории и в придачу еще немного земли для армян. Турция ответила, что не уступит ни квадратного дюйма своей территории. Троцкий не нашел ничего лучшего, как послать на переговоры в Турцию, причем на целых три месяца, двух своих ставленников: абхазцев Лакобу и Эшбу. Учитывая, что абхазцы традиционно поддерживали турецкую экспансию в Закавказье, легко понять, что результат их усилий был нулевым.

24 сентября 1920 года Турция объявила войну Армении. Турецкие войска начали наступление по всему фронту и, обладая значительным превосходством сил, сумели в течение нескольких дней сломить сопротивление армянских войск. Наступающие турецкие войска опустошали занятые районы и уничтожали мирное армянское население.

28 октября турецкие войска взяли под свой контроль южную часть Ардаганского округа, 30 октября овладели Карсом, а 7 ноября Александрополем. Армянская армия была фактически уничтожена, а вся территория Армении, кроме районов вокруг Еревана и озера Севан, была занята турками. Встал вопрос о сохранении армянского государства и армян как нации. 29 ноября армянские большевики по согласованию с ЦК РКП(б) подняли

восстание против правительства Республики Армения и создали Революционный комитет Армении, который в тот же день провозгласил Армянскую ССР и обратился за помощью к Совнаркому РСФСР. В Армению из Азербайджанской ССР были направлены части 11-й армии РККА, которая 2 декабря заняла Ереван. 14 февраля 1921 года Красная армия начала наступление на Грузию и 25 февраля вошла в Тифлис, где была провозглашена Грузинская ССР.

В начале марта 1921 года турецкие войска заняли Батумскую область в Грузии и 11 марта вступили в Батум. Но уже через девять дней подразделения грузинской армии изгнали части турецкой армии из Батуми и их сменили части Красной армии. 22 апреля Александрополь с прилегающим районом был передан Армянской ССР. Но оба народа, армянский и грузинский, потеряли многие тысячи своих соплеменников.

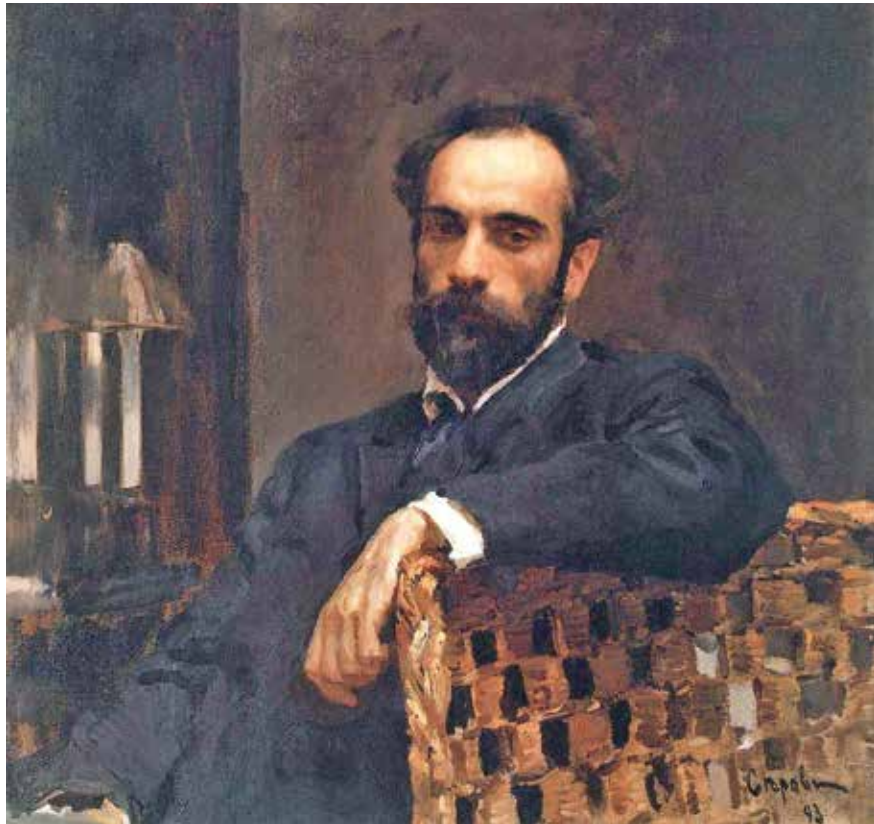
Последнее преступление против христианских народов турецкие националисты совершили к концу греко-турецкой войны. В сентябре 1922 года они осуществили в Смирне чудовищную резню. Делалось это турецкими войсками под командованием Мустафы Кемаля Ататюрка, с которым РСФСР установила «дружбу и сотрудничество» и которому поставляла оружие. Мало того, что в результате резни греков и армян погибло до 100 тыс. человек; турки еще устроили в Смирне страшный пожар. В результате огнем была уничтожена христианская часть города. Десятки тысяч греков и армян были депортированы вглубь Малой Азии, где большинство из них погибло от рабского труда, голода и болезней.

Если бы Сталин, Тер-Петросян («Камо») и Орджоникидзе не настаивали на посылке войск Красной армии в Закавказье, там повторилась бы такая же картина...

МОЛИТВА НЕМОЙ ДУШИ

30 августа 1860 года родился один из самых знаменитых пейзажистов Российской империи, академик Императорской Академии художеств Исаак Левитан

ИННА ВОЛОШИНА



Портрет Исаака Левитана кисти Валентина Серова. 1893

Более 1000 картин оставил нам Исаак Левитан. И почти каждая его работа может по праву считаться шедевром. Но лишь об одной картине он написал в письме к Третьякову: «Моих вещей у Вас достаточно, – но что эта последняя попала к Вам, трогает меня потому так сильно, что в ней я весь, со всей своей психикой, со всем моим содержанием». Речь идет о картине «Над вечным покоем». Эту работу особо выделял и Лев Николаевич Толстой. Он назвал ее по-своему – «молитвой немой души». Похоже, писатель

с гениальной проникательностью понял Левитана тоньше, чем тот сам понимал себя.

В книге мемуаров писателя Сергея Дурылина «В своем углу» есть такие строки о Левитане: «Левитан очень любил православную церковную службу и часто заходил в церковь к всенощной. Его поражаало и пленяло своей красотой православное богослужение. Он находил бездну поэзии в вечернем сумраке малого и тесного храма, в огнях лампад, в тихом пении, в тонких струйках ладана, разносящихся по полупустой церкви,

затихнувшей в полумраке. Он любил русскую природу, как может любить ее только настоящий русский человек... другого он никогда и не любил, кроме этой природы, этих берез, этих церковок, этого тихого звона над притихшими полями и перелесками...».

«Я никогда еще не любил так природу, не был так чуток к ней, – пишет художник Антону Чехову, – никогда еще так сильно не чувствовал это божественное нечто разлитое во всем, но что не всякий видит, что даже и назвать нельзя, так как оно не поддается разуму, анализу, а постигается любовью». Понимать ли это просто как возвышенное чувство природы? Или здесь соблазн пантеизма? А может, художник чувствует присутствие Творца в творении?

Ответ – в самом духе левитановской живописи. Есть в его пейзажах то особое чувство, которое философ Иван Ильин называл христианским «мироприятием и мироблагословением». Пожалуй, именно в этом суть творчества Левитана. Он в своих работах не переворачивает мир вверх ногами, не создает фантазмагорий, не искажает формы, пропорции, цвет, ритм. Иными словами, не заслоняет своим творческим «я» изначальную гармонию творения. Он принимает и славит красоту божественного мира – здесь именно «мироприятие и мироблагословение».

В этих пейзажах – отточенность композиции и поразительная непреднамеренность и свобода. Удивляет, как Левитан, дамский угодник и страстный охотник, мог

так чувствовать одухотворенность природы, отражение в ней чего-то неземного.

Есть особая тихость в его пейзажах. Словно внезапно, после грохочущего, сумасшедшего ритма вступает человек в тишину. Это не просто физическая тишина. Неслучайно люди по несколько раз возвращались на выставку, где была представлена картина Левитана «Тихая обитель». Сохранились свидетельства, что посетители благодарили за «блаженное настроение, сладкое душевное спокойствие, которое вызывал этот тихий уголок земли русской, изолированный от всего мира и всех лицемерных наших дел».

Картина «Тихая обитель» принесла Левитану славу.

«Вечер. Золотой Плес», «Вечерний звон» – в этих картинах вновь мотив и настроение, созвучные «Тихой обители»: закат на Волге, среди леса укрылся монастырь, освещенный золотистыми лучами солнца. То же отрадное чувство примирения со всем, света, внутренней тишины.

В картинах Левитана «Березовая роща», «Март», «Свежий ветер. Волга» совсем другой лирический строй, но то же чувство прославления, принятия сотворенного мира. Ликующий, ослепляющий свет! Великолепие этих солнечных дней! Кажется, душа художника вовлекается в свет Творца.

Однако куда чаще мажорного лада звучит в картинах художника отголосок «нежной и грустно жалобной свирели» или протяжная народная песня. И являются эти левитановские деревеньки – затерянные, жалкие; являются тихие заводы и перелески. Все затянуто грустной дымкой. В чем эта грусть? Зачем она?

«Видно, агасферовское проклятие тяготеет и надо мною, но так и должно быть – я тоже семит», – пишет он Чехову.

Левитан родился в бедной семье, в Литве, в местечке Кибартай. Черные синагоги, скудность, чахоточные ремесленники, на тесных улицах сушится тряпье – душа впитала эти зарисовки детства. Однако, в отличие от Шагала, который, по сути, стал «гением местечка» и всю жизнь рисовал провинциальный Витебск, Левитан в живописи не возвращался к впечатлениям детства. Его тоска глубже и корнями уходит в то самое «агасферовское проклятие», которое не случайно упоминает сам художник.

Агасфер, Вечный жид – персонаж христианской легенды позднего западноевропейского Средневековья. В ней говорится, что во время страдальческого пути Иисуса Христа на Голгофу Агасфер отказал ему в кратком отдыхе и безжалостно велел идти дальше. За это он был наказан – ему самому отказано в покое, он обречен из века в век безостановочно скитаться, дожидаясь второго пришествия Христа, который сможет отменить его наказание. В легенде об Агасфере в какой-то мере отразилось и отношение средневековых христиан к евреям. В евреях видели людей, обреченных на скитания, не имеющих родины, в них видели людей, которые распяли Христа и осквернили «завет с Богом».

В случае Левитана «агасферовское проклятие» – это образ духовной неприютности самого художника. С одной стороны, он лишен религиозности ортодоксальных иудеев, с другой – при всей гениальной чуткости к русскости, к красоте русской природы – он остается вне Православия. Эта религиозная неустроенность всегда отражалась в метаниях художника.

Часто в письмах Левитана к Чехову звучит этот стон: «Вновь я захандрил и захандрил без меры и грани, захандрил до одури, до ужаса». «Господи, когда же не будет у меня разлада, когда я стану жить в ладу

с самим с собой. Это кажется никогда не будет, вот в чем мое проклятье».

В молодости в приступе такой хандры Левитан совершил попытку самоубийства. Слава Богу, рана от пули оказалась не смертельной. Тогда Чехов увез его к себе на дачу на реке Истре. Левитан отходил душой среди многолюдного, веселого чеховского семейства.

Спустя много лет уже зрелый Левитан запутался в человеческих отношениях. Он сильно увлекся Анной Николаевной Турчаниновой, женой питерского сенатора Ивана Турчанинова. В то же время старшая дочь Анны Николаевны, двадцатилетняя Варя, полюбила Левитана. Полюбила как-то ошалело, безудержно. Соперничество между матерью и дочерью очень тяжело переживал виновник этой драмы.

Были эти метельные страсти и салонные романы, но Левитан так никогда и не женился. «Почему я один? Почему женщины, бывшие в моей жизни, не принесли мне покоя и счастья? Быть может, потому, что даже лучшие из них – собственники. Им нужно все или ничего. Я так не могу. Весь я могу принадлежать только моей тихой бесприютной музе, все остальное – суета сует...»

Только в работе он очищается от этой «суеты сует», от темных страстей, от черной тоски. Душа в своей неизбыточной раздвоенности между высшим и низшим поднимается ввысь. В его пейзажах есть печаль, но в большинстве картин это не горько-безотрадное чувство, а печаль высокая, тонкая, светлая печаль. И здесь великая тайна общения Бога и человеческой души – в прикосновении к красоте Божественного мира душа «просветляется».

Художник Коровин, приятель Левитана, вспоминает совместные походы на этюды: «Мы остановились. Посинели снега, и последние



И. И. Левитан. «Тихая Обитель». 1890

лучи солнца в темном лесу были таинственны. Была печаль в вечернем свете.

– Что с вами? – спросил я Левитана.

Он плакал и грязной тряпочкой вытирал у носа бегущие слезы.

– Я не могу, – как это хорошо! Не смотрите на меня, Костя. Я не могу, не могу. Как это хорошо! Это – как музыка. Но какая грусть в лучах, в последних лучах».

У Левитана чувство сокровенной красоты мира настолько реально, что настигает иногда слезами. Это слезы о высшем, о чистоте, о глубокой тайне мироздания, которую так сильно чувствовал сам художник:

«Как странно все это и страшно, и как хорошо небо, и никто не смотрит. Какая тайна мира – земля и небо. Нет конца, никто никогда не поймет этой тайны, как не поймут и смерть».

Есть эта тайна и печаль в неподвижной дреме бескрайней Волги в картине «Вечер на Волге», и в преддверии ночной мглы в пейзаже «Последние лучи солнца. Осинный лес», и в лунном свете в картине «Сумерки. Стога».

Левитан утверждал, что только в России может быть настоящий пейзаж. Этот особый печальный русский колорит есть и в картинах «Весна. Большая вода»,

«Деревня», «Ветхий дворик», «Половодье»: эти оголенные беззащитные березки на фоне нежно-голубого неба; бедные избы под соломенной крышей – здесь все пронизано сердечной тихой печалью, щемящим чувством земного сиротства. Но над всем этим словно слышится христианский вздох об утешении.

В 19 лет Левитана первый раз выселили из Москвы. Вышел царский указ, запрещающий евреям жить в столице. В то время Левитан – еще никому не известный студент Московского училища живописи ваяния и зодчества, рано осиротевший, живший по чужим

углам в страшной нужде. Левитану пришлось уехать в подмосковную деревню Салтыковку. К счастью, благодаря ходатайству из училища, вскоре ему удалось вернуться.

А спустя 12 лет все повторилось. 1891 год – еще один указ о выселении евреев. Левитан, в ту пору признанный художник всероссийской славы, вынужден был скрываться во Владимирской губернии, пока друзья не добились отмены высылки.

Как писал Александр Ростиславов, «как бы в насмешку над национализмом, именно бедному еврейскому юноше открылась тайна самой сокровенной русской красоты».

Александр Бенуа замечал, что «лишь с появлением картин Левитана» он поверил в красоту, а не в «красоты» русской природы».

Свой художественный дар Левитан действительно отдал русской природе. Он был абсолютно самодостаточным пейзажистом, почти не обращался к другим жанрам. Его портреты – незначительная часть его наследия, можно сказать, «художественная периферия». Однако как пейзажист Левитан не останавливается на уровне лирика. Через пейзаж художник говорит и о жизни, и о смерти.

Левитан боялся смерти. Хотя, по словам Чехова, он «не верил ни во что тамошнее». Следовательно, волновался он не о посмертной участи души. Для него страшнее, в своей прямой обнаженности, было осознание смерти как предельного конца. Там, дальше, нет ничего. Вот строки из его письма к Чехову: «Века, смысл этого слова ведь просто трагичен; века – это есть нечто, в котором потонули миллиарды людей, и потонут еще, и еще, и без конца; какой ужас, какое горе! Мысль эта старая, и болезнь эта старая, но, тем не менее, у меня трещит череп от нее!



Портрет Антона Павловича Чехова работы Исаака Левитана. Этюд. 1885–1886

Тщетность, ненужность всего очевидна».

Из этих настроений и мыслей вызревает, пожалуй, самое значительное полотно художника – «Над вечным покоем». Эту картину Левитан написал под Вышним Волочком, близ озера Удомля. Перед зрителем открывается грандиозная

панорама: громадное застывшее озеро, над ним вздыбленное небо – небесный бой; деревянная, потемневшая от времени церковь на краю утеса; могильные кресты заброшенного кладбища. Безлюдный, давящий пейзаж. Колорит картины – холодный и темный; небольшие светлые вкрапления



И. И. Левитан. «Сумерки. Стога». 1899

лишь усиливают общую мрачность. Композиция в картине выстроена так, что есть ощущение движения. Остроконечный утес, кажется, плывет по глади озера, но небольшой островок земли прерывает это движение. Так же, как крест церквушки тянется ввысь, но низкая тяжелая туча задавливает этот порыв. Таким образом, создается гнетущее ощущение безвыходности, замкнутости. Легко представить врубелевского демона, парящего над этой пустынной бесприютной землей. Во время работы Левитан просит, чтобы для него играли Героическую симфонию Бетховена с ее траурным маршем.

Стиль художника становится лаконичным, монументальным. Отсекается все лишнее, незначительное. «Каждый сучок» уже не просится на полотно. Ушла импрессионистская легкость «Березовой рощи», в прошлом – «литературность» его ранних работ. Левитан как художник восходит к новому уровню: от лирики, от настроения – к философскому обобщению.

Покосившиеся могильные кресты – единственное напоминание о человеке в картине, о страшной бессмыслице, «тщетности, ненужности всего». Беспрерывная темная полоса туч захватила всю ширину горизонта. Некоторые видят

в этом пейзаже образ «бренности и ничтожества человеческой муравьиной суеты». Но тогда Левитан был бы просто сумрачный тоскливый лирик. В картине задан совсем иной масштаб. Художник создает эпически величавый образ – здесь оправданный экзистенциальный ужас человека перед неизбежностью смерти. Природа в картине, безмолвная и безмерная, – единственный равнодушный свидетель этого ужаса. В чем же спасение, или Левитан призывает нас просто достойно склониться перед неизбежным?

Уже в цветовом решении картины художник указывает выход:



И. И. Левитан. «Над вечным покоем». 1894

светлая тропинка среди темно-зеленой травы ведет к храму. Над храмом светлеет небо, расходятся тучи, словно просвечивает надежда. На фоне темных холодных тонов – теплый колорит церкви с ее огоньком в окне. Этот крошечный желто-оранжевый огонек – самая теплая, живая точка в картине. Этот источник света в картине меняет ее строй. Трагедия смерти не исчезает, но делается иной. «Свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин 1:5). Так душа человека тянется к свету Творца и с этим светом побеждает темноту, дух ненависти, побеждает ужас перед торжеством смерти.

Да, Левитан не принимал догматы ни одной религии. Но в этой картине срабатывает интуиция

гениального художника, который в своем творчестве становится выше своей эмпирической личности. Здесь художник существует на своей предельной глубине: «... в ней я весь, со всей своей психикой, со всем моим содержанием». Это действительно «молитва немой души», которая не словами, а кистью и красками слагает мольбу о надежде и спасении.

За год до смерти, в 1899 году, Левитан пишет картину «Лунная ночь». На полотне – деревья на склоне холма, одна березка стоит в стороне на самом краю обрыва, словно заглядывая в пропасть: что там, в этой бездонной глубине? Левитан в ту пору был уже серьезно болен, у него было больное сердце. Он сам, словно

заглядывая в пропасть, пытался найти ответ на этот вопрос: что там... за этим земным пределом?

Он умирал у себя дома, в своей прекрасной мастерской на Покровском бульваре. Мастерскую предоставил ему Савва Морозов еще в 1891 году. Художник Корвин описывает последние часы его жизни: «Левитан умирал.

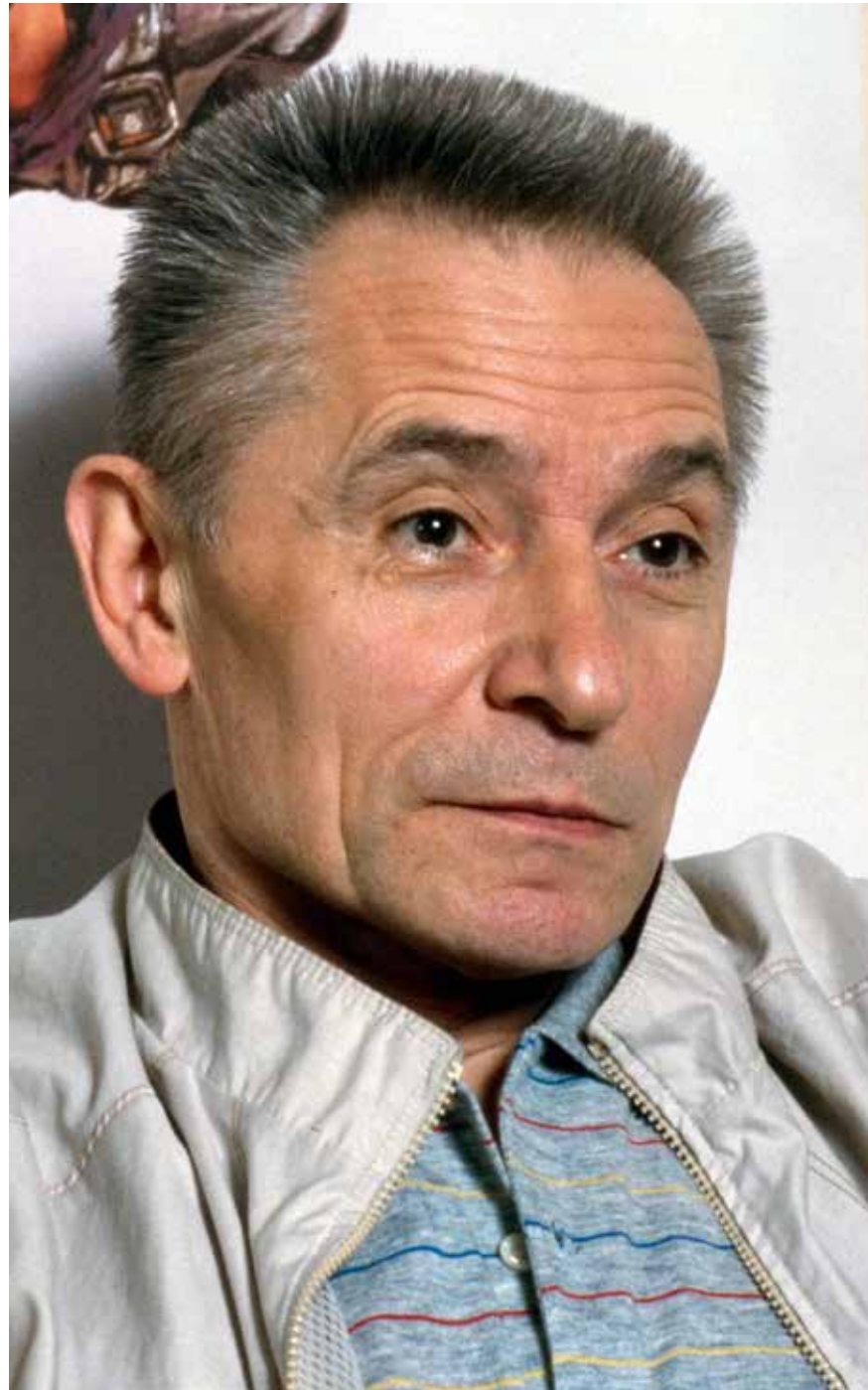
– Закройте же окна! – просил он.
– Солнце светит, – отвечали ему, – зачем закрывать окна?!
– Закройте! И солнце – обман!.. Это были его последние слова».

Вспыхнул ли свет в душе самого художника, как в окне древней церквушки в картине «Над вечным покоем»?.. Ответа мы не знаем. Знаем только, что без этого света и «солнце – обман!».

ГЕНИЙ РУССКОГО БАЛЕТА

Памяти Юрия Григоровича

СЕРГЕЙ МАКИН



Юрий Григорович в 1979 году / Фото: Готфрид Бернард

Великий балетмейстер застал сталинскую эпоху, жил и творил в периоды хрущевской оттепели, брежневского застоя, горбачевской перестройки, ельцинских лихих 90-х. Все эти времена он отразил в своем творчестве.

Юрий Николаевич Григорович начинал в Ленинграде как танцовщик Кировского театра, где выступал с 1947 года. Там же он родился как балетмейстер. Первой ласточкой стал детский балет «Аистенок» композитора Дмитрия Клебанова, поставленный молодым хореографом во Дворце культуры имени Горького. В 1957-м Григорович вместе с балериной Аллой Шелест предложил Кировскому театру свой ранний шедевр – «Каменный цветок» на музыку Сергея Прокофьева.

В книге Наталии Зозулиной «Алла Осипенко» (Москва, 1987) рассказывается о первой исполнительнице партии Хозяйки Медной горы: «В идеальных очертаниях фигуры Осипенко любые изломы линий, непредвиденные ракурсы танцевальных поз обретали красоту и оправдание... Задуманный Григоровичем в графической манере танец Хозяйки Медной горы представлял в спектакле фантастической каллиграфией, ибо была исполнительница, послушная заклинанию поэта: “Кружевом, камень, будь и паутиной стань”».

С этого балета началось сотрудничество балетмейстера с его любимым театральным художником – Симоном Вирсаладзе.

Четырьмя годами позже в главном музыкальном театре Северной столицы прошла премьера



Балет «Легенда о любви». Царица Мехменэ Бану – Светлана Захарова. Большой театр / Фото: Дамир Юсупов

«Легенды о любви» Арифа Меликова. Центральный образ балета – царица Мехменэ Бану, однако важную роль играет и ее сестра Ширин.

В своей книге о балете «Дивертиссимент», впервые изданной в 1981 году, театральный критик Вадим Гаевский раскрывает любимую тему Григоровича: «Второй план “Легенды”, “Лебединого озера”, “Спартак” – крушение сказочных царств и реальной империи – деспотического Древнего Рима. “Легенда о любви”, “Спартак”, “Иван Грозный” – три главных произведения балетмейстера, в которых с несвойственной балетному театру жесткой определенностью прописан государственный силуэт».

О молодом хореографе заговорили. В 1964 году 37-летнего Юрия приглашают в Большой

театр – и сразу на должность главного балетмейстера.

Триумф и предвидение

Сначала Григорович перенес в Большой театр ленинградскую «Легенду о любви». В 1968 году состоялась премьера балета «Спартак» на музыку Арама Хачатуряна. И это был триумф. Спектакль приняли на «ура», он стал шедевром хореографии, важным этапом в развитии философии балета – и политическим пророчеством.

«Спартак» – самый советский балет, хотя действие его происходит в Древнем Риме. Созданный вскоре после 50-летия Октябрьской революции, спектакль показал процессы, которые в итоге привели к гибели Советского Союза. Уже тогда

в стране намечалось стремление к обогащению любой ценой, начался упадок нравственности.

Вадим Гаевский с полным основанием считает, что балетмейстер продолжил в «Спартаке» свою любимую тему: «В “Легенде” Григорович нашел себя. С тех пор он художник государственной темы. Его волнует не упадок культуры, эстетический или этический декаданс (тема Фокина, а в наши дни – Лукино Висконти): для балетов Григоровича декаданс – слишком нежное слово. Отрицательный персонаж Григоровича – не декадент, но дикарь или же дичающий на глазах деспот. Григорович демонстрирует упадок империи, одичание великого царства. Его Рим в “Спартаке” – это не Рим в постановке Леонида Якобсона, отталкивавший и притягивавший падением нравов, полный



Балет «Спартак». Спартак — Денис Родькин / Фото: Дамир Юсупов.
Фотография предоставлена пресс-службой Большого театра

изысканной чувственности и нерас-
траченных жизненных сил... Рим
Григорovichа — город без гордых
патрициев и без обольстительных
гетер. Разве этот Красс — патриций?
Усмиритель-жандарм, жестокостью
и доносами выдвинувшийся из ря-
довых легионеров... И разве эта

Эгина — гетера? Гетеру нам показала
несравненная Алла Шелест в яacob-
соновской версии «Спартак»».

Еще в 1968-м, после премьеры,
в обществе проявились симпатии
не к вождю восставших рабов, рас-
пятому в финале подобного Хрис-
ту, а к его противнику, что можно

было объяснить мастерским ис-
полнением партии римского пол-
ководца Марисом Лиепой. А когда
со второй половины 1980-х в стра-
не начали пропагандировать культ
материальных благ и сексапиль-
ности, Красс и Эгина стали героя-
ми времени.

Грозный и несчастный

Тему «Государство и личность»
хореограф продолжил в самом
трагическом своем балете «Иван
Грозный» на музыку Сергея Про-
кофьева, поставленном в 1975 году.

Гаевский пишет: «Героя “Ивана
Грозного”, самого “московского”
балета Григорovichа, разрушает
свобода эмоций, несдержанные
страсти, неуправляемый гнев.
<...> Тяжело ступающий и дико
глядящий царь с первых шагов за-
дан как персонаж демонический,
необъяснимый. Умом его не по-
нять, да и не в уме его сила. В от-
личие от реального Ивана, блиста-
тельного политика и дипломата
(во всяком случае в ранний период
правления), балетный Иван ску-
ден умом (что особенно хорошо
получается у первого из двух ис-
полнителей — Ю. Владимирова;
В. Васильев выглядит намного ин-
теллигентнее). Зато он велик ду-
шой — это чистая, незамутненная
душевность... В балете убежденно
доказывается, что страшная месть
Ивана — именно подвиг, подвиг
любви, такой же прекрасный, как
панихида по погибшей Анастасии.
Но именно в этой сцене “душевный
реализм” Григорovichа одерживает
впечатляющую победу, а его
традиционализм дает высокий ху-
дожественный результат... Иван
принадлежит к типу несчастных
героев Григорovichа, несчастных
в прямом и философском смысле
слова. Они дарят славу, но сча-
стье они не дают. А радость они
отнимают».



Балет «Иван Грозный». В заглавной партии — Артемий Беляков. Большой театр / Фото: Ирина Малахова

Гений и злодейство — две вещи совместимые

В 1969-м, сразу после «Спарта-
ка», балетмейстер поставил на сцене
Большого театра обновленное «Ле-
бединое озеро» П. И. Чайковского.
Изначально антагониста принца
звали Ротбарт. Юрий Григорovich
лишил главного отрицательного ге-
роя имени, у него он просто Злой
гений. Зато хореограф подарил ему
богатую танцевальную партию, со-
поставимую с партией принца. Гри-
горovich заочно спорит с Пушкиным,
с идеей «Гений и злодейство — две
вещи несовместимые», высказанной
в «Моцарте и Сальери».

На протяжении десятилетий Зиг-
фрид приходил на озеро с арбале-
том, чтобы охотиться на лебедей.
У Григорovichа его ведет к озеру
колдовство Злого гения. Он ставит

эксперимент над принцем, а в его
лице — над человечеством: спо-
собно ли оно к настоящей любви?
На балу Злой гений вместе с Оди-
лией творит обряд черной магии,
гипнотизируя главного героя. Ка-
жется, принц обречен. Кто или что
может его спасти?

Одетта в этой постановке — не за-
колдованная принцесса, а богиня
красоты и любви. В финале она спа-
сает принца, заслоняя его от Зло-
го гения. Идея «Лебединого озе-
ра» в версии Юрия Григорovichа
1969 года — человека должна по-
любить и защитить высшая сила:
любовь небесная.

Именно версию Григорovichа
показывали 19 августа 1991 года
по телевидению. «Лебединое озе-
ро» могло стать тогда бессловес-
ным призывом хранить верность
идеалам добра и красоты. Могло,

но не стало: значительная часть
населения уже потянулась к псев-
докрасивой жизни и сомнитель-
ным шедеврам.

В том фильме-спектакле партию
Одетты-Одиллии исполняла На-
талия Бессмертнова, жена Юрия
Николаевича.

Конец века

В 1982-м состоялась премьера по-
следнего балета маэстро: им стал
«Золотой век» на музыку Дмитрия
Шостаковича. В сущности, это
упрощенное «Лебединое озеро»,
перенесенное в эпоху НЭПа. Прин-
ца Зигфрида сменил пролетарий Бо-
рис, вместо Злого гения появился
злой талант — бандит Яшка; озеро
сменилось морем. Положительная
Рита — видоизмененная Одетта,



Руслан Скворцов в партии принца Зигфрида.
«Лебединое озеро». Большой театр / Фото: Ирина Лепнева

отрицательная Люська – сниженный аналог Одилии. Большинство зрителей отдали предпочтение темной бандитской компании, и в этом виделся знак беды.

В 1990-х эта беда обрушилась и на Юрия Григоровича. Страна хотела перемен: каких угодно, лишь бы они произошли – везде и во всем. В том числе в Большом театре. Те самые артисты, которые обрели имя и всемирную славу благодаря балетам Григоровича, выступили против него.

Вадим Гаевский объясняет ситуацию: «В труппе артистов возникли тяготения в сторону более актуальных хореографических идей, более нового танцевального языка. В творчестве Григоровича, наоборот, – постепенно пропал интерес к новаторству как таковому. Самобытность ему представлялась дорожкой, нежели общепринятый “современный стиль”; независимость он искал, комбинируя принципы нового и очень старого театра».

Век Григоровича клонился к закату. Не жизнь балетмейстера подошла к концу, заканчивалась его эпоха.

Великого хореографа принялись травить в российской прессе, это подтверждает Виталий Вульф в своей программе «Мой серебряный шар»: «Нашлись критикессы, написавшие пасквиль на “Легенду”, а это абсолютный шедевр, гениальный балет, имеющий фантастический успех у публики».

В 1995 году Юрия Григоровича выжили из Большого театра. Напрашивается параллель с Мариусом Петипа, которому всячески мешал в начале XX века директор императорских театров Владимир Теляковский, считавший, что великий француз тормозит развитие русского балета.

Но Григоровича трудно было сломить. По натуре боец и, что еще важнее, великий труженик, Юрий Николаевич едет в Краснодар, создает на основе местной труппы собственный театр балета и ставит там все спектакли своего репертуара.

Постепенно руководство Большого театра осознает свою ошибку. В 2001 году Григорович возвращается в Большой театр, хотя и не на должность главного балетмейстера. Он ставит вторую редакцию «Лебединого озера». Финал на этот раз трагический. Принц раскаивается, жаждет исправить свою ошибку. Но инерция зла сильна. Закрывать своей грудью амбразуру или человека, как это сделала Одетта в «Лебедином озере» 1969 года, – советская модель поведения. В новой версии Злой гений действует в духе «лихих 90-х»: он умерщвляет Одетту. Принц остается в живых, однако смертельно ранена его душа.

Идея «Лебединого озера» в постсоветской версии Юрия Григоровича – несостоятельность человека, гибель любви. Это было

предчувствием смерти любимой жены и музыки: Наталия Бессмертнова умерла в 2008 году.

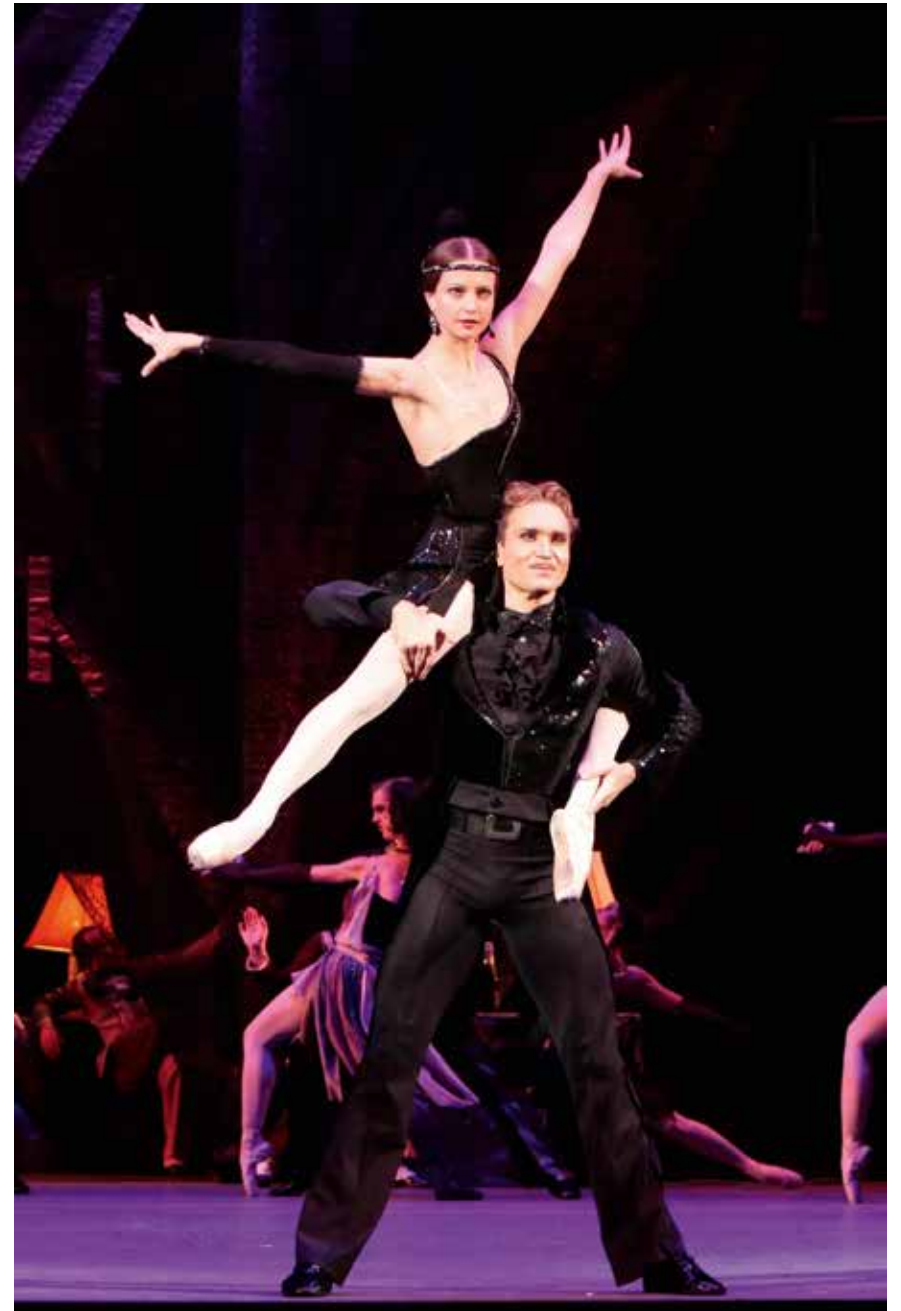
«Я должен быть жесток, чтоб добрым быть»

На премьере «Спартак» Арам Хачатурян подарил балетмейстеру программку со своим автографом: «Гениальному хореографу, выдающемуся артисту с плохим характером». Григорович отстаивал свое видение будущего балета, позволяя себе менять порядок номеров в партитуре. «Быть добреньким и прощать всем все – это же гибель для искусства», – считал Юрий Николаевич.

I must be cruel only to be kind. Эти слова шекспировского Гамлета переводили на русский язык по-разному: «Из жалости я должен быть жесток» (Михаил Лозинский); «Из жалости я должен быть суровым» (Борис Пастернак); «Я должен быть жесток, чтоб добрым быть» (Анна Радлова). И это было кредо Григоровича. Когда его спросили, можно ли танцевать в 50 лет (относительно возраста есть разные варианты), балетмейстер ответил: «Танцевать можно, смотреть нельзя».

Балет – вообще жестокое искусство. Мало иметь желание танцевать, нужны данные и нужна молодость.

Виталий Вульф свидетельствовал: «Марис Лиэпа сыграл свою великую роль Красса в балете “Спартак”, и Наталия Бессмертнова станцевала свои абсолютные шедевры – Анастасию в “Иване Грозном” и Ширина в “Легенде о любви”, и Юрий Владимиров проявил себя как большой художник в “Иване Грозном”. И все это создал Григорович силой своего великого дара... Юрий Николаевич бывает мрачным, нелюдимым, говорят, что был сильно подвержен влиянию тех, кто находился



Балет «Золотой век». Рита – Нина Капцова. Яшка – Михаил Лобухин.
Большой театр / Фото: Дамир Юсупов

рядом, но озлобленным я его никогда не видел. Взрывчатый видел, злым – нет».

Май 2025 года оказался печальным для балета. 12 числа ушла из жизни Алла Осипенко – первая и, по мнению многих, лучшая Хозяйка Медной горы в «Каменном цветке» Григоровича. 19 мая

покинули этот мир сам великий балетмейстер и Юрий Владимиров – первый и, как считают, лучший Иван Грозный.

Кто сможет сегодня с такой же мощью и гениальностью отразить процессы, происходящие в душе России, как это сделал Юрий Григорович?

НАСЛЕДИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НИЦЦЕ

Французский суд постановил: дореволюционная церковная недвижимость в Ницце является собственностью России

ПРОТОИЕРЕИ АНДРЕЙ ЕЛИСЕЕВ,
настоятель Свято-Николаевского собора в Ницце

Апелляционный суд Экс-ан-Прованса принял 24 апреля историческое и долгожданное решение, которое в сегодняшних условиях свидетельствует о полной независимости и беспристрастности: отныне все церковные объекты, построенные или приобретенные в Ницце с середины XIX по начало XX века, признаны неотъемлемой собственностью Российского государства. Речь идет о старинном храме Святителя и Чудотворца Николая и мученицы царицы Александры, расположенном в центре города на улице Лоншам (на ниццарском диалекте – Кампо-Лонго), памятном русском Николаевском кладбище, основанном еще при Александре II, а также трех земельных участках, два из которых располагаются на перекрестке бульвара Царевича и авеню Николая II, а третий – на соседнем авеню Ге. Все они непосредственно прилегают к Свято-Николаевскому русскому собору.

По совпадению ли или нет, но решение суда было подписано в чрезвычайно символичный для истории русской общины в Ницце день – день памяти почившего в этом городе в 1865 году наследника русского престола, юного цесаревича Николая Александровича Романова, старшего сына императора Александра II и императрицы Марии Александровны. В церкви Святых Николая и Александры цесаревича отпевали, а Николаевское

кладбище получило свое название в его память по указу самого императора.

В 1868 году в память цесаревича в Ницце возвели большую часовню, которую открывал отец последнего русского императора – великий князь Александр Александрович, вошедший в историю как Царь-Миротворец.

Николаевский собор был построен в 1912 году также в память о почившем цесаревиче, который приходился дядей императору Николаю II, строителю собора.

В судебной тяжбе с Православной культовой ассоциацией ACOR Российское государство выступало как правопреемник Российской империи и Святейшего Синода Русской Православной Церкви. Именно Св. Синод, а не местная церковная община, являлся собственником или распорядителем как Свято-Николаевского собора в Ницце, так и других церковных святынь на Французской Ривьере. Решения апелляционной и кассационной инстанций французского суда в отношении собора последовали в 2011 и 2013 годах, однако нерешенной оставалась судьба трех прилегающих к нему участков. В 2014 году посол России во Франции Александр Орлов подписал нотариальный акт, который имел скорее декларативный характер: он устанавливал непрерывность прав Российского государства над этими участками, которые были

неразрывно связаны с самим собором: между двумя участками была проложена широкая дорога, ведущая к храму, а третий служил боковым въездом в собор и был подарен Русской Православной Церкви владельцем огромной люксовой гостиницы «Императорский Парк» господином Ге, имя которого и носит соседняя с собором улица.

В том же 2014 году господином Орловым были подписаны соответствующие нотариальные акты, в которых Российское государство декларировало непрерывность своей собственности в отношении первого русского храма Святых Николая и Александры, построенного по инициативе и при финансовом участии вдовствующей императрицы Александры Федоровны, супруги Николая I. На ее денежный вклад был приобретен участок земли под храм на нынешней улице Лоншам. А приближенные Двора и немногочисленные тогда члены русской колонии быстро собрали необходимую сумму для возведения самого здания церкви.

К слову, храм не был, конечно же, старейшим русским храмом в Западной Европе. Первые церкви были построены задолго до него в Германии, откуда происходили некоторые императрицы и высшие аристократки. Открылся он в начале января 1860 года, и в том же году была освящена в Париже при посольстве новая церковь Св. Александра Невского. Название

русского храма в Ницце отсылало к царственным особам – памяти императора Николая I и его супруги, строительницы храма Александре Федоровне.

Но как же так вышло, что собственность Русской Православной Церкви, а точнее ее управляющего органа – Святейшего Правительствующего Синода, оказалась в руках некоей ассоциации, которая разорвала связи с Русской Церковью сначала формально в 1931 году, а затем и окончательно в 2019 году, перейдя со всей собственностью под юрисдикцию Румынского Патриархата? История эта непростая.

Дело в том, что в 1920-е годы все заграничные приходы Русской Церкви оказались почти отрезанными от Отечества ввиду широко-масштабных репрессий, развернутых против нее новой властью. Для того чтобы сохранить их единство, святитель Тихон, Патриарх Московский, направил в Париж митрополита Евлогия (Георгиевского), который должен был управлять всеми имеющимися приходами, в особенности во Франции. Каждая приходская община, по мысли владыки Евлогия, должна была зарегистрировать новое юридическое лицо, дабы избежать возможного секвестра или конфискации со стороны французских властей. Именно это и было сделано в Ницце в 1923 году, когда была создана Православная культовая ассоциация ACOR. В ее уставе было прописано, что она подчиняется церковной власти в лице митрополита Евлогия и Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона. В 1927 году митрополит выдал ассоциации, как и другим приходам во Франции, письменную доверенность, которая давала им формальное право управлять имеющейся собственностью, но при этом, что важно, не владеть ею. Именно эту доверенность и предъявило суду нынешнее руководство ассоциации.



Храм Святителя и Чудотворца Николая и мученицы царицы Александры в Ницце. 1860

Тем не менее еще в 2013 году кассационный суд установил, что само это свидетельство не дает ассоциации никаких прав на владение: ведь сам владыка Евлогий, будучи назначенным указом из Москвы, собственником не был. Следовательно, не мог и передать в собственность того, чем сам не обладал.

Немаловажно, что суд первой инстанции в 2021 году признал, что ассоциация ACOR собственником

никогда не являлась, будучи лишь управителем церковного имущества, но посчитал, что она могла приобрести права на чужую собственность за давностью лет. Причем приобретение таких прав суд посчитал возможным для церкви и кладбища, но не для трех участков вокруг Николаевского собора. И вот теперь апелляционный суд окончательно установил, что распорядитель имущества не мог

стать владельцем, учитывая также то обстоятельство, что у ассоциации ACOR не было ни единого документа о собственности, а все нотариальные акты о приобретении прав на нее были оформлены задолго до создания ассоциации и ее никак не касались. В частности, земельные участки были оформлены на российский Св. Синод уже тогда, когда во Франции существовали культовые ассоциации. Напомним, что закон об отделении церкви от государства, принятый в 1905 году, требовал обязательной перерегистрации существующих приходов и монастырей в «ассоциации». О чем это говорит? О том, что российские церковные и светские власти принципиально не желали передавать права собственности французскому юридическому лицу в какой бы форме оно ни представлялось.

Помимо того что все документы о собственности оформлялись при обязательном участии представителя Российского государства – либо посла, либо консула в Ницце, все действия с церковной недвижимостью в обязательном порядке одобрялись или не одобрялись не только Синодом Русской Церкви, но и самим императором. Церковь в Российской империи не была отделена от государства, поэтому высший церковный чиновник – обер-прокурор Св. Синода – был лицом подотчетным императору и соответствующим государственным министерствам. Подобная система существует и сейчас в некоторых странах Европы – например, в Княжестве Монако, в Греции, Бельгии, на Кипре и в Румынии. Во Франции до сих пор основные церкви и соборы находятся в собственности Республики, а не католических епархий. Здесь католические приходы не владеют своими церковными зданиями – ими ведают соответствующие диоцезы, то есть епископы и культовые

ассоциации, зарегистрированные при их епархиях.

К сожалению, с момента создания культовых ассоциаций сто лет назад начались явления, нехарактерные для православной церковной жизни. Старосты приходов получали в управление ресурсы, которыми не всегда могли достойно распоряжаться. Юридическое лицо в некоторых случаях подменяло собой понятие «приход» или «церковь». Вообще, традиционное церковно-каноническое устройство не знает такого понятия, как «ассоциация», где миряне принимают важнейшие, далеко выходящие за рамки их компетенции решения. Подобная система существовала в хрущевские времена, будучи искусственно навязанной советской властью, стремившейся через устранение духовенства от управления приходами подорвать жизнь Церкви изнутри таким образом, чтобы все важнейшие вопросы решались церковными старостами и приходскими «двадцатками». В Ницце, собственно, и произошло такого рода злоупотребление законом об «ассоциациях», когда приход храма Святых Николая и Александры вышел из подчинения своего епископа решением старосты и приближенных к нему лиц и переподчинил себя митрополии Румынской Церкви, которая на практическом уровне не могла осуществлять никаких контролирующих функций.

Насколько нам известно, за все шесть лет пребывания церкви на улице Лоншам в румынской юрисдикции там ни разу не побывал ни румынский епископ, ни даже уполномоченный им священник. Фактически после возвращения Парижской Архиепископии (бывшего Константинопольского патриархата) в лоно Русской Матери-Церкви в 2019 году от нее откололись и присоединились к Румынской Церкви только два прихода в Европе – в Брюсселе

и Ницце, и оба этих прихода связаны с одной и той же семьей, взявшей всю власть в свои руки.

Таким образом, решение апелляционного суда Экс-ан-Прованса вернуло течение русской церковной жизни в Ницце в нормальное русло, как это было до 30-х годов XX века, а если смотреть на ситуацию более широко, до конца 90-х годов, а именно до времени управления Парижской Архиепископией владыкой Сергием (Коноваловым), который, несомненно, был сторонником единства Русской Церкви в новых исторических условиях.

Колоссальные перемены, произошедшие в церковной жизни за последние 35 лет, прошли мимо замкнувшейся в себе ассоциации ACOR, утратившей всякую связь с Отечеством. Ее руководство все свои усилия сосредоточило на приватизации материального наследия, оставленного нашими, всецело преданными России предками, – такими как князь С. М. Голицын, строитель храмов в Каннах и Ницце. Разве они старались не для всех поколений православных русских людей, в том числе верующих любого происхождения, ценящих русскую церковную традицию? Неужели все их усилия были для того, чтобы плодами их трудов распоряжалась узкая группа русофобствующих политизированных сектантов? Парадоксальная ситуация, когда в Ницце, по сути, стало три румынских храма (учитывая новый прекрасный строящийся храм и два храма на ул. Лоншам и на кладбище Кокад), не могла восприниматься как нормальная или справедливая.

Тем ценнее и значительнее строгий и беспристрастный подход судебной коллегии, ясно и убедительно показавшей в 42-страничном вердикте несостоятельность аргументации и эмоциональных выпадов со стороны ассоциации, которая при всех возможностях не смогла за десятилетия своего

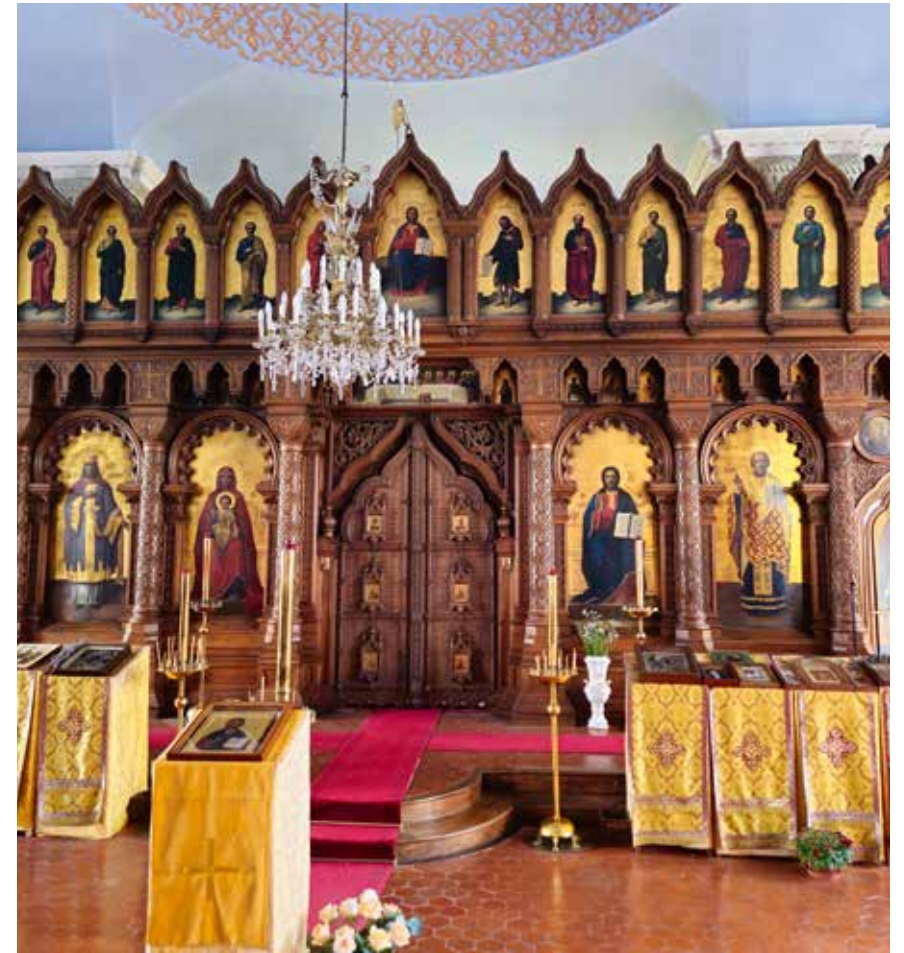
существования построить хотя бы приходской дом.

Учитывая созидательный опыт русских приходов последних тридцати лет в Западной Европе, можно не сомневаться в том, что Россия и Русская Церковь будут наилучшим образом заботиться о сохранении своего национального духовного и культурного наследия в Ницце и иных местах в тесном сотрудничестве с муниципальными и региональными властями Приморских Альп и Лазурного Берега.

Историческая справка

Участок под храм Святых Николая и Александры в Ницце был приобретен в 1857 году и расширен в 1902 году с согласия церковной администрации в России и императора Николая II. Именно в апреле 1857 года императрица Александра Федоровна, будучи в Ницце, пожертвовала 8 тысяч франков, на которые и была приобретена земля под храм. За один вечер 20 апреля императрицей было собрано по подписке 20 тысяч франков. Она немедленно поручила российскому послу при Сардинском Дворе графу Э. Штакельбергу приступить к покупке земли.

2 мая участок уже был куплен у братьев Тиранти. За один лишь 1857 год было собрано на храм в Ницце 40 тысяч франков, а в Петербурге еще 8 тысяч. Тот же граф Штакельберг по распоряжению императрицы образовал строительную комиссию, куда вошел в том числе российский консул А. И. Грив. Закладка храма состоялась 14 декабря 1858 года. Храм был построен максимально быстро к приезду императрицы Александры Федоровны в Ниццу на зимний сезон и освящен 12 января 1860 года по новому стилю.



Иконостас, подаренный императрицей Александрой Федоровной храму Святителя и Чудотворца Николая и мученицы царицы Александры

Императрица лично пожертвовала в храм дубовый резной иконостас с ценными иконами, который был доставлен в Вильфранш из Петербурга на русском военном фрегате «Олаф».

В 2021 году планы церкви Святых Николая и Александры из фондов Государственного музея архитектуры им. А. В. Щусева были представлены на выставке в Московском Кремле: «Россия и Франция: 10 веков вместе».

Участок для русского Николаевского кладбища в квартале Кокад в Ницце был приобретен в 1867 году при участии священника, старосты прихода и российского консула в Ницце Оскара де Паттона. Все трое подписали

акт купли-продажи 5 января. Инициатива создания кладбища исходила от тех же трех лиц, которые обратились с письмом-просьбой к префекту Приморских Альп 22 июня 1866 года.

На кладбище, в частности, находятся могилы морганатической супруги императора Александра II княгини Е. М. Юрьевской, генерала Н. Н. Юденича, писателя М. А. Алданова, поэтов С. С. Бехтеева и Г. В. Адамовича.

Здесь же жемчужина архитектуры – часовня-склеп Н. Л. Шабельской, выполненная в стиле русского модерна по проекту Алексея Щусева, изготовленная в Москве и установленная в Ницце в 1907 году.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Церковные праздники конца лета

АВГУСТИН СОКОЛОВСКИ,
доктор богословия, священник

«У вас, православных христиан, каждый день праздник», – порой говорят верующим далекие от Церкви люди. Так они обычно реагируют, когда слышат от людей церковных поздравление «с Праздником». Часто, особенно в недалеком советском прошлом, когда атеизм официально пропагандировался, верующих это смущало. Пожалуй, им казалось, что фраза «у вас в Церкви каждый день праздник» – это не что иное, как упрек в лени и праздности. Но на самом деле в этих словах есть правда. Они сказаны теми, кто смотрит на христиан со стороны. А со стороны видней. И в этом случае по поводу праздников лучше и не скажешь.

Сколько же на самом деле праздников в Церкви? Главный праздник всех христиан на земле – это Пасха. В Православии Пасха торжественно называется Светлым Христовым Воскресением.

В западном христианстве торжественно празднуется Рождество Христово. Поэтому православные христиане порой думают, что для католиков и протестантов Рождество важнее Пасхи. Некоторые полемисты даже выделяют этот момент и критикуют, упрекают католиков со словами: «Они больше отмечают Рождество, чем Пасху, потому что для Католической Церкви гораздо важнее мир земной, а не мир небесный. А вот Православие – это возвышенная

и небесная вера». На самом деле впечатление, что Рождество для западных христиан важнее, чем Пасха, не верно. И это тот редкий случай, когда взгляд со стороны обманчив. Пасха – это «Праздник всех Праздников и Торжество всех Торжеств», причем для всех христиан. Так восклицал о Пасхе Отец Церкви святой Иоанн из Дамаска (675–749). Он был великим богослужебным поэтом, гимнографом. Поэты редко ошибаются...

В ранней Церкви было несколько принципов исчисления пасхальной даты. Христиане в разных частях мира тогда праздновали Пасху по-разному. В 325 году на Вселенском Соборе в Никее был сформулирован единый принцип празднования Пасхи, который действует и по сей день. В 2025 году исполняется ровно 1700 лет со дня проведения Никейского Собора.

Пасха – это главный христианский праздник. В этом утверждении все христиане мира совпадают. Даты остальных праздников христианского мира (в Православии, Католичестве и Протестантстве) очень часто различаются. Здесь же – мы будем говорить о Православии. После Пасхи в Православии имеется двенадцать самых больших праздников – на языке Церкви они именуются дванадесятьми.

Великий богослов и мыслитель V века известный под именем Дионисий Ареопагит много рассуждал

о церковной жизни и о духовной реальности в категориях небесных иерархий. Пожалуй, если попытаться перевести разговор о главных двенадцати праздниках Православия на язык его текстов, можно было бы назвать их «двенадцатиэтажными торжествами». По крайней мере, так легче запомнить этот принцип и само это название.

«Сотвори, чтобы со входом нашим совершился вход святых Ангелов, с нами служащих и славословящих Твою благодать», – говорится в одной из молитв православной литургии. Богослужение в православном понимании – это радость ангелов. В этом убеждены православные христиане.

Двенадцать – это библейское символическое число. Это число двенадцати колен Израиля, число помощников пророка Моисея, это, наконец, Собрание Апостолов. В этом смысле понятие «двенадцать главных православных праздников» вполне легко запомнить.

Из двенадцати праздников семь посвящены Господу Иисусу и три – Богородице. Это так называемые «господские» праздники и праздники «богородичные». Два праздника из двенадцати, Благовещение и Сретение, посвящены Марии и Иисусу в равной степени.

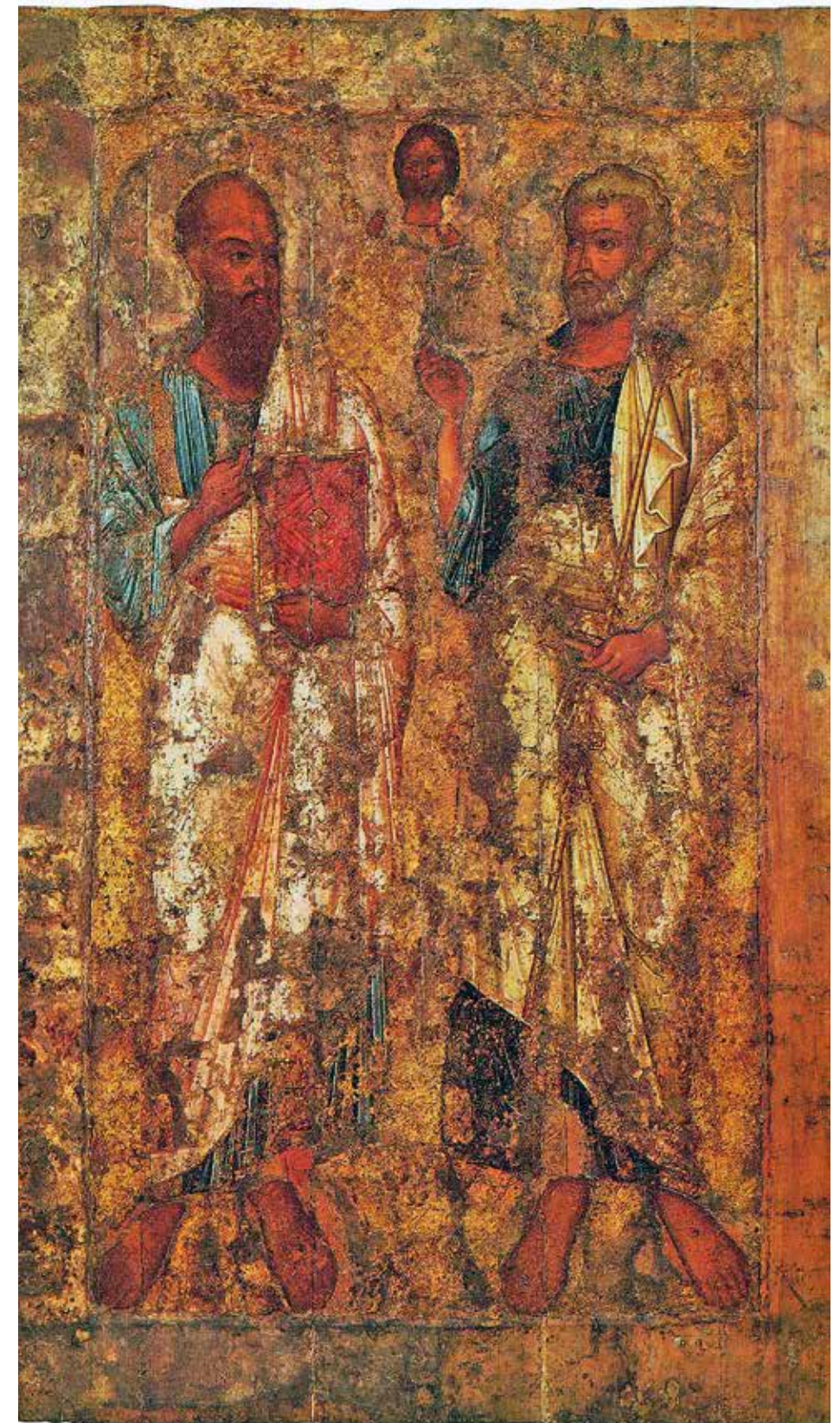
После двенадцати главных праздников следует четыре праздника, которые в Православии также именуются великими. Два из них

посвящены Иоанну Крестителю, один – Апостолам Петру и Павлу, и еще один – Обрезанию Иисуса, согласно обычаям израильского народа в Библии.

В Русской Церкви, Православных Церквях, связанных с ней общностью происхождения и традиций, к этим четырем праздникам добавляется пятый. Это Праздник Покрова Божией Матери.

Не забудем и о том, что каждый воскресный день в Православной Церкви – это тоже большой праздник. Его по традиции принято называть «Малой Пасхой». Такое название, возможно, связано с тем, что в древности, до Собора в Никее, некоторые христианские Церкви праздновали Пасху не единожды в год, но каждую неделю. Воскресенье – это первый день недели. Таким образом древние христиане праздновали Пасху каждую неделю, потому что были убеждены, что Иисус вернется слишком скоро и они просто не успеют дождаться следующего года, чтобы отпраздновать Пасху Великую снова.

Древние христиане могли причащаться каждый день, но евхаристическую литургию совершали раз в неделю. Таким образом, всякий раз Евхаристия – это была Малая Пасха и Праздник Воскресения Господа. Как тут не вспомнить писателя Вальтера Бенямина (1892–1940), сказавшего: «Никогда не закрывай дверь полностью, ибо через нее может войти Мессия». Пожалуй, мало кто помнит, что этот значимый еврейский философ переводил на немецкий великого православного отца



Апостолы Петр и Павел. Икона из Софийского собора Великого Новгорода. XI век



Икона праздника Происхождения (Изнесения) честных древ Животворящего Креста Господня

и мистика Симеона Нового Бого- слова (949–1022)!

Раз уж мы упомянули иудейскую мысль и традицию, скажем и о том, что в Православной Церкви каждая суббота – это тоже праздник. Вопреки общепринятому мнению, будто бы в христианстве воскрес- ный день полностью вытеснил или заменил субботу, суббота вовсе не утратила своего значения. Бого- служение субботнего дня в Право- славии отличается от повседневного, а некоторые субботы в течение года специально посвящены сугу- бой молитве об усопших. Это так называемые вселенские родитель- ские субботы поминовения, анало- гичные тому дню, 2 ноября, когда в Католической Церкви в празд- ник Всех Душ поминаются усоп- шие. «День Поминовения» – так назвал свой грустный, исполнен- ный трогательной безысходности роман наш современник, нидер- ландский писатель Сейс Нотебоом (род. 1933).

Как жаль, что богословие стало просто академической наукой. Из- за этого его важнейшей и самой интересной части – размышлению в сожалении – пришлось «пересе- литься» в литературное творчество. Грандиозным примером тому – рус- ская художественная литература! Но вернемся к литургике...

Пасха, двенадцать самых глав- ных праздников, четыре или пять великих праздников, каждое вос- кресенье и каждая суббота – все это праздничные дни в Правосла- вии. Есть ли еще другие праздники? Да, есть, и их много. Как бы пара- доксально это ни звучало.

Ведь каждый день в течение года совершается празднование в честь того или иного святого. Почти каждый день таких свя- тых, память которых празднует- ся, довольно много. Ежедневно имеется и празднование в честь той или иной иконы Богородицы, или иконы Спасителя. Наконец,

каждый день, когда совершает- ся Евхаристия, для Православия это праздник. Поэтому в будние дни Великого Поста, в отличие от Католичества, в Православной Церкви евхаристическая литур- гия не совершается. Ведь Великий Пост – это не торжество, но вре- мя покаяния.

Добавим к этому и исторические воспоминания в благодарность об освящении наиболее великих церквей исторического христиан- ства или в славословие Богу за из- бавление от тех или иных бедствий и несчастий. Например, праздников благодарения за избавление Кон- стантинополя от вражеских наше- ствий и стихийных бедствий очень много в русском православии.

Таково, к примеру, историческое происхождение Праздника Покро- ва, который сохранился именно в русской, а не греческой тради- ции, в которой вроде бы появился изначально.

Некоторые святые должны особенно торжественно вспоми- наться согласно литургическо- му уставу. То же самое относится и к историческим воспоминаниям благодарности. Некоторые по не- понятным причинам оказались за- быты. Другие же, наоборот, вопре- ки календарной незначительности, празднуются торжественно.

Сочетание великого и малого, предписываемого и забытого, пра- вил и спонтанности, народного благочестия и догматики придает православному календарю потря- сающую харизматическую спонтан- ность. Действительно, создается впечатление, что у православных каждый день – праздник.

Каковы же главные праздники ав- густа? Таких августовских торжеств четыре. Это Происхождение Свя- того Креста, Преображение, Успе- ние и Нерукотворный Образ Спа- сителя. Один из них – Успение – это Праздник Богородицы. Остальные три относятся к Иисусу Христу.

Происхождение Честных Древ Животворящего Креста Господня

Изнесение Святого Креста – это один из «константинопольских праздников» Русской Церкви. Так мы называем литургические воспо- минания, которые обязаны своим происхождением историческим событиям в городе Константино- поле. Древняя Русь приняла креще- ние от Константинопольской Церкви. В 1439 году на одном из значимых Соборов Церковь Константинополя восстановила свое единство с Римской Церковью. Это событие вошло в историю под именем Ферраро-Флорентийской Унии между православными и католиками.

По воле Московского великого князя Василия Второго (1625–1652) Русская Церковь не призна- ла этого и отделилась. Но до этого момента она была «всего лишь» огромной митрополией Констан- тинополя. Потому константино- польские церковные праздники были зафиксированы в русском богослужебном календаре. Исто- рики до сих пор спорят о том, праздновались ли все они в самом Константинополе. Но Русская Церковь была послушной доче- рью своей Церкви-Матери, а по- тому их праздновала. Большинство из них осталось и поныне. Каждый из этих праздников представляет собой драгоценную жемчужину исторических сведений и духов- ной жизни из глубокой древности. Примечательно, что именно Рус- ская Церковь празднует события и «торжествует смыслом», о ко- торых забыли сами некогда учре- дившие их православные греки. На церковном языке этот праздник Креста также именуется Проис- хождением Честных Древ.

Праздник Изнесения не входит в число двенадесятых или вели- ких праздников. Но у него есть



Андрей Иванов. «Преображение Господне». 1807

предпразднество, которое, впрочем, длится всего один день. Выражаясь языком писателя Андрея Платонова, у этого праздника есть маленький брат. Это 19 марта, когда Церковь вспоминает, как в 326 году в Иерусалиме императрица Елена обрела Святой Крест, на котором был некогда распят Сам Иисус Господь. С того времени части того исторического Креста были разнесены по всему миру. Одна из них хранилась в Константинополе.

Вторая половина лета была в византийской столице временем эпидемий. Для защиты от всего вредоносного Святой Крест проходил по улицам города. Для верующих было очевидно, что это не они несут Крест в священной процессии, но Крест идет вперед и ведет за собой других. Православное богослужение часто обращается к Кресту Христову, как к личности. Причиной тому не только особенная поэтическая форма литургических обращений,

но и та очевидная истина, что в глубинном догматическом понимании Святой Крест – это одно из имен Господа Иисуса.

Русская Церковь придерживается юлианского календаря в богослужении. Поэтому первый день августа, когда в Константинополе совершалось Изнесение Святого Креста, приходится в ней на 14 день месяца. В этот день также начинается Успенский Пост. Наконец, в прошлом именно этот день считался исторической датой начала Крещения Руси. В наши дни Крещение Руси символически празднуется в день памяти равноапостольного князя Владимира 28 июля.

В подлинное напоминание об этом прежнем значении Праздника в церквях в этот день положено совершать освящение воды. Также совершается благословение нового урожая меда. Поэтому в народном благочестии Праздник Святого Креста носит удивительное название Медовый Спас.

Преображение Господне

Если праздник Изнесения Честных Древ обязан своим происхождением истории города Константинополя, то Преображение Господне имеет своим основанием новозаветную библейскую историю. Это событие из земной жизни Иисуса Христа, а потому как праздник Церкви относится к числу двенадцатых величайших православных праздников.

Подобно тому, как у Происхождения есть «праздник-брат» в марте, когда Церковь вспоминает обретение Креста императрицей Еленой в Иерусалиме, Преображение напрямую соотносится с Воздвижением Креста Господня. Это исключительный случай, потому что событие из земной жизни Господа Иисуса, Преображение, и два исторических эпизода из истории христианства, а именно торжественное водружение исторического Креста Господа при Константине Великом, а затем возвращение Креста в Иерусалим

из персидского плена при Ираклии в IV и VII веке соответственно располагаются в единой смысловой литургической связке. Напомним, этим двум событиям посвящен единый Праздник Воздвижения.

Преображение празднуется 19 августа. Согласно Евангелию, Господь Иисус взшел на Гору с апостолами Петром, Иаковом и Иоанном, и преобразился пред ними. Ему беседовали пророки Моисей и Илия. Глас Бога и Отца засвидетельствовал, что на Иисусе почиает Благоволение. Последующее раскрытие искупительной тайны показало, что Благоволение Бога к людям – это также Сам Иисус. Событие Преображения описано в Евангелии от Матфея, Марка и Луки (Мф. 17:1–6; Мк. 9:1–8; Лк. 9:28–36), а также в Соборном Послании Петра (2 Пет. 1:17–18).

В земной жизни Христа были явления славы. Это и хождение по водам, исцеления и чудеса и, конечно, воскрешение мертвых. Однако Сам Он при этом был как бы не совсем замечен. «Я кроток и смирен сердцем», – говорит Иисус в Евангелии о Себе (Мф. 11:29). Посланный Отцом, Иисус делом являл великое творческое искусство Бога, при котором Он создал этот мир таким образом, что сам мир существует настолько самостоятельно, что как бы и не нуждается в Нем, Своем Творце! «Мой негордый Бог!» – восклицал в своих мистических размышлениях Симеон Новый Богослов.

Священное Писание и Вера Церкви свидетельствуют о том, что Сын Божий, ставший человеком во Иисусе Христе, полностью, окончательно и бесповоротно являет Бога Отца. Дух Святой таким же точно образом и в такой же окончательной и бесповоротной полноте являет Сына Божия. В этом одно из главных догматических значений Сошествия Духа Святого на Апостолов. Таково христианское понимание божественного бытия

в тайне Святой Троицы. «Бог любит Троицу», – говорит пословица. При кажущейся безобидной звонкости содержание ее не только нелепо, но и грешно. Ведь Троица – это не об арифметике и не про число. «Крестите все народы во имя Отца и Сына и Святого Духа» – такова последняя заповедь Воскресшего Господа (Мф. 28:19). Вера в Святую Троицу содержится в Писании, формулируется, за твердость исповедания этой истины пролили свою кровь мириады мучеников.

Исключительность Преображения заключается в явлении славы Бога, которая была направлена на Его Сына. По свидетельству Евангелия, Иисусу «явился Илия с Моисеем, они беседовали с Ним» (Мк. 7:4). «От великолепной славы принеся Ему такой глас: сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение», – пишет Петр в своем Послании (2 Пет. 1:17). Свидетелями этого стали Апостолы. Повидимому, пережитое во время Преображения было вскоре забыто ими в превратностях приближавшегося ко Иисусу предательства и распятия, но после Воскресения было осознано со всей полнотой, более того, оно было пережито по-новому. Богословие Церкви называет это пасхальным прочтением жизни Господа.

Действительно, заключительные слова повествования в Евангелии свидетельствуют о том, что Преображение непосредственно связано с Крестом Христовым. Тогда Господь явил Свою славу, после чего возвестил Апостолам о предстоящем Ему Страдании. «И когда сходили они с горы, Иисус запретил им, говоря: никому не сказывайте о сем видении, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых. Ибо Сын Человеческий пострадает» (ср. Мф. 17:9. 12). Поэтому именно на сороковой день после Преображения празднуется Воздвижение Креста.

Если на Праздник Изнесения Святого Креста освящается новый

мед, то на Преображение благославляются яблоки. В зависимости от климата и географического расположения прихода в наше время к яблокам добавляются виноград, арбузы и иные фрукты. По мере продовольственной глобализации, диапазон благословения фруктов расширяется и это удивительный пример православной миссионерской инкультурации.

В церковной среде на тему «преображенных яблок» существует немало народных толкований, пословиц и даже просто шуток. Все это свидетельствует о том, насколько важную роль церковные традиции, даже такие простые, как библейское посвящение Богу нового урожая, играют в формировании культур и целых цивилизаций.

Хотя Преображение приходится на время Успенского Поста, отказ от вкушения яблок до наступления праздника к постным правилам о пище не имеет никакого отношения. Все первое и важное посвящается Единому Богу, и традиция преображенных яблок, пожалуй, самым безобидным и ненавязчивым образом напоминает об этом.

В народном благочестии праздник Преображения именуется Яблочным Спасом. Пожалуй, преподавание Закона Божия подрастающему поколению нужно хотя бы для того, чтобы не перепутать, что же было раньше, яблочные технологии или все же праздники. Об этом, правда, пользуясь другими примерами, писал наш великий современник Умберто Эко (1932–2016).

В завершение этого небольшого размышления вспомним, что в богослужбном календаре, как в Православии, так и в западном христианстве, август – это последний месяц года. Время Церкви начинается с осени. Благодаря праздникам дни августа преобразуются, становясь ключами к осенней грусти, ностальгии по времени, литургии и новозаветной святости.

БЫЛЬ, ПРЕВРАЩЕННАЯ В СКАЗКУ

По страницам книги Алисы Даншоу «Истории из пропавшего чемодана. Мифы Лазурного Берега / Культурологические эссе» (М.: У Никитских ворот, 2025. 304 с.)

АЛЕКСАНДР СЕНКЕВИЧ

Кто только из писателей и журналистов не писал о солнечном и благодатном юго-восточном Средиземноморском побережье Франции, протянувшемся от Марселя до границы с Италией. Для многих это место светоносное и целебное. Потому-то и названо Лазурным Берегом. Отправной точкой для появления культа этого поражающего красотой края Франции стал вышедший в свет в 1887 году роман «Лазурный Берег» Стефана Льежара, ныне почти забытого французского прозаика и поэта.

Вскоре эту часть суши у Средиземного моря прославят другие западные писатели. Самыми популярными станут романы «Ночь нежна» Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, «Здравствуй, грусть» Франсуази Саган и «Райский сад» Эрнеста Хемингуэя.

Новая книга об одной из топов достопримечательностей мира, изданная в этом году под загадочным названием «Истории из пропавшего чемодана. Мифы Лазурного Берега», принадлежит перу Алисы Даншоу и представляет собой сочетание научно-познавательного

и художественного повествования. Соприкосновение двух жанров привело к ошеломляющему результату. Начав читать книгу, оторваться от нее невозможно.

Подобное магнетическое воздействие на читателя объяснил ученый и писатель Василий Зубакин:

«Жанр этой книги – неуловимый, почти небывалый. Это и интеллектуальный, культурологический травелог и теплая одухотворенная история с географией, и цикл эссе о приметах и гениях места... Поэтому я отношусь к новой книге Алисы Даншоу как к лекарственному средству для повышения иммунитета и панацее от плохого настроения. Книга наполнена большими дозами солнца, моря, красоты; личные истории переплетены с историей Лазурного Берега; множество персонажей – от продавца цветов на рынке в Ницце до Александра II, от Герцена до Кокто, от Гарибальди до Сомерсета Моэма... Прочтение залпом может привести к острому желанию бросить все и немедленно улететь на Лазурный Берег».

Поначалу возникает предположение, что эта книга с детективной подоплекой. Эту мысль подтверждает пропажа чемодана, до отказа набитого модной одеждой. Именно с этого неприятного события начинается повествование Алисы Даншоу. Когда-то в далекие времена она сопровождала мужа на важный научный

симпозиум, проходивший в Монако. В аэропорту Брюсселя они пересели на другой самолет. По прилете на Лазурный Берег выяснилось, что у них пропал чемодан...

Я подумал, что эта пропажа не случайна и предваряет закрученный детективный сюжет. Прочитав первую историю «Рождение мифа», понял, что «пропавший чемодан» – развернутая метафора.

**«Чтобы победить время,
не стойте на месте!»**

В «Истории первой» Алиса Даншоу рассказывает, как и благодаря чему и кому обрели известность и славу триста километров изрезанного побережья Средиземного моря. Оказывается, Лазурный Берег на эту непомерную высоту вознесли мифы и легенды. Алиса Даншоу страница за страницей ведет читателя, как опытный проводник, сквозь дебри истории, сдобривая свое повествование разнообразными мифами. Она знакомит его не только с историческими достопримечательностями, существующими мифологемами, а проще говоря – рассказами, но и с выдающимися людьми. С теми личностями, которые жили на Лазурном Берегу в разное время и деяния которых не забыты по сей день. Что касается истории, она у нее также необычная – мифологизированная. И, как убежден автор, «у всех уважающих себя мифов ноги растут из Древней Греции и Рима».

Алиса Даншоу обращает внимание на то, что этот край сначала пришелся по душе грекам. Она выделяет одно важное обстоятельство, заставившее греков смотреть дальше своего носа: «У них было всего так много, что продажа излишков являлась острой необходимостью. Для реализации товаров они прокладывали торговые пути

и обустроивали торговые центры по всем соседним с Грецией побережьям. Так на Средиземноморье появилась мощная колония Массалия (теперешний Марсель) и поселения поменьше – Антиполис (Антиб), Никея (Ницца) и прочие в местных удобных гаванях. Им хотелось не только плавать по морям, но свободно перемещаться по оторванной от родины земле».

Однако греки не учли главной опасности – лигурийцев, кельтов и прочих племен, которые нападали на торговые караваны чужестранцев, проходившие неподалеку от их поселений.

Как бы то ни было, грекам удалось не по силам выполнить то, что они задумали и на что надеялись. Тогда они обратились за помощью к Риму, который смог бы без особых усилий утихомирить племена лигурийцев, кельтов и прочих дикарей. Римляне тут же согласились, прозорливо усмотрев для себя огромную выгоду в будущем. Закрепившись на территории этих племен, они призвали к порядку охочих до чужого добра варваров. Конечный результат римской помощи был ошеломляющим.

Обращусь снова к тексту книги Алисы Даншоу: «Я не устаю восхищаться римлянами и их основательным подходом к решению поставленных целей и задач; особенно мне импонирует их любовь к строительству. Не успели греки с варварами и глазом моргнуть, как прямая дорога прошла мимо них, соединив Рим с его владениями в Испании. Вдоль же дороги появились типовые города, защищенные высокими стенами, а уж потом все остальное.

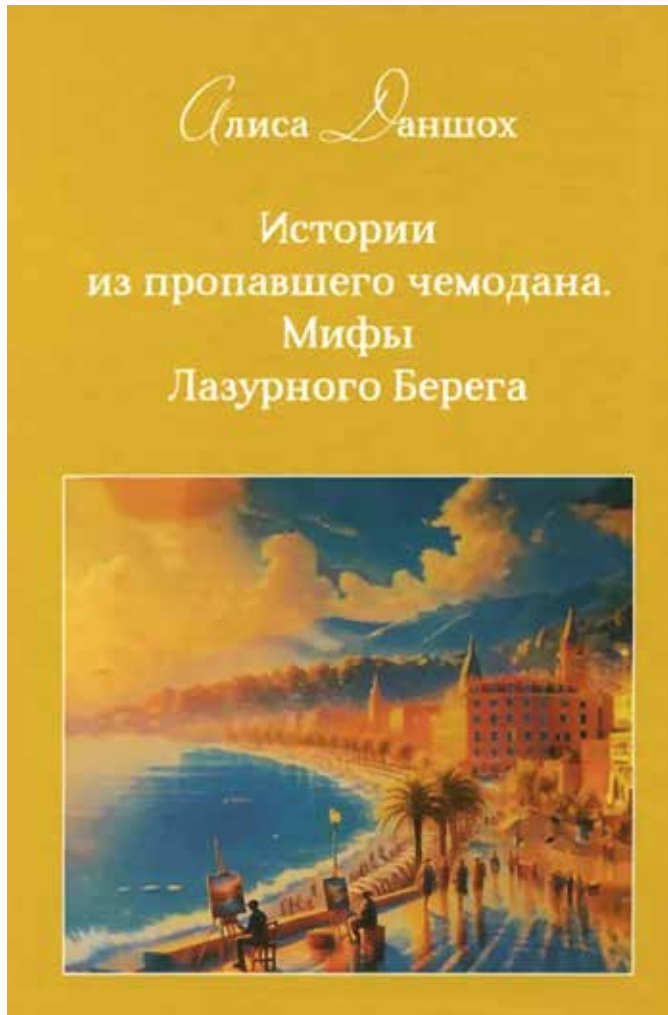
На Лазурном Берегу лучше всего сохранились два римских градостроительных объекта – Симье и Фрежюс. Их развалины у каждого путешественника вызывают благоговение. И сегодня по архитектурным останкам легко прочитывается разумность римского городского

обустройства: амфитеатр, арена, цирк – для развлечений и собраний; гимназия – для воспитания достойных граждан; пантеон – для укрепления веры; акведук и бани – для всех, а также жилье, публичный дом, мостовые для проезда колесниц и пр.».

Алиса Даншоу обладала замечательными свойствами ума и души, ставшими редкими, к сожалению, в наше прагматическое время. На эту особенность ее личности обратила внимание Виктория Пешкова, автор «Предисловия» к книге: «Есть люди, обладающие редким даром согревать не только близких, но и дальних, то есть всех, кто оказывается в поле их притяжения, и делать светлее самые заунывные, а порой и совершенно мрачные будни. “Носители атома солнца” – так называл их Олег Павлович Табаков. И Алиса Даншоу – безусловно из их числа... И мы, измученные бесконечным стрессом, обращаемся к тем, кто способен поделиться позитивом, убедить нас в том, что в жизни, при всей ее противоречивости, есть и светлые стороны, и научиться радоваться любому, самому скромному ее подарку».

Девиз осмысленной и одухотворенной жизни был сформулирован Алисой Даншоу в беседе с журналистами Натальей Дрониной и Владимиром Куприяновым: «Чтобы победить время, не стойте на месте!»

Вернусь к исходной точке книги Алисы Даншоу. Носильные вещи из пропавшего чемодана соответствовали месту и уровню международной встречи. Понятно, что подобные мероприятия не ограничиваются только выступлениями его участников и словесной перепалкой между ними. Так было и в этот раз. Его устроители включили в программу следующие далекие от обсуждаемых проблем мероприятия: торжественный ужин по случаю окончания работы симпозиума и вечернее посещение казино в Монте-Карло.





Ницца. Лазурный Берег

Вот что по этому поводу сообщает читателям Алиса Даншох: «Будучи преданной поклонницей Джеймса Бонда, я неоднократно виртуально находилась рядом с суперагентом при произнесении крупье знаменитой фразы: “Делайте ваши ставки, господа!” И, конечно, я знала, как важно, чтобы внешний облик присутствующих соответствовал этим словам. Именно поэтому самое нарядное летнее платье оказалось в новом чемодане, вылетевшем из Шереметьево с биркой “Москва – Ницца”. Рядом с платьем соседствовали и другие вещи, необходимые для комфортного времяпрепровождения на престижном курорте. Очень хорош был только что купленный смокинг моего мужа для выхода в вечерний свет. Мы прекрасно могли бы в них смотреться, если бы они долетели до Ниццы».

И все-таки права была Марина Цветаева, считавшая, что «самое ценное в жизни и стихах – то, что сорвалось». Бытовые неприятности в жизни творческих людей, если говорить прямо и откровенно, пробуждают воображение, стимулируют фантазию. Пусть редко, но все-таки случается, что присутствующая в этих людях божья искра разгорается в мощное пламя.

Алиса Даншох мудрый оксюморон Цветаевой, как я предполагаю, приняла не сразу, а по прошествии какого-то времени. Именно тогда и появилась ее книга о пропавшем чемодане и мифах Лазурного Берега. Она состоит из восемнадцати глав-историй. Цифра восемнадцать не случайна, она ненавязчиво намекает на эзотерический характер всего повествования.

Согласно нумерологии, люди, опекаемые сакральным числом восемнадцать, богаты и обладают лидерскими способностями. Они смелы и решительны в действиях, к тому же амбициозны и добиваются поставленной цели, несмотря ни на что. Им присуще осмысленное и углубленное понимание жизни. Те, кто охраняем этим сакральным числом, всегда принимают разумные решения. Обладая сильной энергией, они не забывают заботиться и о других людях. В общем, живут в гармонии и согласии с окружающим миром и его обитателями.

«Миф — это ложь, которая становится правдой»

Первая глава-история книги – «Рождение мифа». Тут будет

к месту вспомнить высказывание французского писателя, художника и кинорежиссера Жана Кокто: «История – это правда, которая становится ложью. Миф – это ложь, которая становится правдой».

Не меньший интерес вызывает умозаключение Максима Горького: «Когда природа лишила человека его способности ходить на четвереньках, она дала ему, в виде посоха, – идеал! И с той поры он бессознательно, инстинктивно стремится к лучшему – все выше!»

Алиса Даншох цитирует фразу из очерка Александра Куприна «Лазурные Берега»: «Все лжет на Лазурном побережье. Одни римские развалины не лгут». И тут же она добавляет, что, кроме развалин, римляне и греки оставили потомкам. Оказывается, много нужного и полезного, особенно для здоровья человека и его комфортного образа жизни. Так, римляне построили акведуки и дороги, а по всему Лазурному Берегу высадили тысячи хвойных деревьев, в основном зонтичные пинии. Как отмечает Алиса Даншох, «во времена великих римских императоров они подкармливали солдат лакомыми зернышками своих плодов». Греки предпочитали зонтичным пиниям смоковницу обыкновенную, а говоря проще – инжирное дерево.

Читатель узнает из книги много любопытного о кулинарных изысках того времени, некоторые из них дошли и до наших дней. Например, приправа «гарум», которой «улучшали вкус всех блюд римской кухни, включая гусиный паштет и десерты». Для человека со стороны будет шоком узнать из чего готовится эта приправа. Обращусь опять к тексту книги Алисы Даншох: «Гарум – это не что иное, как продукт разложения внутренностей жирных пород морских рыб».

К другой кулинарной достопримечательности относится рыбный

суп «буйабес» – король местной кухни. На его приготовление идет около десятка наименований свежей рыбы и морепродуктов. В самом крутом буйабесе присутствует «морской скорпион» – ярко-красная рыба с выпученными глазами и длинными колючками в спинном плавнике.

По поводу «буйабеса» Алиса Даншох опять цитирует писателя Александра Куприна: «А “буйабес” – самое зверское кушанье, которое только существует на свете. Оно состоит из рыбы, лангуст, красного перца, уксуса, помидоров, прованского масла и всякой дряни, от которой себя чувствуешь, точно тебе вставили в рот динамитный патрон и подожгли его».

При нескрываемой антипатии к этому кушанью Алиса Даншох проявила глубокие познания в истории Франции. Она перенесла читателя в 1834 год и рассказала любопытную историю о том, как благодаря английскому лорду-казначей Генри Броухему и «буйабесу» возник во Франции город Канны.

Лорд-казначей направлялся по служебным делам в Италию, но, не доехав до Ниццы, был остановлен местными властями из-за эпидемии холеры. Обращусь к тексту книги: «Лорд Броухем в уныние не впал. Он вспомнил, как накануне в рыбацкой деревушке Канны на берегу живописной бухты его накормили рыбным супчиком и напоили местным вином. Лорду то и другое понравилось до такой степени, что он задержался в Каннах не на два месяца карантина, а на тридцать четыре года».

Этот райский уголок пришелся ему по душе. Именно с его появления и началась мифологизация и даже сакрализация Лазурного Берега. Но любым фантастическим событиям, как известно, предшествуют события сугубо земные.

Алиса Даншох описывает эти события в их хронологической последовательности: «На дороге из Канн во Фрежюс лорд Броухем построил себе виллу, похожую на дворец, назвал ее “Элеонора-Луиза” в честь дочери и превратил в зимнюю резиденцию, где проживал до самой смерти. Представители высшего лондонского общества с удовольствием навещали лорда зимой. Им нравилось гостевать у солнечного моря, и многие из них, последовав примеру Генри Броухема, обзавелись собственностью, а вернее, отстроились в предместье бедной рыбацкой деревушки. Сегодня аристократическое британское поселение – самый престижный район города Канны».

Как отмечает Алиса Даншох, «через два года после смерти имени того англичанина местные власти решили отблагодарить создателя каннского мифа и поставили любителю буйабеса пусть скромный, но все же памятник».

После падения Рима закончилась эпоха спокойствия. Началась неразбериха, вызванная сменой властей. Разбойников, пиратов, авантюристов, завоевателей сменяли генуэзцы, пьемонтцы, испанцы, сарацины, французы, папские войска. Самыми жестокими были сарацины. Они творили чудовищные злодеяния. Вот что о них пишет Алиса Даншох: «На протяжении столетия они терроризировали весь юго-восточный берег, внезапно нападая на жителей с моря. Сопrotивлявшихся людей убивали с особой жестокостью, остальных грабили и угоняли в рабство. Особая охота шла за красивыми женщинами, которыми они торговали на невольничьих рынках».

Это смутное время отразилось в легенде об отважной Екатерине Сегюран. Автор переносит нас в 1543 год, когда войска французского короля Франциска при турецкой поддержке осадили Ниццу. Им

удалось основательно пограбить деревню вокруг города, но в итоге они потерпели фиаско, когда столкнулись с сопротивлением местного населения. На помощь мужчинам пришли женщины, вооружившись предметами домашнего обихода. В руках Сегюран был валик для стирки белья из прочного оливкового дерева. Он оказался для врагов страшней граненой булавы из бронзы. Как гласит предание, именно этим валиком она сбила с ног вражеского знаменосца и окончательно его прикончила, навалившись на поверженного врага и перекрыв ему доступ воздуха своей чрезвычайно пышной грудью.

Очевидно, что подвиг Екатерины Сегюран достоин того, чтобы быть воплощенным в пластической форме. Спустя столетия, а точнее 25 ноября 1923 года, в день святой Екатерины, это долгожданное событие произошло. Деньги на памятник собирали всем миром. В итоге на стене полуразрушенного замка появился в Ницце мраморный барельеф с изображением этой отважной женщины.

Алиса Даншох была разочарована этим мемориалом: «Авторы барельефа неудачно скопировали образ “Свободы на баррикадах” художника Делакура. Им не только не удалось передать пафос момента, но они вдобавок лицемерно прикрыли обнаженную грудь героини, а сама она выглядит слишком мелкой и ординарной».

Чехарда гнусных преступлений в отношении местного населения Лазурного Берега, вызываемая сменой властей, закончилась в 1860 году, когда Савойский королевский дом уступил Ниццу Франции, а Наполеон III провел референдум на права владения Лазурным Берегом и выиграл его.

Событие, кардинально изменившее отношение в мире к Ницце, произошло в шестидесятые годы XVIII века и персонифицировалось



Здание казино в Монте-Карло

в образе появившегося в ней шотландца Тобиаса Джорджа Смоллетта, английского писателя и врача. Напомню названия его трех известных в России и переведенных на русский язык романов: «Приключения Родрика Рэндона»; «Приключения Перигрина Пикля»; «Путешествие Хамфри Клинкера». Еще добавлю, что в его честь названа одна из центральных улиц Ниццы.

Алиса Даншох приводит причину появления 42-летнего Смоллетта в Ницце весной 1763 года: легочный недуг. Тогда Лазурный Берег еще не рассматривался как известная здравница. Ежедневные купания в холодных водах залива незнакомому иностранца вызывали у гуляющих по берегу людей шок.

Пловца посчитали сумасшедшим, которого необходимо изолировать в психиатрической лечебнице. Такого же мнения придерживались и местные врачи, полагая, что подобные водные процедуры приведут самонадеянного шотландца к печальному исходу.

Смоллетт между тем не унывал и в письмах из Ниццы друзьям и знакомым, расхваливая на все лады Ниццу и ее окрестности, сообщал, что с каждым новым днем чувствует себя все лучше и лучше. О своей практике лечебного закаливания он пишет книгу и издает ее в 1766 году под названием «Путевые заметки о путешествии по Франции и Италии». Для описания целительного воздуха Ниццы и доказательств его эффективности

в лечении многих заболеваний Смоллетт не пожалел красок и аргументов. Нет ничего удивительного, что Смоллетт, как справедливо отмечает Алиса Даншох, «своими морскими купальными экзерсисами и их описаниями заложил первый камень в строительство курортной Ниццы, ставшей в XIX веке одной из европейских здравниц. После многовекового перерыва бальнеотерапия вновь вошла в моду».

Но вернемся к литературным классикам, более приближенным к нам по времени, чем Тобиас Смоллетт. Например, к Антону Павловичу Чехову. Вот уж он, в отличие от своего шотландского коллеги, больших восторгов в отношении Ниццы и ее окрестностей не выражал, но некоторую

объективность в своих суждениях о них все-таки проявил. О чем свидетельствуют его письма близким. Вот что он пишет своей сестре Марии Павловне Чеховой в письме от 25 сентября (7 октября) 1897 года: «В Ницце тепло; очаровательное море, пальмы, эвкалипты, но вот беда: кусаются комары, если здешний комар укусит, то потом три дня шишка».

Впрочем, последующее письмо сестре из Ниццы от 29 сентября (11 октября) того же года уже без жалоб: «В Ницце тепло и даже не пахнет осенью».

Достаточно эмоционально письмо Чехова из Ниццы от 29 сентября (13 октября) 1897 года, направленное драматургу, публицисту и журналисту Алексею Сергеевичу

Суворину, его близкому другу. Именно этот человек сделал имя Чехова широко известным.

Привожу отрывок из этого письма: «В Ницце я живу в русском пансионе. Комната довольно просторная, с окнами на юг, с ковром на весь пол, с ложем, как у Клеопатры, с уборной; обильные завтраки и обеды, приготовленные русской поварихой (борщ и пироги), такие же обильные, как в hotel Vendome, и такие же вкусные. Плачу по 11 фр<анков> в день. Здесь тепло; даже по вечерам не бывает похоже на осень. Море ласково, трогательно. *Promenade des Anglais* (Английский бульвар – Прим. ред.) весь оброс зеленью и сияет на солнце: я по утрам сижу в тени и читаю газету. Много гуляю».

Из «Истории первой» читатель узнает, что такая расслабленная жизнь на природе, приводит не только к эйфории, когда солнечные зайчики и золотистые блики перед вами вальс танцуют, но и неожиданной смерти. Обычно ее причиной называют несчастным случаем.

В Средиземном море утонул в 1822 году, не дожив до тридцатилетия, Перси Биш Шелли, приехавший на Итальянскую Ривьеру вместе со своим другом Джорджем Гордоном Байроном. Да и Байрон совсем ненадолго пережил своего друга. Он умер от малярии, приехав в Грецию сражаться за свободу братского народа против турецкого ига.

В этих же водах утонул всемирно известный французский архитектор Ле Корбюзье. Как сообщает Алиса Даншох, «у него был небольшой и очень оригинальный домик в местечке Рокебрюн по соседству с Монако, и он совершал ежедневные длительные заплывы». Всего ведь не предвидеть. Особенно когда то, что по душе, входит в привычку. Тогда и море по колено.

Автор книги не обходит вниманием и нелепый памятник в аэропорту Ниццы. Перед зрителями предстает странная фигура, слепленная «из огромных кусков-блоков невыразительного серогрязного не то камня, не то бетона, опутанная колючей проволокой». Алиса Даншох предлагает заменить эту бездарную импровизацию невесть кого памятником поэту и прозаiku Стефану Льежару. А пока суть да дело в аэропорту Ниццы рядом со страшною нагромождением непонятно чего поставить указатель: «Добро пожаловать в страну Мифландии “Лазурный Берег”!»

«История вторая» посвящена княжеству Монако. Самой маленькой и наиболее густонаселенной стране в мире. Это опереточное и условное государство, по словам Алисы Даншох, «как бы государство, как бы престиж, как бы бизнес, как бы развлечения с удовольствиями, как бы красивая жизнь... Здесь одно шоу сменяет другое: “Формула-1”, ярмарка яхт, спортивные турниры, благотворительные балы и обеды, научные и экономические конгрессы, дорогостоящие свадьбы, юбилеи и вечеринки, собирающие разного рода и возраста тусовки. Здесь все поневоле участвуют в ярмарке тщеславия, гламура и призрачного благополучия, в основе которого частенько лежат сомнительные махинации».

Читатель узнает много интересного об истории этого крошечного государства и его князей, о принцессе Грейс и Роджере Муре, игравшем Джеймса Бонда.

«История вторая» заканчивается на грустной ноте: «Такая скука в этом мифическом раю, где обитают с детьми забытые жены отечественных удачливых бизнесменов и ими же брошенные любовницы! Зато безопасно и удобно добираться до золотого миража Лазурного Берега».

«И ВСЕ СВЯЩЕННОЕ ОБЪЕМЛЕТ ТИШИНА...»

К 160-летию со дня рождения Дмитрия Мережковского

АЛЕКСАНДР БАЛТИН



Дмитрий Мережковский. Около 1890—1900

Дмитрий Мережковский... Писатель, поэт, переводчик, литературный критик, один из основателей русского символизма. Он писал о литературе с той тонкостью, которая свидетельствовала: именно литература была его подлинной отчизной... Рассматриваются Гоголь, Гончаров, Ибсен — в каждом он

высвечивает, словно лучом мысли, самую метафизическую сердцевину, не отступая от оной ни на шаг.

И вились стихи:

Устремляя наши очи
На бледнеющий восток,
Дети скорби, дети ночи,
Ждем, придет ли наш пророк.

Мы неведомое чуем,
И, с надеждою в сердцах,
Умирая, мы тоскуем
О несозданных мирах.
Дерзновенны наши речи,
Но на смерть осуждены
Слишком ранние предтечи
Слишком медленной весны.
Погребенных воскресенье
И среди глубокой тьмы
Петуха ночное пенье,
Холод утра — это мы.
Мы — над бездною ступени,
Дети мрака, солнце ждем:
Свет увидим — и, как тени,
Мы в лучах его умрем.

Мистика символизма проступает муаровыми разводами. Неведомое вовлекает в бездну свою, предлагая совершенно иные интеллектуальные орнаменты — вроде близки, а не рассмотришь, как ни тщишься. Или — видел Мережковский? Видел, используя таинственные окуляры дара?

На бледном золоте
померкшего заката,
Как древней надписи
причудливый узор,
Рисуеться черта
темно-лиловых гор.
Таинственная даль глубоким
сном объята;
И все, что в небесах, и все,
что на земле,
Ни криком радости,
ни ропотом страданья
Нарушить не дерзнет,
скрываясь во мгле,
Благоговейного и робкого молчанья.

Преобразился мир в какой-то
дивный храм,
Где каждая звезда
затеplилась лампадой,
Туманом голубым струится фимиами,
И горы вознеслись огромной
колоннадой;
И, распростерта ниц, колена
преклонив,
Как будто таинство должно здесь
совершиться,
Природа вечная, как
трепетная жрица,
Возносит к небесам
молитвенный призыв:
«Когда ж, о Господи,
окончится раздор
За каждый клочок земли, за миг
существованья,
Слепых и грубых сил
ожесточенный спор?
Пошли мне ангела любви
и состраданья!..
Не Ты ли создал мир, Владыка
всемогуций,
Взгляни, — он пред Тобой
в отчаянье поник, —
Увы, не прежний мир,
не юноша цветущий,
А дряхлый и больной измученный
старик!..»

Пейзаж — роднее родного, словно осиянный тою же запредельностью, но данный в светлых тонах грустной конкретике:

Далеких стад унылое мычанье,
И близкий шорох свежего листа...
Потом опять — глубокое молчанье...
Родимые, печальные места!
Протяжный гул однообразных сосен,
И белые сыпучие пески...
О бледный май, задумчивый,
как осень!..
В полях — затишье, полное тоски...
И крепкий запах молодой березы,
Травы и хвойных игл, когда порой,
Как робкие, беспомощные слезы,
Струится теплый дождь
во тьме ночной.
Здесь — тише радость
и спокойней горе.

Живешь, как в милом
и безгрешном сне.
И каждый миг, подобно капле в море,
Теряется в бесстрастной тишине.

Жильные, стволовые, адские повороты логичной мысли (о! они могут быть какими угодно), но в стихах мысль декларирована с сухой четкостью: точно бумага стала черна и просыпали по ней дорожку стрептоцидом слов:

Мне самого себя не жаль.
Я принимаю все дары Твои, о, Боже.
Но кажется порой, что
радость и печаль,
И жизнь, и смерть — одно и то же.
Спокойно жить, спокойно умереть —
Моя последняя отрада.
Не стоит ни о чем жалеть,
И ни на что надеяться не надо.
Ни мук, ни наслаждений нет.
Обман — свобода и любовь, и жалость.
В душе — бесцельной жизни след —
Одна тяжелая усталость.

В стихах Мережковского нет ничего избыточного, что хорошо и плохо одновременно: исключается буйство словесной живописи, но и мысль кристаллизуется так ясно, что никакая амбивалентность невозможна.

Для Мережковского характерна попытка осмысления смерти: через ужас, через крик внутренней боли:

Из преисподней вопию
Я, жалом смерти уязвленный:
Росу небесную Твою
Пошли в мой дух ожесточенный.

Люблю я смрад земных утех,
Когда в устах к Тебе моления —
Люблю я зло, люблю я грех,
Люблю я дерзость преступленья.

Мой Враг глумится надо мной:
«Нет Бога: жар молитв бесплоден».
Паду ли ниц перед Тобой,

Он молвит: «Встань и будь
свободен».

Беги ли вновь к Твоей любви, —
Он искушает, горд и злобен:
«Дерзай, познавья плод сорви,
Ты будешь силой мне подобен».

Спаси, спаси меня! Я жду,
Я верю, видишь, верю чуду,
Не замолчу, не отойду
И в дверь Твою стучаться буду.

Во мне горит желаньем кровь,
Во мне таится семя тленья.
О, дай мне чистую любовь,
О, дай мне слезы умиленья.

И окаянного прости,
Очисти душу мне страданьем —
И разум темный просвети
Ты немерцающим сияньем!

О, разумеется, танатология, как была весьма призрачной отраслью знания, так ею и остается; но в той же мере, в какой крылья Таната помавали над стихами символиста, и мера страха превращалась в кванты любопытства, что опять-таки заключалось в изысканно строгие стихи.

Изысканность — всегда строгая дама, и сколь благосклонен ее взор, столь же красивы стихи, а красота была одним из кодов символизма.

Как часто выразить любовь мою хочу,
Но ничего сказать я не умею,
Я только радуюсь, страдаю и молчу:
Как будто стыдно мне —
я говорить не смею.
И в близости ко мне живой
души твоей
Так все таинственно, так все
необычайно, —
Что слишком страшною
божественною тайной
Мне кажется любовь, чтоб
говорить о ней.
В нас чувства лучшие стыдливы
и безмолвны,
И все священное объемлет тишина:
Пока шумят сверху
сверкающие волны,
Безмолвствует морская глубина.



Важно обращение к прошлому, из которого, не давая четких объяснений, что же такое настоящее, и растет грядущее:

*Мы бесконечно одиноки,
Богов покинутых жрецы.
Грядите, новые пророки!
Грядите, веющие певцы,
Еще неведомые миру!
И отдадим мы нашу лиру
Тебе, божественный поэт...
На глас твой первые ответим,
Улыбкой первой твой рассвет,
О, Солнце, будущего, встретим,
И в блеске утреннем твоём,
Тебя приветствуя, умрем!*

Хотя воспоследовавшие певцы едва ли удовлетворили бы поэтическую жажду Мережковского...

Пышно и прекрасно сделанная проза Мережковского словно вводит в миры, давно покрытые пластами времен, как почвой. Порой, кажется, не был ли он, несмотря на поэтические свои достижения, заблудившимся прозаиком?

Как полновесно возвышаются своды исторической трилогии «Христос и Антихрист» с романами «Смерть богов. Юлиан Отступник», «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» и «Антихрист. Петр и Алексей»! Как прописан

Юлиан, отступивший в недра язычества, не понявший истин Распятого Сына Божия. Сок и смак тогдашней жизни, кропотливо восстановленной, пропитывают страницы романа, словно становится домашней для всякого читающего такая древняя явь (и то же верно по отношению к эпохам Леонардо и Петра).

Строгость и точность, характерная для Мережковского-поэта, отражается и в прозе, и в критике. И сложно окончательно определить, кто он в большей степени. Скорее всего творчество его есть сумма сумм, каким и должно, в сущности, быть наследие подлинного писателя.

Юлиан Отступник пламенеет верой в не меньшей степени, нежели современные ему христианские аскеты, но, почитая культ Христа темным, избыточно связанным со смертью, он верит в светлые выси олимпийских богов, разливших в мире столько гармонии, заставлявших работать поэтическую и философскую мысль на повышенных оборотах.

Характерны словесные, переходящие в рукоприкладство, бои всевозможных представителей якобы христианских сект, за которыми – спокойный, в белых одеждах философа наблюдает Юлиан...

Тем не менее Юлиан проиграл. Смерть богов... Не мог он победить – истина была за Христом. Еще малопонятая, но тем не менее...

Античное христианство было особого рода – нам сейчас сложно представить его. Попытка совместить лучшее, что дали старые времена, с новым, столь сложно усваиваемым; и показательно, как запутывают себя в словесах рьяные адепты толкований учения.

Роман восстанавливает время и быт детально: от дворцовых сцен до сцен в трактирах, весь он пронизан, пропитан густою субстанцией жизни: тогдашней, пестрой; иные

словесные пассажи завораживают своей живописностью. То же будет и в романе о Леонардо, и в романе о Петре...

Петр Первый часто ассоциировался с Антихристом: больно бурно вмешался в размеренный византийский лад тогдашней русской жизни, слишком круто взялся все менять, мешая хорошее и дурное, и сам так дико совместивший лучшее и худшее, присущее человеку, что диву даешься...

Жизнь Леонардо – со всем окружением, антуражем, в который она вписана, наполнена светом почти святости... по крайней мере – того тайнознания, которым дышат высшие души. Леонардо для Мережковского – в равной мере символ гармонии и гения; он кажется несколько усталым гением в романе: его мало понимают, плохо слышат... Но сам образ, погруженный как бы в бесконечные варианты миров, поражает величием, которое может стяжать человек...

Трилогия и ныне читается превосходно, стиль Мережковского современен, и многое в его романах перекликается с днем сегодняшним, хоть и относится к далеким временам.

«Вечные спутники: портреты из всемирной литературы»... Этот цикл очерков о писателях разных эпох и стран, помимо острого глаза и безупречного вкуса Мережковского, отличается его искренним восхищением, ибо нельзя же писать о них, вечных, столько значивших, иначе.

В предисловии Мережковский пишет: «Они живут, идут за нами, как будто провожают нас к таинственной цели; они продолжают любить, страдать в наших сердцах как часть нашей собственной души, вечно изменяясь, вечно сохраняя кровную связь с человеческим духом. Для каждого народа они – родные, для каждого времени – современники, и даже более –

предвестники будущего».

Мережковский начинает издавать – пишет о Марке Аврелии и Плинии Младшем – и, будучи мастером проныкиновения в другие эпохи, словно осовременивает их, показывая, сколь современные классики мысли во все времена.

Сервантес, Кальдерон... великие тени и вечно живые писатели. Едет неумоимо ратоборствующий зло Дон Кихот – прекрасный и печальный, смешной и величием исполненный в нелепости своей.

Мережковский показывает, как много значил Флобер, великий мученик фразы, для развития литературы. Создав новый ее тип, определив новаторский характер психологического письма, он опередил, как и положено классика такого масштаба, время.

Русский ряд – разумеется вечный Пушкин. Сверхсерьезный и абсолютно дурашливый, собравший в органичное единство полюса человеческих нравов; здесь шампанское пенится, а там приходится с отвращением читать жизнь свою, из которой ничего не сотрешь, проклинай, не проклинай...

Монументально возникает Достоевский, пророк духа, проводивший такими лабиринтами поколения читателей, что менялись

сердца и души. Но Мережковский видит – это делалось ради света, ради сияния одного.

Гончаров (отчасти будто сам Илья Ильич Обломов) – великолепный автор романов, глубинными пластами показывающих характеры русские, нравы, быт.

Нежный Майков, чьи стихи словно мерцают воздухом поэзии; Тургенев, столь разнообразно показавший нивы и ухабы российской жизни...

Каждого показывая и истолковывая по-своему, Мережковский создает в «Вечных спутниках» не литературоведение, и тем более не критику, но литературу о литературе, тем самым завораживая читателя, как мало кто из писателей умел.



ВСПОМИНАЯ ЮРИЯ ТРИФОНОВА

К 100-летию со дня рождения выдающегося советского писателя, мастера «городской» прозы
Юрия Валентиновича Трифонова



Юрий Трифонов в своем домашнем кабинете

Фото: Юрий Иванов / РИА Новости

Без произведений Юрия Трифонова невозможно представить отечественную литературу второй половины прошлого века. Каждая его работа становилась больше чем литературным событием – повесть и романы Трифонова читались и обсуждались повсеместно.

А за номерами журналов с «Другой жизнью», «Обменом» или «Домом на набережной» в читальных залах записывались в очередь...

Представляем читателям воспоминания знаменитого драматурга Леонида Зорина (1924–2020),

опубликованные в «Литературной газете» в 2015 году.

Шли летним вечером по Москве. Стремительно приближалась

ночь. Распахнутые окна домов одно за другим погружались во мрак – уставшие обитатели комнат готовились отойти ко сну.

Но мы продолжали свою беседу – предмет ее был жизненно важен: мы толковали о литературе.

В ту пору мы оба с ним дебютировали, и наш дебют оказался успешным. Пьеса моя была поставлена в Малом театре, а повесть Юры была напечатана в «Новом мире».

Первые наши произведения были написаны на сходную тему. В те годы не было ничего удивительного: запас впечатлений был невелик – мы написали о том, что знали, героями нашими были студенты.

И пьеса моя, и повесть Юры были благожелательно приняты. В особенности удачно сложилась судьба его повести, ее встретило не только писательское признание, была она к тому же отмечена еще и Государственной премией (в ту пору она называлась Сталинской). Будущее казалось безоблачным, сулившим нам еще много радостей.

Юра обычно был скуп на слова, предпочитал молчать и слушать, но в этот вечер разговорился. Хотелось, видимо, поделиться созревшими в нем соображениями.

– Нашему брату необходимо иметь свой дом, – говорил он уверенно, – свой ли журнал, свой ли театр, где его ждут и где в него верят. Без этого дома ты одинок и чувствуешь себя неприкаянным. Еще важнее – найти свой ключ.

– Что ты имеешь в виду?

– Свой ключ – это понятие разноеобразное. Это свой звук, только тебе присущий, своя интонация, прежде всего – свой личный подход к изложению темы. Если однажды тебе посчастливилось найти свой ключ, ты – в полном порядке. Можно писать рассказ за рассказом. Вот Чехов однажды нашел свой ключ. Ключ гения. И его судьба за несколько лет состоялась.

Я недоверчиво пробормотал:

– Хочешь сказать, что ему повезло?

– В какой-то мере, – заверил Юра.

Я покачал головой и буркнул:

– Гению, знаешь, всегда везет.

Юра сказал:

– Бывает по-всякому. Наверное, есть неизвестные гении. Но главное – все же найти свой ключ.

Однажды, месяца через два, мы встретились с ним в просторном холле на студии документальных фильмов. Мы иногда там подрабатывали, писали тексты к снятым сюжетам. Охотнее и чаще всего – к спортивным. Это занятие казалось нам не слишком достойным, но мы нашли утешение и оправдание – увеличиваем запас своих знаний, а также оттачиваем свой стиль.

Помню, в тот день он был возбужден, выглядел чем-то весьма довольным. Обычно эмоций он не показывал – я понял: нечто произошло.

– Ты знаешь, я написал рассказ, – сказал он, – не хочешь его прочесть? Он маленький, две с половиной страницы.

Присели в полутемном углу, и он достал из портфеля рассказик, который я сразу же проглотил. Его содержание помню я смутно: что-то об эмигранте-испанце, весьма одиноко жившем в Москве. Рассказ был написан и впрямь по-новому: скуп, с предельным лаконизмом и убедительной достоверностью. Несколько тонких и ярких подробностей, как огоньки, освещали сюжет.

– Здорово. И ни на что не похоже, – сказал я. – Очень рад за тебя.

Юра кивнул.

– Ты знаешь, мне кажется, что кое-что для меня прояснилось.

Он был и доволен, и озабочен. Казалось, он думает, как надежнее ему закрепить свое открытие.

То лето мы проводили вместе в тишайшей подмосковной деревне. И лето это было поистине самым мучительным в моей жизни. Однажды после игры в футбол

из горла потоком хлынула кровь. Юра остановил машину, меня погрузили, владелец машины без возражений доставил меня в Первую градскую больницу, и начались долгие изнурительные пять лет борьбы с туберкулезом. По счастью, я был молод, силен, был наделен недурным генокодом, на помощь пришла и спортивная юность – после четырех операций пошел на поправку.

Писательская судьба у Юры сложилась счастливо, много счастливее, чем личная: настоящее счастье к нему пришло только в третьем браке. Он с каждой книгой своей представал все более глубоким писателем, и будущее его обещало стать еще ярче, еще блистательнее.

Все кончилось и рано, и горько: попал в больницу, ему понадобилась заурядная хирургия. После нее он оправился быстро, но вдруг оторвался неожиданно тромб, и в тот же день он ушел из мира, из осиротевшей литературы.

Я жил в Крыму, куда я всегда убегал от суровой московской зимы, к которой я так и не смог привыкнуть – о смерти его узнал с опозданием. Ушел он трагически преждевременно, а все же найти свой ключ он успел.

С тех пор прошло уже много лет, и нынче, когда неотвратимо приходит мой день прощания с миром, все чаще вспоминается мне тот летний, давно миновавший вечер.

Так ясно вижу я, как идут по тихой московской улице два молодых, совсем еще юных литератора. Беседуют о тайнах словесности, которой хотят посвятить свою жизнь. Из настежь распахнутых окон льется редкий и неуверенный свет. Люди готовятся ко сну.

А мы все толкуем о литературе, о будущем, нам принадлежащем, в котором нас ждут одни лишь удачи (какие могут быть сомнения?). Дело за малым – найти свой ключ.

Леонид Зорин
3 февраля 2015 г.

ЯПОНСКИЙ ЛАБИРИНТ

Предлагаем вниманию читателей фрагменты книги известного российского писателя В. Д. Поволяева о Рихарде Зорге, легендарном разведчике XX века, чье имя внесено в список ста мировых знаменитостей, повлиявших на ход мировой истории в прошлом столетии: в значительной степени именно благодаря Зорге удалось отодвинуть японскую военную машину от границ СССР на Дальнем Востоке

ВАЛЕРИЙ ПОВОЛЯЕВ



Рихард Зорге в 1940 году

...Итак, Рихард Зорге, выступавший в Японии как записной немецкий журналист и блестящий пресс-секретарь посольства Третьего рейха, арестован по обвинению в шпионаже

имперскими спецслужбами и оказывается в заключении в токийской тюрьме Сугамо. Возглавляемая Зорге под агентурным псевдонимом Рамзай подпольная группа интернационалистов-

антифашистов – Вукелич, Клаузен, Одзаки, Мияги и другие – разгромлена, но морально не сломлена. Сумеет ли Москва спасти своих разведчиков? Пойдет ли на это Сталин?

Вчера Иосикава сказал Рихарду, что предоставляет ему несколько дней отдыха. Что это означает? То ли прокурор выдохся, то ли следствие подошло к концу, то ли он вообще таким способом подтвердил факт, что очень скоро начнется суд.

Зорге здорово поистерпался, похудел, одежда на нем стала рваная, и вообще он не был похож на себя совершенно – увы, совсем не тот лощеный Зорге, которому еще в 1941 году завидовала вся немецкая колония, это был Зорге середины 1943 года, бесконечно усталый, ослабший, с больным, словно бы простреленным сердцем, которому, честно говоря, уже и жить надоело.

Он рассчитывал, что Центр вызовет и его самого, и группу, которую он возглавлял, из застенка, поддержит – японцы не посмеют отказать Москве (несмотря на свою дружбу с Гитлером), но Москва даже пальцем не пошевелила, чтобы помочь попавшим в беду разведчикам. А японцы точно не должны были отказать, ведь еще до ареста Зорге у Токио с Москвой были подписаны два соглашения: одно – нефтяное, второе – по рыбной ловле у берегов России.

Олигархи, заинтересованные в том, чтобы эти соглашения работали, свернут голову любому японскому генералу, они со всего

генштаба спустят штаны и отправят путешествовать по миру с голыми задницами, если кто-то из военных чинов будет сопротивляться.

Оставалось только одно – ждать. Ждать, когда Москва вспомнит о нем, вспомнит о Максе Клаузене и Вукеличе, обо всех тех, кто находится в беде. Но Москва что-то не торопилась вспоминать про солдат своих, которые были ей верны, она вообще не подавала признаков жизни на Востоке, занимаясь только тем, что происходило на Западе, на фронте...

О том, как конкретно складывалась обстановка на фронте, Зорге не знал, но ощущение того, что война не кончилась, его не покидало ни на минуту – война шла.

Передышку прервали быстро: Рихарду Зорге объявили, что начнется суд.

Объявил это не Иосикава, а какой-то чин из Министерства юстиции, рангом, видать, повыше Иосикавы, чванливый, молодой, в золотых очках и в очень добротном европейском костюме. Рихард, понимая, что в тюремном рубище он будет выглядеть по меньшей мере смешно, попросил вернуть ему часть вещей из арестованного гардероба.

Чин в золотых очках важно выпятил нижнюю губу и, поразмышляв немного, согласно кивнул.

– Такое распоряжение я дам, – сказал он. Вид у чина сделался еще более важным, чем был две минуты назад.

Распоряжение он дал усеченное: Зорге разрешалось взять один костюм, две рубашки, пару обуви, два галстука и две пары носков – на выбор.

– Этого мало, – сказал Зорге.

Начальник тюремного склада – маленький японец, одетый в военную форму, колюче глянул на Рихарда.

– Ничем помочь не могу, – сухо произнес он.

– Понимаю, – Зорге невольно хмыкнул. – На нет и суда нет.

Он выбрал свой любимый синий костюм с едва приметной полоской, в котором отмечал свой последний день рождения на свободе, рубашки взял следующие: одну белую, другую голубую, в тон костюму, туфли отложил модные, в которых ходил мало, но успел полюбить, – темные, с малиновым свечением и крупными рантами. В пиджаке нашел платок, выстирал его и воткнул в нагрудный карман... Получилось очень нарядно.

Даже в неволе Рихард Зорге, привыкший хорошо и со вкусом одеваться, не изменил своей привычке, словно бы находился не в застенках Сугамо, а где-нибудь в командировке – правда, очень непростой...

К процессу надо было готовиться. Костюм костюмом, но не это главное. Главное – что он скажет судьям, какими аргументами будет возражать прокурорам-обвинителям.

Вот к этому и надо было готовиться. Зорге попросил разрешения у важного чина в золотых очках, чтобы ему дали побольше бумаги и пару ручек с чернилами.

Чин поморщился, но разрешение дал – так же, как и на одежду, усеченное: Рихарду было позволено получить одну пачку второсортной бумаги и два карандаша.

Унывать Зорге не стал: в конце концов, с делом можно управиться и малыми средствами, главное – не «паркер» с золоченым пером, а то, что находится в котелке, как варит эта посуда; и еще важно продукт этот, варево, толково перенести на бумагу.

Конечно, у Рихарда есть адвокат Асанума – человек грамотный, добродушный, но он, опасаясь расправы со стороны той же «кемпетай», не сумеет сказать того, что может сказать сам Зорге. Если честно, Рихард рассчитывал только на себя и очень отчетливо осознал – приговор будет жестоким:

либо смертная казнь, либо пожизненное заключение. Третьего просто не дано.

Хотя и не знал Зорге законов Японии (не было времени познать), но все-таки имел основательную юридическую подготовку, университетскую, и это должно было помочь ему.

Ни пожизненного заключения, ни смертного приговора Зорге не боялся – в конце концов, все участники этого процесса, какую бы роль они ни играли в нем – прокуроров, сытых тюремщиков или голодных узников, палачей либо обреченных бедолаг, – обязательно окажутся за чертой бытия, исключений нет, да и устал Зорге чего-либо бояться.

Виновным он себя не признал, какими бы жесткими ни были допросы, сломить его оказалось невозможно. Иосикава это понял быстро, да и говорить Зорге умел хорошо. Он очень толково доказывал Иосикаве, что прибыл в Японию «не как враг, а как друг».

Всю информацию Рихард собирал на островах легально – находил ее в газетах, черпал из рассказов знакомых и незнакомых людей, никого не пытал, никому не причинял боли, не калечил, ни одного из законов Японии не нарушил. Так к чему же тогда придирались?

Это прекрасно понимал прокурор Иосикава и тоже готовился к суду. У него были свои начальники, он обязан был исполнять обвинительные арии по их партитуре... Иначе ему быстро найдут место на бирже безработных.

Первое заседание суда состоялось 31 мая 1943 года.

Утром в тюремном дворе выстроилось несколько черных, с глухими окнами автомобилей: узники были важными, и каждому была положена персональная машина с охраной. Зорге вышел из камеры в отлично сшитом синем костюме, в модных туфлях, от него пахло парижским

парфюмом, а шею украшал элегантный шелковый галстук. На исхудавшем лице сияла независимая улыбка. Привычно закинув руки назад, он двинулся к выходу.

Надзиратели с удивлением смотрели на нарядного заключенного, один из них даже вытянулся перед Рихардом, как перед большим начальником.

Май в Японии – праздничный месяц, все цветет, все тянется к жизни, благоухает, птицы поют даже ночью, старики молодеют, воздух напоен сладким духом меда и распускающихся каштановых свечей. Хорошо было на воле.

Зорге остановился у одной из черных машин, с удивлением ощутил, что земля под его ногами внезапно поехала в сторону, чтобы не упасть, он ухватился рукой за крыло автомобиля... Отвык он от земли, от красоты природы и свежего воздуха, который пьянит, как шампанское, отвык от воли, без малого два года уже находится в тюрьме Сугамо, так что не мудрено, что его шатает.

Судебный зал был старый, мрачный, пахнул пылью, мышами, изгрызенной бумагой, сгнившими протоколами, судьи были под стать залу – мрачные, похожие на мумии, в черных мантиях, отороченных красными полосами, неподвижные – этакое воплощение злых колдовских сил...

Вину свою Рихард не признал, он готов был защищаться. Судья протестуяще качнул высохшей головой, глянул на прокурора, тот ответно кивнул, словно бы между этими людьми существовала некая договоренность, и теперь они подали команды друг другу. Зорге это засек и едва приметно усмехнулся. Вполне возможно, так оно и было – эти люди сговорились. Значит, и защита должна быть ответственной, усиленной, иначе его съедят и не поморщатся. Зорге вновь едва приметно усмехнулся – суда он не боялся.

Он вгляделся в затемненный зал, народу в нем было немного, в рядах сидели в основном агенты «кемпетай», политической полиции «токко», сотрудники контрразведки во главе с сияющим полковником, державшим между коленями парадную саблю, и больше никого. Журналистов тоже не было – ни одного человека.

Следом за Зорге в суд привезли Ходзуми Одзаки. Одзаки похудел, осунулся, сделался ниже ростом – собственно, с ним произошло то же самое, что и с Зорге, он прошел через те же тернии,

А вот глаза... Глаза у Одзаки оставались прежними – насмешливыми, теплыми, пытливыми, глаза говорили о том, что Одзаки не сдался.

Краешки висков, углы век у Зорге начало щипать, он сначала даже не понял, что это такое, потом понял и печально качнул головой – все-таки тюрьма добила его... Впрочем, нет, не добила, но сентиментальным сделала. Одзаки улыбнулся Рихарду тихо, понимающе.

Перекинуться с ним хотя бы парой слов, но нет, не дадут – между Зорге и Одзаки встал рослый, одетый в новую необмятую форму полицейский.

Третьим привезли Иотоку Мияги. Мияги был совсем плох: кожа да кости, шатающаяся походка...

Впрочем, Зорге чувствовал себя точно так же, очутившись во дворе тюрьмы, у черного автомобиля – чуть не упал. Рядом с Мияги шел полицейский, готовый в любое мгновение подхватить его.

Усевшись на скамью, Мияги шумно вздохнул и приветственно поднял руку – он был рад видеть друзей. На щеках его горел яркий румянец. Нехороший был это румянец, туберкулезный. Но Мияги не сдавался, держался, улыбка, возникшая на его лице, была такой искренней, теплой, что невольно рождала ответное тепло

у всех, кто ее видел, даже у неприступных судей.

За Мияги в зале появились двое, сопровождаемые конвоем: Макс Клаузен и Бранко Вукелич. Макс почти не изменился, был все такой же – большой, добродушный, неповоротливый, щекастый, только седины на голове прибавилось, а вот Бранко сдал, сильно сдал. Зорге подумал даже, что вместо Бранко в зал привели кого-то другого, но это был Вукелич. У Зорге невольно сжалось сердце.

Бранко, Бранко... Что же с тобой сделали?

Судебное заседание началось с вопроса, с которым председательствующий обратился к Зорге:

– Вы признаете себя виновным?

В зале сделалось так тихо, что, кажется, было слышно, как под высоким потолком летает заблудившаяся муха.

Зорге отрицательно покачал головой:

– Нет, не признаю.

Следом такой же вопрос судья задал Макс Клаузену, склонил выжидательно голову. Ответ был тот же:

– Виновным себя не признаю.

Прокурор Иосикава даже заерзал на своем стуле, лицо его стало недовольным, налилось темной краской. Зорге удивился этой реакции прокурора: неужели Иосикава, неглупый человек, ожидал услышать другой ответ?

Никто из членов группы Зорге, привезенных на процесс, не признал себя виновным. Люди, оказавшиеся на скамье подсудимых, были словно бы связаны одной невидимой цепью, они, разрозненные, каждый сам по себе, просидевшие почти два года в одиночках, не сломались, не превратились в труху, сохранили себя и теперь были готовы защищаться.

Рихард приготовился к долгому процессу, приготовился защищать не только себя, но и Вукелича, Мияги, Клаузена, Одзаки, всех своих товарищей, попавших в беду.

Видимо, независимое поведение узников, категоричные отрицательные ответы их не понравились ни судьям, ни тюремщикам. На следующий день на голову Зорге накинули сетку, в которой его водили по коридорам Сугамо, на запылях защелкнули наручники и в таком виде втиснули в автомобиль.

На суде Зорге пытались унижить, обзывали шпионом, врагом Японии, «порождением темных сил, стремившимся заслонить, а потом и вообще погасить яркое японское солнце», в ответ Рихард иронично улыбался:

– В первый раз слышу, когда человека, делавшего все, чтобы между соседями поддерживались, а в дальнейшем развивались, укреплялись добрые отношения, называют шпионом; в первый раз слышу, чтобы так называли людей, стремящихся потушить разгорающийся прямо под стенами домов огонь; в первый раз слышу, чтобы это дрянное словцо припечатывали к тем, кто занят самым благородным на свете делом – спасением человеческих жизней... Если бы между Японией и Советским Союзом вспыхнула такая же война, как между Советским Союзом и Германией, то представьте на минуту, господа, в скольких бы японских домах раздавался сегодня горький плач? Миллионы ваших солдат не вернулись бы с этой войны, миллионы! – Зорге предупреждая поднял указательный палец. – Если честно, я даже представить не могу, сколько это будет – миллион погибших, как это вообще выглядит... Судьям такие речи не нравились, председательствующий морщился, вытягивал голову в протестующем движении и ударом молотка о деревянную плашку прерывал речь Зорге. Такое происходило постоянно.

– Не советую вам, господа, муссировать понятие «шпион», которое вы хотите приклеить нам,



Мемориальная доска Рихарду Зорге, установленная в Берлине в 2016 году

как ярлык. Ни к чему хорошему это не приведет... И вообще, дело не в ярлыках, не в понятиях, не в кличках, дело совсем в другом, и вы это прекрасно понимаете, – на лице Зорге появлялось насмешливое выражение.

Он был выше судей.

Дни, когда проходили судебные заседания, были такими же однообразными, нудными, затяжными, часто неприятными, как и дни допросов, когда свет солнечный за окном темнел, делался тяжелым, а дни превращались в ночи. И ухо,

как на допросах, надо было держать востро. Зорге защищал всех, даже Ходзуми Одзаки и все, каждый сам по себе, тоже защищались, и непонятно было, какая сила победит. Зорге настаивал на невинности группы «Рамзай» – ею не был нарушен ни один закон Японии, не был выкраден ни один из государственных секретов, не было ничего ни куплено, ни продано, ни одному из подданных микадо не была причинена боль. Так в чем же можно обвинять людей, которые ни разу не нарушили японских законов?

Председательствующий на суде улыбался отрешенно и делался по-императорски важным, словно бы мог изменить законы островов и не-виновного сделать виновным.

Заседания суда проходили по-разному: были и общие, на которых присутствовали все члены группы Зорге, были и разрозненные, когда группу разделяли, и каждый отбивался от вопросов судьи в одиночку.

Первым не вынес пыток, тюрьмы, суда, издевательств, обвинений художник Иотоку Мияги. Талантливый был человек. Сумел соединить в своих картинах романтичность японской школы с реалистичностью школы Запада, акварельную легкость, плоскостность с объемным многоцветием тяжелых масляных красок, которыми привыкли работать художники Америки, французский импрессионизм с воздушностью китайского письма.

Ходзуми Одзаки, знаток культуры, тонко разбиравшийся в искусстве, не только изобразительном, так писал о картинах Мияги: «Они полны какого-то очарования, выполнены в совершенно особом колорите, в каждой из них скрыта особенная грусть. Некоторые оставшиеся после него картины отличаются большим своеобразием и отмечены печатью истинного таланта».

Одзаки написал о своем товарище, как об ушедшем – к этой минуте Мияги уже не было... Не стало его 3 августа 1943 года.

Жене своей Одзаки также отправил письмо: «Я прошу тебя тщательно хранить все картины Мияги, имеющиеся у нас в доме...» – письмо с наказом дошло, и в семье Ходзуми Одзаки сохранили не только холсты талантливого художника, но и детские, трогательно-наивные картинки Йоко, дочери Одзаки,

которую Мияги учил азам живописи, приемам, манере класть краску, прописывать предметы, делать свет плотным, а тени прозрачными, – на память о былом, о времени, которое спустя семьдесят лет вызывает у родственников слезы...

Слухи о том, что происходит в судейском дворце, просачивались сквозь стены в город, по токийским улицам разносились разные сплетни, но о деталях происходившего никто ничего не знал, и если кто-то что-то говорил, то говорильня эта оказывалась обычной болтовней, шушуканьем старушек, направлявших на путь истинный молодых девчонок, лепет ветра, переговаривающегося с птицами, а что происходило в судейском дворце на самом деле, знали, пожалуй, не более десяти человек во всем Токио.

Город жил своей жизнью – печалился, радовался, наблюдал за дымом, неожиданно появившемся над горловиной кратера и плоско растекшемся по горизонту. Дым обрел розовый цвет, начал кудрявиться, словно бы боги выдирали из него волосы... Это был недобрый знак.

Когда Мияги не появился на процессе, у Зорге невольно защемило в груди – он понял, что произошло. Потеря Мияги не будет последней, за этой потерей последуют другие.

Чутье не обмануло Зорге: из семнадцати человек, арестованных по делу его группы, умерли еще пятеро – итого вместе с Иотоку шесть человек; одни были откровенно замучены пытками, другие не вынесли болезней – из лекарств им ведь не давали ничего, даже анальгина и пластырей из колючих долек столетника, у третьих просто не было сил бороться – скончались от тоски и глухой боли, способной есть живое тело. Умирали от дистрофии: если не было денег на еду, то тюремщики готовили для таких заключенных рогожные мешки – безденежные зеки были обречены на смерть, иного пути для них не было...

Жизнь и смерть шли в группе Зорге рядом, как на фронте. Спасение не было запланировано судьбой ни одному человеку.

Не дожил до приговора Иосио Кавамура – не хватило сил, после приговора скончалась Сумио Фанакоси – ее не стало 27 февраля 1945 года, скончался Сигэо Мидзуно, дата его смерти – 22 марта 1945 года... Были и другие потери.

Материалов того, как шел процесс, протоколов заседаний, допросов свидетелей нет, и сколько ни искали их следы, не нашли ничего.

Одни утверждают, что все погибло во время жестокой американской бомбардировки, ведь тогда, в сорок пятом, в огне горели не только папки с завязками и бумаги протоколов, горели бетон, железо, кирпичи, камни... Сгорела и уникальная библиотека Зорге, чрезвычайно ценная, в ней было много редких книг по Японии, сгорели и тома дела Рамзая.

Другие считают, что все бумаги из Токио были вывезены американцами, те успешно спрятали их в глубоком секретном бункере. Ясности в этом вопросе до сих пор нет никакой, на поверхность не пробиваются даже малые сведения, это – тайна за семью печатями.

Причина, наверное, только одна – Перл-Харбор. Если бы не было Перл-Харбора, а японцы вместо него напали, скажем, на Сингапур или Сайгон, как и собирались, то и не было бы столь плотной тайны; слишком уж больно ущипнула Япония богатую и беспечную страну за толстую задницу.

Говорят, что официальная история и ее ревнители в Штатах считают Рихарда Зорге едва ли не главным своим врагом во Второй мировой войне, высказываются о нем очень сдержанно и неохотно.

Но все это – дела последующие, а пока шли заседания суда. Зорге потребовал, чтобы ему разрешили встречу с кем-нибудь из сотрудников

германского посольства. МИД, которому положено давать добро на такие просьбы, долго отмачивался, делал непонимающую физиономию, ежился неприятно, потом, видя, что от ответа не уйти, дал добро на короткую встречу. В конце концов, это же святое дело – разрешить человеку, которого собрались приговорить к смертной казни, повидаться с кем-нибудь из своих – пусть ответит душу...

Рихарду сообщили, что просьба его удовлетворена.

Новый посол Генрих Штаммер отправил на встречу атташе полиции Мейзингера, но тот от встречи увильнул, хотя в посольстве ходил за Рихардом, будто привязанная собака, ел из его рук, пил тоже из его рук; вместо Мейзингера в суд поехал Хаммель, рядовой сотрудник посольства, человек тихий, неприметный, всегда при галстук, завязанном в крупный тугой узел, он даже спал в галстук. Зорге знал его плохо, но относился с симпатией – Хаммель не был похож ни на одного из знакомых ему фашистов.

Вид Рихарда поразил Хаммеля – Зорге был очень худ, бледен, тщательно одет, прекрасно выбрит – роскошный синий костюм его не потерял лоска даже в тюрьме, на ногах красовались тщательно начищенные туфли с малиновой искоркой, усталые красные глаза, спрятанные под модными очками в тяжелой синевато-красной оправе, были внимательны. Зорге деликатно поклонился Хаммелю.

Хаммель поклонился в ответ: – Что вы желаете, господин Зорге?

– Желаю только одного – собственно, даже не желаю, а настаиваю на этом... Моя восьмидесятилетняя мать Нина Семеновна Кобелева-Зорге ныне проживает в городе Гамбурге. О моей жизни, о работе, о том, что я делал, она не знает и не знала ровным счетом ничего, ко всем моим

делам не причастна... Не виновата ни в чем. Прошу оградить ее от преследования. Это единственное мое желание.

Хаммель пообещал передать просьбу Зорге новому послу.

– Вы плохо выглядите, – не удержался от замечания Хаммель.

– Судя по тому, что Германия проигрывает военную кампанию, вы, Хаммель, выглядите не лучше.

– Расклад пока – фифти-фифти, господин Зорге, – тихо, но довольно убежденно произнес Хаммель, – чем закончится война, неведомо пока ни одному человеку в мире.

– Во всяком случае, я сделала все, чтобы война закончилась так, как этого желает история, – сказал Зорге.

Продолжать разговор Хаммель не стал. Зорге на продолжении не настаивал. На том они и разошлись.

Уже вернувшись в посольство, Хаммель записал в своих бумагах, что Зорге «производит впечатление человека, гордого тем, что он совершил большое дело и вполне готового покинуть арену своей деятельности. Зорге откровенно и не без торжества говорил о том, что он доволен результатами своей деятельности».

Просьбу Зорге насчет матери Хаммель передал лично послу – Мейзингеру даже не стал говорить об этом, Мейзингер таких вещей не понимает, в лучшем случае он загонит старую женщину в концлагерь. Посол Штаммер, ругаясь, принял Хаммеля.

Недобро шевеля бровями, он проговорил холодным тоном:

– У таких людей, как Зорге, не должно быть матерей. Зорге – враг рейха, а у врагов рейха не может быть родителей, понятно, Хаммель? Они высказывают, как черти из табакерки. И там же исчезают.

Хаммель молча развел руки – лучше бы он пошел к советнику-посланнику

Кордту – во всяком случае, мать Зорге осталась бы жива...

Посол Штаммер сочинил гневную депешу и первым же самолетом отправил ее в Берлин.

О Зорге тем временем вспомнил сам фюрер – на совещании, которое проводил в берлинском бункере вместе с начальником штаба вермахта генерал-полковником Йодлем и рядом его заместителей. Фюрер, нервно похрустывая костяшками пальцев, – словно бы лесные орехи давил себе на утреннюю закуску, прошелся вдоль длинного, обтянутого зеленым сукном стола, затем остановился и выкрикнул, ни к кому не обращаясь:

– Ну, что там наши неверные японские друзья?

Собравшиеся молчали – непонятно было, о чем спрашивал вождь нации.

– Уточните, мой фюрер, – попросил Йодль.

– Я имею в виду коминтерновского агента, которого они изловили с помощью нашей техники, – Гитлер напрягся, вспоминая фамилию агента, в следующий миг вспомнил, память у него была хорошая, – Зорге. Что с Зорге?

– Японская сторона отказалась выдать его нам.

Фюрер недовольно пожал губами:

– Вот и держи, вот и имей под боком таких союзников, во время атаки они обязательно поползут назад. Надо сделать последний запрос. Если не отдадут – что ж, пусть занимаются этим Зорге сами. Но надо обязательно поставить одно условие – чтобы Зорге был вынесен смертный приговор. Никакого снисхождения! К этому вопросу возвращаться больше не будем, все!

Суд шел долго – более трех месяцев, позади осталось душное яркое

лето, и зарядили мелкие осенние дожди, своей медлительностью, упорством способные сверлить в зубах дырки, приговор должны были вот-вот вынести, но его не выносили...

Ни сам Зорге, ни его товарищи своей вины перед Японией так и не признали.

— Вы напрасно, господа судьи, обвиняете нашу группу в шпионаже. Всякий шпионаж подразумевает нанесение экономического, политического, научного, технического ущерба. Мы не принесли Японии вреда даже на полмизинца, — Зорге показал судьям палец, попилил его, — даже на четверть мизинца, мы действовали не как шпионы, а как люди, которые пытались уберечь вашу страну от войны, от беды, от боли и пожаров, от черного дыма и плача, стремились сохранить для вас солнце, — Зорге говорил так убедительно, спокойно, красиво, что в зале не было слышно ни одного звука, ни шороха, ни царапанья, ни мышинного писка под полами, собравшиеся очень внимательно слушали его, — и нам удалось это сделать, удалось! — Зорге призывно вскинул руку. — Ваша страна не разбилась о морские скалы и металл Советского Союза, люди не стали убивать людей... Мирно светящее солнце гораздо приятнее вонючего темного дыма пожаров, а смех и радостные песни детей лучше отчаянного плача и криков боли. Согласитесь с этим! — Зорге повысил голос, ему хотелось, чтобы его услышал каждый человек, сидящий в зале, и его действительно слышали все, только ни один человек не отозвался на страстную речь, Зорге улыбнулся печально: было все понятно. — Целые поколения японцев, в том числе и те, кому предстоит жить в далеком будущем, скажут нам за это спасибо. И вы скажете спасибо.

Зал молчал.

— Разве можно называть шпионом человека, который не убивает людей, а спасает их? — Зорге вновь повысил голос. — Спасает, рискуя собой?

Зал продолжал молчать.

Зорге обвел взглядом лица людей, сидящих в рядах. Неужели они не понимают это? Не может быть, чтобы не понимали. Он перевел взгляд на судью, расположившегося за председательским столом, невозмутимого, словно Будда, выставленный в храме на всеобщее обозрение — ничего не говорит Будда, но все понимает, глаза у судьи были хитрыми и в то же время равнодушными, у таких людей не бывает чувств. Судья относился к категории исполнителей, для которых приказание начальства — высшее веление, не подчиниться которому нельзя. Он расшибется, но все сделает, как велено. Значит, приговор по делу группы Зорге уже вынесен, хотя еще и не объявлен.

Так что худшее впереди. От таких людей, как председательствующий на суде, пощады ждать не следует. Эти люди беспощадны.

Гитлер все-таки вернулся к Зорге, это имя здорово засело у него в мозгу, вызывало прочное неприятие, ассоциировалось еще с чем-то, о чем он не говорил, но как бы там ни было, японские власти не сдвинулись с места ни на сантиметр, более того — не сделали даже попытки пойти с фюрером на сближение в этом вопросе... И вообще, они уходили от всех разговоров о Зорге.

Дело было в том, что в отношении Зорге у японцев имелся свой план, выполнить который им очень хотелось. Во время последней стычки потомков самураев с красными войсками в плен к нам попал не кто иной, как потомок императорской фамилии, которого микадо любил безмерно, и человека этого, отнесенного к разряду солнцеликих, надо было обязательно выручить, иначе околеет ведь

на лютых сибирских морозах. И этим вопросом активно занималось Министерство иностранных дел островов.

План японцев был бесхитростен: выменять императорского потомка на хромоногую немца, будь он не ладен, а там хромоногий пусть едет куда угодно, хоть в Амстердам, хоть в Хельсинки, хоть в Берлин, хоть вообще на Северный полюс... Главное — выручить своего.

По другим сведениям, в советском плену находились два незадачливых потомка из семейства микадо, два подполковника, были подполковники от тоски так, что в лесу даже волки поджимали хвосты: плен — штука жестокая, в нем люди не только были — на сустьях вешались.

Такой вопрос, как обмен высокопоставленных пленников, может решить только глава государства. В Советском Союзе — лишь Сталин, и больше никто.

Когда до Москвы дошло сообщение, что Зорге арестован и у японцев есть желание обменять его на двух подполковников из Квантунской армии, Сталин вытащил изо рта трубку, расправил мундштуком усы:

— На кого, говорите, японцы предлагают обменять своих подполковников?

— На Рихарда Зорге.

Сталин жестко посмотрел на начальника Разведуправления, в голове его появились неприятные пронзительные нотки.

— На Рихарда Зорге? — переспросил он. — Рихард Зорге, Рихард Зорге... — произнес Сталин задумчиво, глуховато, вновь раздвинул мундштуком трубки усы, остановил на собеседнике зрачки жестких, острых желтых глаз. — Кто это?

— Разведчик из Четвертого управления РККА, товарищ Сталин.

— Зорге, Зорге... Не знаю такого, — тихо и раздраженно произнес вожьд.

— Товарищ Сталин, Зорге больше всех разведчиков передал шифровок в Центр.

— Не слышал об этом, — раздражаясь еще больше, произнес Сталин.

На самом деле Сталин и слышал о Зорге, и неплохо знал, откуда тот взялся в Четвертом управлении РККА. И шифровки, сопровождаемые уничижительными записками генерал-лейтенанта Голикова, помнил от первого слова до последнего, будто читал их только вчера: память у Иосифа Виссарионовича была отменная.

Загадочная штука происходила с вождем — вполне возможно, что с одной стороны, это была игра, с другой — обычная усталость, вызывающая во всяком человеке раздражение, с третьей — нежелание вспоминать то, что было ему неприятно, с четвертой — он, таким нелюдским способом сдавая, уничтожая людей, воспитывал кого-то из близких.

Такого Сталина — именно такого, каким он был в ту пору, побаивались и циник Черчилль, и рафинированный интеллигент Рузвельт, умерший через несколько лет на сеансе живописи у русского художника Фешина, и долговязый де Голль, для которого не было запретных тем в разговорах. Для «великой тройки» такой Сталин был недоступной, загадочной фигурой. Черчилль с Рузвельтом много раз обсуждали его, пробовали найти разгадку, но так и не нашли.

И уж тем более не могли найти разгадку те люди, которые находились рядом с ним, он был непредсказуем, а непредсказуемые особы, как ведомо, разгадке не поддаются.

Сталин холодно распрощался с начальником Разведуправления РККА, повернулся к нему спиной и двинулся к столу, заваленному картами, а через несколько часов, уже поздно вечером, вернее ночью, стрелки уже показывали без

четверти двенадцать, вызвал к себе Поскребышева, своего помощника:

— Затребуйте ко мне из Разведуправления армии дело Зорге. Надо посмотреть, что это за герой.

Факт, что Сталин истребовал к себе дело Зорге и несколько дней изучал его, отмечен в записях Поскребышева. Поскребышев был аккуратным человеком, он ничего не пропускал, знал, что даже малую ошибку ему вожьд не простит.

И тем не менее, когда вновь зашел разговор о Зорге, он угрюмо, немигающе, будто у него сильно болел желудок (от такого пристального, проникающего внутрь взгляда желтых глаз даже маршалы втягивали головы в плечи), посмотрел на собеседника и произнес недовольно:

— Зорге? Не знаю такого человека.

Была еще одна причина для подобного ответа. Сталин утвердил доктрину, для самого себя в первую очередь, а уж потом для своих подчиненных: Советский Союз — единственная страна мира, которая не имеет разведчиков.

Ни много ни мало — все страны мира имеют свои разведки, а Советский Союз нет, все нужные сведения он высасывает из пальца и при этом никогда не ошибается, вот ведь как, вторя Сталину, то же самое талдычили разные Мехлисы, Ворошиловы и прочие товарищи с большими звездами в петлицах, они просто голосили на всю Ивановскую: у Советского Союза, согласно существующей в государстве оборонительной доктрине, разведки нет. Нет, и все тут, господа!

На Западе, слыша такие утверждения, только посмеивались да крутили пальцами у виска...

Рамзай продолжал защищаться и защищался умно, убедительно, напористо, состязаться с ним тому же Иосикаве было трудно.

Следом за Вукеличем пожизненное заключение получил Макс

Клаузен. Судя по выражению его полного невозмутимого лица, он этому не очень-то и удивился — смирился со своей судьбой. Анна Клаузен получила три года лишения свободы.

Руководителей группы Зорге и Одзаки, как главных обвиняемых, решили оставить на закуску, с вынесением приговора задержались. А пока судьи решали судьбу других членов группы.

Тринадцать лет лишения свободы получил Сигэо Мидзуно, восемь лет — Фукасо Кудзуми, пять лет — Томо Китабаяси. Последние приговоры для рядовых членов группы Зорге были вынесены уже в январе-феврале сорок четвертого года: Иосинобу Косиро дали пятнадцать лет тюрьмы, Угэнде Тагути — тринадцать, Масадзане Яману — двенадцать лет, Сумино Фунакоси — десять лет, Тэйкити Каваи — десять лет, Кодзи Акияме — семь лет, Хитиру Кикиути — два года лишения свободы...

Несколько человек обошлись без сроков, и в этом был заложен свой смысл: уже был виден конец войны, Красная армия лупила Гитлера в хвост и в гриву.

Если бы группу Рамзая судили в сорок втором году или, того хуже, в сорок первом, сроки бы дали совсем другие, это как пить дать. А сорок четвертый — это год, когда люди готовились открывать бутылки с красным вином победы, по миру носились совсем другие ветры, и сроки давали другие.

Пока проезжали по улицам Токио, Зорге успевал увидеть в щелку волю: густой розовый цвет поздних сакур с пышными гроздьями, над которыми летали целые облака пчел, гул стоял такой, что от него можно было зажмуриться, плоские шапки деревьев, похожие на огромные зонты, яркие матерчатые навесы магазинчиков и кафе, Зорге ощущал, что у него невольно начинало щипать глаза, и тогда он

стискивал зубы – раскисать было нельзя, и уж тем более нельзя показывать свою слабость перед судьями. Из машины Зорге выбирался собранный, с жестким сосредоточенным лицом и насмешливо прищуренными глазами.

Неторопливо входил в здание суда, не обращая внимания на шагавших рядом охранников.

Кто знает, может быть, способность Зорге защищаться заставила судей вынести несколько условных приговоров либо приговоров очень мягких. Кинкадзу Сайдонд получил полтора года с отсрочкой на два года, Токутаро Ясуда – два года с отсрочкой на пять лет. Одному человеку из группы Зорге удалось обойтись вообще без судебного разбирательства. Это был Кэн Инукаи.

Рихард Зорге и Ходзуми Одзаки были приговорены к высшей мере – смертной казни. Объявили это в конце сентября сорок третьего года. Оба выслушали приговор спокойно, ничто не дрогнуло в их лицах, выдержке этих людей позавидовали и судьи, и охранники.

– Сколько времени по японским законам мне дается на апелляцию? – спросил Зорге.

– Десять дней.

Апелляцию надо было подать обязательно. И ему, и Ходзуми Одзаки. Это был шанс, надежда, что верх возьмет совесть. С апелляцией, конечно, надо было поторапливаться, но и спешить особо тоже было нельзя, чтобы не допустить какую-нибудь ошибку.

Защита опытного адвоката, его подсказки, советы, особенно в сложных вопросах (а что может быть сложнее и больнее вопроса о жизни и смерти, наверное, только вопрос бессмертия либо чести) – штука незаменимая, но если адвокат допустит ошибку, то голову сносить будут не ему, а узнику, поэтому апелляцию лучше писать самому. Адвокат Асунама пусть отдохнет.

Зорге обложился книгами. Адвокат принес ему последний справочник по уголовному праву, изданный в Японии, самый новый, новее не было.

Мотив апелляции был знакомый, верный и главное – испробованный на судьях. В нем, собственно, была сокрыта правда: Зорге со своей группой не принес никакого вреда Японии.

Первый вариант апелляции был возвращен: Рихард перепутал на типографском бланке две разные графы – место рождения и страну, гражданство которой он имеет. Ошибка, конечно, незначительная, это была даже не ошибка, а скорее описка, но ее с лихвой хватило для того, чтобы бумага вернулась из канцелярии обратно, Зорге повертел ее в руках, удивляясь ретивости чиновников, выполнявших чей-то приказ, сделал второй вариант апелляции.

Второй вариант постигла судьба первого – он также был возвращен в двадцатую камеру. А время уже поджимало, срок пропустить было нельзя, и Зорге, уже с помощью Асунамы сочинил третий вариант.

– А что, разве второй вариант был так плох, что ему уготовили судьбу обычной мусорной бумажки, которой место только в корзине? – спросил Зорге у Асунамы.

– Второй вариант был нормальный, Рихард. Тысячи апелляций, сочиненных во много раз хуже, проходят, а тут... – адвокат непонимающе пожал плечами.

– Так что же случилось?

– Не знаю. Это какая-то игра... Может быть, к юриспруденции даже не имеющая никакого отношения.

Зорге не выдержал, усмехнулся, а что ему оставалось делать? Только усмехаться.

– Скорее всего, так оно и есть, – сказал он.

Третью апелляцию приняли. Только минюстовский чиновник – сытый, щекастый, довольный тем,

что служит своей великой родине, повертел бумагу в руках, пошуршал ею и сказал, ни к кому не обращаясь:

– Апелляция подана с опозданием на сутки.

В следующий миг он не удержался, на лице его расплылась довольная, ничем не сдерживаемая улыбка. Он шлепнул на бумагу штамп, нарисовал пару иероглифов и сделал небрежный жест рукой, отпуская адвоката Асунаму.

Утром 7 ноября Зорге встал рано: сегодня в России праздник, который отмечают и старые, и малые, точнее будут отмечать: ведь отсчет времени идет с Японии, с этих мест, потом перекинется на Владивосток, с Владивостока еще дальше, дальше и дальше, пока не дойдет до Москвы. Страна, ставшая его родиной, размеры имеет такие, что ни один ум не может охватить их, и все это – его родина, а если быть точнее – полуродина... Хотя почему полуродина? Только потому, что отец у него немец? Но родился-то Рихард в России!

Улыбка тронула сухие твердые губы Зорге.

Завтрак был обычным – состоял из смеси баланды с воздухом и добавлением крохотного кусочка лепешки, которым даже голубя не накормишь.

Утро над Токио занималось сумеречное, холодное, в воздухе поблескивали тусклые сверкушки, какие всегда появляются в ноябре перед непогодой. Позавтракав, Зорге помял пальцами себе спину, помассировал поясницу – есть там нервные окончания, позволяющие держать тело ровно, затем тщательно растер затылок, чтобы снять тупой звон, возникший в голове, на затылке существует несколько точек, которые этот звон снимают. Закончив

«медицинские процедуры», Зорге уселся за крохотный столик, на который пришлось выклянчивать разрешение, и разложил бумаги.

День не должен пропасть, несмотря на противное двоение в глазах, далекий чугунный гуд, не желающий исчезать из головы, и изнуряющую слабость – то ли от недоедания это, то ли еще от чего-то. Похоже, в нем сходит на нет нечто такое, что позволяет человеку держаться на ногах, быть в сборе, сцеп какой-то, связка...

Он посидел несколько минут неподвижно, потом окунул перо в старую чернильницу-непроливайку (карандаши ему Иосикава разрешил заменить на чернила), проверил на бумаге, как перо пишет. Писало плохо – мешали застрявшие бумажные остья. Зорге ухватил их щепотью, навел порядок, очистил острие – ручка ведь у журналиста все равно, что серп у сборщика ячменя, рабочий инструмент всегда должен находиться в порядке.

Вдруг что-то насторожило Зорге, он отодвинул от себя бумагу и поднял голову – в воздухе словно бы раздался резкий хлопок, какой бывает, когда человек нажимает на курок пистолета.

На душе вдруг сделалось неспокойно – такое, собственно, у него случалось и раньше. Стало ясно – в тюрьме Сугамо что-то происходило... Но что именно? Внутри родилась нервная дрожь, Зорге очень быстро подавил ее – на это силы еще оставались.

В следующее мгновение он понял, в чем дело и что произойдет дальше. Любовно, почти трепетно огладал рукопись пальцами, расправил верхнюю страницу, прижал ее кулаком посильнее, так, что в рукописи осталась вмятина. Жаль, что ему не удастся закончить эту работу.

Зорге аккуратной стопкой, листок к листку, собрал приготовленные

к работе наброски, подправил края, сверху поставил чернильницу-непроливашку. Придвинул стопку – это были всего лишь черновики, рабочие заготовки к рукописи, поткачал с сожалением головой. У этой рукописи в связи со сложившимися обстоятельствами обязательно должен быть соавтор, продолжатель, но кто станет им?

После странного хлопка в тюрьме сделалось тихо. Раньше никогда в этот час в Сугамо не было так тихо – обязательно раздавался топот на этажах, что-то падало, потом с криками водружалось на место, доносилась крутая ругань, ее забивали чьи-то отчаянные взвизгивания, кто-то кого-то бил, словом, шла обычная тюремная жизнь, а сейчас все это исчезло куда-то. Было тихо, словно бы тюрьма Сугамо наполовину опустела.

Рихард подумал о том, что сегодня праздник – седьмое ноября, день революции, свершившейся в России. По-разному относятся люди к этому празднику, Зорге знал тех, кто проклинал его, как и тех, кто превозносил «красный день календаря» до небес.

Сам он относился к празднику седьмого ноября без особого восторга, хотя если бы ему предложили поставить этому дню знак минус или плюс, он поставил бы плюс. Есть жестокое выражение: «революция пожирает своих детей», есть, но не все революции этим бывают заняты: либо зубы в драке выбили и есть нечем, или где-то в мозжечке что-то сработало, одна химия столкнулась с другой, и начало вырабатываться тепло, не позволяющее вообще есть кого-либо.

Зорге был сторонником революций второго типа.

В Москве сейчас, наверное, трещит морозец, Катя находится на заводе, горожане достают из зачачек последние запасы спиртного – праздник же! – со стен домов свешиваются красные флаги.

В дальнем коридоре длинного тюремного здания появилось несколько человек, шагали эти люди неторопливо, с достоинством, лица их были железными, важными, к ним была прочно припечатана маска некой торжественной возвышенности, что ли, чего-то такого, что было непонятно простым людям.

Начальник тюрьмы Итидзима, штатный священник, чью служебную комнату иногда использовали как помещение для свиданий – она одна во всей тюрьме Сугамо подходила для этого, поскольку единственная, пожалуй, несла на себе отпечаток уюта, чего-то человеческого. Рядом со священником шагали сотрудники Министрства юстиции, Токийского суда, полиции «кемпетай», еще несколько человек. Но хозяином в этой недоброй процессии был начальник тюрьмы. В некотором отдалении от процессии, почти склонившись, следовали еще трое – офицеры из тюремной obsługi.

Около камеры номер двадцать процессия остановилась. Начальник тюрьмы оглядел всех – никто не отстал? – потом от сурово повзвизкивавшей охапки ключей отделил один, с длинным тощим туловом, к которому была прикручена бирка с номером. Аккуратно, словно бы боясь сломать казенное имущество, вставил ключ в замочную скважину, с глухим костяным хрустом повернул.

Узник камеры номер двадцать встретил непрошенных гостей стоя. Судя по лицу его, по жестким желвакам, вспухшим на щеках, узнику все было понятно – и кто к нему пришел, и с какой целью, он знал даже, какие слова сейчас будут произнесены.

Чтобы лучше видеть гостей, Зорге надел очки – те самые, пижонские, в роскошной малиновой оправе, не обратить внимание на которые было нельзя.

– Ну и что означает этот ранний визит, господа? – насмешливым тоном поинтересовался Зорге.

Начальник тюрьмы был обязан соблюдать протокол, он поджал нижнюю губу и спросил:

– Ваше имя, фамилия, заключенный?

– Рихард Зорге.

Начальник тюрьмы покашлял в кулак, словно бы хотел проверить ответ по бумажке, которая у него имелась, но доставать бумажку не стал, вновь поджал нижнюю губу:

– Ваш возраст?

– Сорок девять лет.

– Вы женаты?

– Женат.

На этот раз начальник тюрьмы достал из кармана бумажку, что-то отметил в ней, неудовлетворенно пожевал ртом.

– У вас есть дети?

– Нет.

Начальник тюрьмы сделал новую отметку в бумажке. Похоже, сверял одну бухгалтерию с другой. В следующий миг выпрямился торжественно, горделиво, словно бы вел заседание парламента Японии, и произнес громко:

– Токийским судом вы приговорены к смертной казни через повешение.

– Я знаю, – спокойно отозвался на это Зорге.

– Верховный суд империи апелляцию отклонил.

– И это знаю, – голос Зорге как был ровным, так и продолжал оставаться ровным, ничто в нем не дрогнуло.

– Приговор должен быть приведен в исполнение 7 ноября 1944 года, то есть сегодня, – начальник тюрьмы пожевал губами и добавил тоном, лишенным всякого выражения: – Сейчас.

Как всякий тертый калач, начальник тюрьмы видел на свете многое – наверное, на четыре биографии обычного человека хватит,

но никогда еще не видел, чтобы узник так спокойно, отрешенно реагировал на сообщение, которое другого вогнало бы в столбняк. Зорге глянул внимательно в глаза начальнику тюрьмы, засек там сожалеющие далекие огоньки – совершенно крохотные, не больше металлических блесток, сорвавшихся с напильника, поинтересовался тихим голосом:

– Я хочу переодеться. Можно? Дайте мне несколько минут.

– Конечно, конечно, – потерял свой размеренный ритм начальник тюрьмы, заторопился: – Пяти минут вам хватит, герр Зорге?

– Мне хватит трех минут.

Ровно через три минуты Зорге предстал перед «смертной» комиссией совсем в другом облики: это был высокий, очень подтянутый, сильный человек, в котором ничего не оставалось от узника. Члены комиссии переглянулись – не ожидали увидеть такое разительное преображение.

Костюм и обувь находились у Рихарда в камере – одежда была выдана ему специально для посещения заседаний суда. А там бывал разный народ, на одно из заседаний пригласили даже двух иностранных журналистов, поэтому не в интересах японцев было выставлять Рихарда в тюремном тряпье. После суда, когда Рихард и Ходзуми Одзаки подавали апелляции, костюм оставался у Зорге в камере – на всякий случай.

Рукопись свою, стопку черновых набросков Зорге накрыл чистым листом бумаги, огладил ладонью: жаль, остается незаконченной работа, которой он отдал много сил. Но уже ничего не поделаешь. Поздно говорить о ней. Соавтор, конечно, вряд ли появится, будет теперь рукопись пылиться в шкафу у начальника тюрьмы, либо у малообразованных следователей типа Оохаси или Аоямы, а потом пропадет вовсе. Что сделать для того, чтобы

рукопись эта сохранилась, не попала, а угодила к другим людям, образованным, ученым, которые в конце концов довели бы ее до ума, использовали материал, собранный им, Рихард не знал. Он прощально оглядел свою камеру и вышел в коридор:

– Я готов.

О чем Зорге думал в эти минуты, вряд ли кто когда узнает, это умерло вместе с ним, но он был более живым, более нацеленным на жизнь, чем вся комиссия, пришедшая к нему, вместе взятая. Это было видно по лицу Рихарда.

Он шел по коридору первым, ни одного охранника рядом с ним не было – охранники топали башмаками в конце процессии. По лестнице Зорге спустился вниз, за ним – сопровождающие, по дороге к процессии присоединились еще два каких-то чина в мятых форменных костюмах. Зорге не держал, усмехнулся – когда рядом собираются целые театральные ряды, то и умирать, наверное, бывает легче. Хотя умирать ему придется все же одному. Все остальные – зрители.

Под подошвами башмаков потрескивали кусочки бетона. Тюремный служка в форменной фуражке, стоявший у входа, поспешно ухватился пальцами за ручку и распахнул дверь.

В лицо Зорге ударил свет. Много света, в глазах у Зорге миготом потемнело – такой свет может ослепить кого угодно, не только человека, только что покинувшего тюремную камеру. Зорге решительно переступил через порог.

В стене противоположного блока, такого же неухоженного, облупленного, как и блок, в котором сидел Зорге, была приоткрыта дверь – темный мрачный прямоугольник. Зорге, не раздумывая, направился к нему, – собственно, он находился в том состоянии, когда люди не раздумывают,

для этого нет ни возможностей, ни времени, ни душевных сил, сопровождающие, стараясь не отставать друг от друга, направились следом.

Зорге вошел в приоткрытую дверь противоположного блока и лицом к лицу столкнулся со священником – похоже, также штатным. Непонятно только было, что это за священник: то ли синтоистский, то ли буддистский, то ли еще чей-то... О существовании универсальных священников Зорге никогда не слышал, да и грех это великий – заставлять одного человека представлять сразу несколько религий, отпускать грехи и протестантам, и мусульманам, и буддистам, и синтоистам, и вообще людям без веры.

Рихард мог бы обойтись без священника, но решил не ломать традиции, да и лицо у священника было приветливым, сочувствующим.

И одеяние на священнике было неведомо каким, хотя и с японскими иероглифами.

– Кого вы желаете известить о своей смерти, сын мой? – сжав в кулак жидкую бородку, спросил священник. Во взгляде его не было ни любопытства, ни пытливости – только сочувствие, да еще – усталость.

– Никого, – спокойно отозвался Зорге.

– Как вы желаете распорядиться своим имуществом?

Зорге вспомнил о рукописи, оставшейся лежать на столике в камере – неплохо бы ее завещать кому-нибудь, но только вот кому? Он подумал, что без него вряд ли кто доведет рукопись до конца, а раз так... Он не стал говорить о рукописи священнику.

Все остальное, вроде малиновых очков и модных туфель, очень скоро сгниет, поэтому Рихард медленно покачал головой, отказываясь от всего, что у него было:

– У меня нет имущества.

Священник понимающе кивнул и начал говорить о высшем блаженстве, которое приходит к каждому человеку, переступившему грань, отделяющую жизнь от смерти, произносил какие-то затертые слова, которые Зорге много раз слышал, присутствуя на разных панихидах, попытался подумать о чем-нибудь своем, но ничего в голову не приходило.

Была еще тревога, она сидела внутри и казалась сейчас Зорге странной, даже очень странной: ну что перед смертью может быть страшнее смерти, какая может быть тревога на грани между бытием и небытием. Во взгляде священника неожиданно появилось любопытство, которого раньше не было – похоже, он что-то уловил в глазах Зорге, в самих зрачках.

– Позвольте мне задать вам один вопрос? – негромко произнес Зорге.

– Задавайте, – разрешил священник.

– Какова судьба моих товарищей, арестованных вместе со мною?

Священник вопросительно глянул на начальника тюрьмы, тот разрешающе наклонил голову, давая понять: сейчас можно говорить обо всем.

– Кого конкретно вы имеете в виду? – спросил священник.

Рихард понял, что, несмотря на разрешение начальника тюрьмы, вряд ли священник скажет что-либо обо всей группе, да и не знает он ее, поэтому назвал только одно имя:

– Ходзуми Одзаки.

Священник неожиданно вздохнул, потом, вытянув перед собой кисть левой руки, посмотрел на часы, прикрепленные черному лаковому ремешку. Произнес тихо, бесцветным ровным голосом, будто находился на том свете:

– Сорок шесть минут назад, в десять часов пятьдесят одну минуту приговор в отношении господина Одзаки был приведен в исполнение.

В горле Зорге что-то скрипнуло – сил не хватило сдержаться: это было очень похоже на замороженный плач, словно бы внутри у Рихарда что-то сломалось.

Священник молчал, процессия, сопровождавшая начальника тюрьмы, тоже молчала – даже дыхания этих людей не стало слышно, и Зорге молчал. Скрип, сидевший у него внутри, повторился, Зорге стиснула зубы и произнес ровным спокойным голосом:

– Позвольте еще один вопрос?

– Пожалуйста, – священник вежливо наклонил голову.

– Смогли ли немцы оккупировать Советский Союз?

Священник вновь смятенно посмотрел на начальника тюрьмы. У того выпятилась нижняя губа, словно бы он собирался сказать что-то важное, в следующее мгновение он разрешающе наклонил голову, но смятение не исчезло с лица священника: он не знал, как ответить на этот вопрос, какие трюпичные, аморфные слова подобрать, чтобы за них потом не получить нагоняй от начальства.

Процессия тем временем увеличилась, появились люди, чьи лица следовало бы запомнить на всю жизнь, но Зорге уже выплеснул их из своей памяти, навсегда выплеснул, – Оохаси и Аояма.

– В России германских войск уже нет, – в гробовой тишине произнес священник и, качнув головой, словно бы она была непосильна для его худого тела, посмотрел на начальника тюрьмы, потом на Зорге.

От смертника перед приведением приговора в исполнение может последовать любая реакция – любая, кроме одной: безмятежно удовлетворенной улыбки. Зорге улыбнулся широко, лучисто, будто ребенок, которого одарили дорогой игрушкой. Священник опустил голову – человек, стоявший перед ним, был, похоже, сильнее людей, собравшихся в этих бетонных стенах.

НЕВОСПОЛНИМАЯ ПОТЕРЯ

27 июня ушла из жизни Мария Копьева, известная тысячам читателей как писательница Алиса Даншох, автор «Русской мысли»



Время в странстве памяти не имеет единиц измерения. Мы оцениваем наши дни прежде всего по людям, которые их отметили, обозначили, окрасили в определенный цвет. Если эти мужчины и женщины придали нашему бытию, увы, не всегда цветистому и жизнерадостному, новые оттенки, радующие глаз и душу, значит нам повезло. Значит мы выиграли минуты прекрасного обогащающего общения. А может, и целые часы острого счастья, которое дарят человеку мыслящему только умные речи и душевные книги.

Ушла в мир иной, покинув любимых мужа, сына и внуков, Мария Копьева, известная тысячам читателей как писательница Алиса Даншох. Проклятая болезнь, преследовавшая ее много лет, несмотря на непреклонную силу духа этой прекрасной женщины, все-таки взяла свое... Не стало в земном мире еще одного человека – талантливого,

неповторимого, «штучного», как бы сказал незабвенный Геннадий Шпаликов.

Кем была она, наш автор Алиса Даншох, чьи произведения – практически все – были опубликованы в «Русской мысли»? Прозаиком, эссеистом, журналистом-колумнистом?..

Все это сразу, в прекрасном смешении жанров. И главное: она умела рассказывать. И как это делала!.. Однажды мы услышали от нее: «Плох тот, кто полагает, будто мир состоит из атомов. Он сложен из историй, которые надо уметь услышать и передать».

Мария Михайловна Копьева, а точнее Алиса Даншох, мастерски умела слушать и слышать. В своих книгах она не сочиняла звучные мифы и элегантные сказки для профанов, она рассказывала бывальщины для людей неравнодушных, интересующихся историей, литературой, культурой, физиологией и даже кулинарией. Не зря одна из ее первых книг

так и называлась: «Кулинарные воспоминания счастливого детства».

Мария-Алиса, как нам кажется, вовсе не была романтиком, однако ностальгия сильно присутствовала в ее душе. В большой степени это была дань семье, изначально подарившей девушке прекрасное

образование. И благодарность всегда открытому, хлебосольному дому, в котором царила бабушка Вера Алексеевна – премудрая красавица, знавшая все тайны мира, умевшая отстаивать собственное мнение и знавшая, как из сущей малости сотворить на кухне истинные чудеса. Дань школьному детству в Спасопесковском переулке Москвы, в элитной французской спецшколе и, конечно, Институту иностранных языков, еще носившему тогда, в советскую пору, имя Мориса Тореза. Говорила: «Преподаватель французской лексики Ирина Львовна Филимонова была для меня второй мамой...»

В пандан звучит и название еще одной книги Даншох: «Не совсем

в самой старой московской родильне, она лелеяла надежду создать когда-нибудь ассоциацию «Дети Грауэрмана», которая объединила бы «арбатских гениев» всех времен и народов: «Грауэрмановский младенец с первого своего крика становится привилегированным жителем столицы. До Кремля и Красной площади рукой подать; куда ни ступишь, всюду источники духовной жизни бьют. До консерватории два шага, до библиотеки Ленина – три, а в театр Вахтангова и музей Пушкина хоть каждый день ходи, не говоря уже о трех кинотеатрах...»

Вспоминала с наслаждением былые арбатские дворики, проходные арки, кухни с пьянящими запахами, вьющимися из форточек в мороз-

Как загадочная страна Котовия из сочиненной Алисой (наверное, для внуков) сказки про Котика Котовича и принцессу Мышкану.

«Элита никуда не делась, но потеряла свое значение», – вынесла вердикт современному обществу в одном из своих интервью Алиса Даншох. Мария Копьева, а в девичестве Малышева, принадлежала к счастливому, но не самому легкому по отношению к жизни словословию аристократов духа: отец был редактором и переводчиком литературы с турецкого в издательстве «Художественная литература», а мама – редактором популярного музыкального журнала (родители жили в разводе). По праву рождения в семье потомственных интеллигентов свобод-

Алиса Даншох – о «писательской кухне» и творческом вдохновении

«Меня по-прежнему интересуют люди, их истории, судьбы, чувства, переживания. Они по-прежнему удивляют, восхищают и возмущают меня».

«Про “писательскую кухню” практически ничего не знаю. Зато кое-какие секреты у меня имеются – все мои книги, очерки, статьи, эссе написаны с помощью карандашей фирмы Graf von Faber-Castell и ластика, отлично стирающего неудачные мысли. Перефразируя Козьму Прутков, я бы сказала: “Если хочешь быть автором – будь им”».

«Литературная деятельность сродни наркотической зависимости. Очень трудно остановиться».

«Для автора написанные им книги – как дети, которых надо любить, которым надо уделять постоянное внимание. Их нельзя обижать – я стараюсь быть беспристрастной. А вот насколько они успешны – это уже определяют читатели».

«“Поймать вдохновение” – все равно что испытать любовный экстаз. Для меня вдохновение – это сложный физиологический процесс, при котором внутренняя энергия сублимируется в созидательное русло – в выплескивание слов и мыслей на бумагу или в электронное пространство. Чтобы привести в действие вдохновение, нужно испытывать постоянное острое чувство творческого голода и, охотясь на новые впечатления и эмоции, поглощать “соблазнительную еду”, не боясь душевных потрясений, переживаний и трудностей...»

святое семейство из Серебряного переулка». В шуточной анкете, затеянной «Литературной газетой», в графе «Национальность» Даншох ответила: «Космополитанка». Не совсем точно, наша Алиса была «арбаткой», то бишь – аборигенкой Старого Арбата. Неслучайно созданный ею литературный клуб в Романовом переулке получил с ее подачи название «Читальня на Арбате». Рожденная у Грауэрмана,

ном воздухе к трамвайным путям, к кинотеатру «Арс», перелицованному в «Науку и знание», к магазинчику, где торговали черепахами и попугайчиками... «Ах, Арбат, мой Арбат...» Полученное от бабушки и дедушки «арбатство, растворенное в крови», являлось для нее чем-то святым. Грубо земным, но при этом безвозвратно далеким, неосвязаемо небесным, как Вифлеемская звезда над младенцем Иисусом.

ная от корысти, она шла по жизни, не будучи связанной ни кастовой завистью, ни долголетним унижением, генетически застрявшем в крови, ни большевистской жаждой доминирования, подавления чужой воли.

Видя Алису Даншох, мы обычно вспоминали Анну Ахматову: «Без необходимого могу, без лишнего – никогда». Особый талант? Безусловно. Но не только это. Алиса

Даншох чутко и внимательно прислушивалась к себе и к другим людям. Прислушивалась физиологически, психологически. Отсюда выросли ее книги «История болезни, или Дневник здоровья» и «Долгая дорога в страну возрастных изменений». С живой молодой водой, с аксиомой: «Как пожуешь, так и проживешь», со счастливыми долгожителями, которым судьба отмерила век... И, как вишенка на торте, – сенсационные откровения о мужском климаксе: «Женщины не понимают, что они и мужчины не просто разные планеты, а вообще не имеют ничего общего по сущности». На представителей вроде бы сильного пола Мария-Алиса смотрела с затаенной улыбкой. При этом подспудно сочувствовала мужчинам и даже их, как она считала, волевых и амбициозных бедолаг, порой жалела.

Она была человеком принципов. Вспоминала наставления бабушки: «Жених приходит лишь к той невесте, которая его ждет. А приключения – к тому, кто к ним готов». И еще: «Мне важно, чтобы мы с человеком совпадали в том, что кажется смешным». И сама не боялась казаться забавной – еще со времен ее отчаянно смешных скетчей, которые показывала на студенческой сцене в Инязе. Она вовсе не стремилась быть непохожей на других, к чему, не скроем, стремятся некоторые женщины. Ее «необычность» почему-то получалась сама собой – со «старорежимной» манерой тщательно выговаривать и несколько тянуть длинные слова, с кошачьей гибкостью в жестах. Такое бывает...

«Пишу о том, что мне интересно», – говорила Алиса Даншох. А интересно ей было очень многое. «Мечом нитки не разрубает. Я пишу карандашиком, возвращаясь потом к рукописи много крат, – рассказывала она о своей творческой

мастерской. – Идею новой книги может мне подсказать и «гений места», тем более такого роскошного, как Лазурный Берег, или Флоренция, а может и просто старая инкунабула – книга, найденная где-то на блошином развале в маленьком городке...»

Постоянно творить, легко и остроумно отдаваясь замыслам и идеям, меняющимся со скоростью узоров калейдоскопа, было для нее поначалу профессиональной потребностью, а потом – своеобразной формой борьбы с затянувшейся болезнью.

Фонд «Арт-линия», проводивший сотни концертов детей-музыкантов в России и за рубежом, воспитавший настоящих, именитых артистов, – ее замысел. «Русская бессонница» в Царицыно, «Тайники русской души» – это тоже она, Алиса в стране рождаемых ею прекрасных реалий. Фестиваль «Императорских садов России»? И здесь ничего не могло состояться без Даншох. Без ее «Восьми розовых историй», в жизни героев которых цветок розы сыграл ключевую роль...

Оставить после себя полтора десятка книг, переведенных на французский и итальянский языки (скоро выйдет ее книга и на английском), – столь разных, многотомных, но связанных одной и той же авторской интонацией, сразу узнаваемой, – мог только человек абсолютно незаурядный.

Необычны и записки (язык не поворачивается назвать их «путевыми», они гораздо глубже) Алисы Даншох «Флоренция. Вид с холма» и «Истории из пропавшего чемодана. Мифы Лазурного Берега». Чемодан у писательницы не только с надежной ручкой, но и с крепкими замочками. Тот, кто жив и гибок умом, быстро найдет к ним ключи и откроет для себя в бауле таких персонажей, как Мережковский и Кокто,

Бродский и Чайковский, Достоевский и Блок...

Как заканчивается один известный итало-американский фильм: «Жизнь не кончена, пока у тебя есть хотя бы одна история и тот, кому можно ее рассказать». У Алисы Даншох таких историй – море. Они объединены в искусную вязь, сотканы в оригинальное полотно, и вот в чем феномен. Читая ее книги, даже те люди, которые прожили не один год во Франции и в Италии, все равно ловят себя на ощущении, что они постигают нечто неизведанное. Ибо Алиса Даншох в «чемоданных историях» не только открывает для, казалось бы, знатоков неизменно новое, но и заставляет всех нас иначе думать – о мире и о себе.

Мария Копьева всего несколько месяцев не дожила до своего юбилея. Но несмотря на невосполнимую потерю, «Читальня на Арбате» вновь соберется в сентябре. На этот раз – в Саратове, городе пращуров Марии Михайловны. Выйдет в свет и ее новая книга, ведь она до последнего дыхания работала над семейной сагой, издание которой планировалось к золотой свадьбе с Вячеславом Всеволодовичем Копьевым.

«Я верю в закон сохранения энергии», – сказала в одном из своих многочисленных интервью писательница Алиса Даншох. Если энергия ее трогательной любви к родным и близким помогала Марии Копьевой бороться с болезнью, то творческая энергия Алисы Даншох заряжала ее неизбывным желанием работать: писать, помогать людям, воспитывать детей... Умению творить добро и любить людей Алиса Даншох, она же Мария Копьева, учила и нас.

Мир ее праху! Будем помнить!

Редакция журнала
«Русская мысль»



ПРЕКРАСЕН ИХ СОЮЗ!

Писатели и журналисты, формировавшие в начале XX века духовный мир России, после 1917 года практически полностью переехали во Францию. В Париже сложился особый «русский мир», мало кто из русских литературных корифеев сумел стать частью французской литературной жизни. Во Франции жили и творили Иван Бунин и Александр Куприн, Борис Зайцев и Дмитрий Мережковский, Георгий Иванов и Марина Цветаева, Евгений Замятин и Тэффи... Первые шаги сделали во Франции и молодые литераторы так называемого незамеченного поколения: Гайто Газданов, Нина Берберова, Борис Поплавский... Один за другим возникали литературные и литературно-общественные объединения, выходили литературные журналы и другие издания, печатавшие произведения русских парижан.

Образование организации, объединяющей звездный цех российских авторов во Франции, являлось лишь вопросом времени, и это рано или поздно должно было произойти. Союз русских писателей и журналистов (первоначально – Союз русских литераторов и журналистов) был создан в Париже в июле 1920 года. Первым председателем Союза был избран Иван Бунин (с 1933 года – почетный член). В 1921 году будущего нобелевского лауреата сменил Павел Милюков, возглавивший в том же году выходившую в Париже газету «Последние новости». Милюков – книжник, историк, культуролог – оставался бессменным председателем Союза на протяжении многих лет.

В разные годы членами правления организации были Александр Куприн, Иван Шмелев, Дон Аминадо,



Саша Черный, Марк Алданов... Организационная и благотворительная деятельность, направленная на поддержку нуждающихся литераторов, а также просветительская деятельность были главными задачами Союза. Проводились платные концерты и творческие вечера. С 1923 года в помещении созданного при Союзе клуба регулярно организовывались балы русской прессы. С 1924 года ежегодно устраивались Пушкинские праздники, приуроченные ко дню рождения великого поэта. Их называли «Днями русской

культуры». Совместно с Комитетом помощи русским писателям и ученым, созданным в 1919 году, Русским академическим союзом и Народным университетом был проведен специальный разовый выпуск газеты «День русской культуры».

Впрочем, в двадцатые годы в Париже возникают и другие русские профессиональные организации: Объединение русских адвокатов во Франции, Общество русских врачей имени Мечникова, Союз русских инженеров...



Русские были не только таксистами и рабочими автомобильных заводов «Рено» – они присутствовали во всех сферах жизни французского общества.

Союз русских писателей и журналистов просуществовал до 1940 года, вплоть до гитлеровской оккупации Франции.

ШКОЛА МЕДИА-ПРОЕКТОВ

В Театральном музее имени А. А. Бахрушина стартовал новый образовательный проект – Школа медиапроектов, реализуемый совместно с факультетом журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова.

Этот масштабный проект – часть долгосрочной стратегии

Бахрушинского музея по поддержке и развитию профессиональных коммуникаций в сфере культуры. Основная цель Школы медиапроектов – подготовка нового поколения медиаспециалистов, способных к осмысленному, глубокому и креативному освещению тем, связанных с театром, историей и музейным делом.

Участниками Школы стали студенты факультета журналистики МГУ – как бакалавры, так и магистранты. Уже в первый день программы для участников была организована специальная экскурсия по выставке аукционного дома VLADEY, проходящей в двухэтажном выставочном пространстве музея. Экскурсия стала для студентов первым знакомством с обновленными интерьерами и техническими возможностями пространства – представлением о том, каким может

быть современный музей, открытый для новых форматов работы и взаимодействия.

Как отмечает генеральный директор Бахрушинского театрального музея Кристина Трубинова: «В условиях стремительных изменений медиасреды, когда различия между традиционными и цифровыми форматами все менее ощутимы, особую ценность приобретает содержательный, профессиональный и заинтересованный

разговор о культуре. Школа медиапроектов – ответ на актуальный запрос времени и шаг к формированию устойчивого диалога между музейным сообществом и молодыми специалистами в сфере медиа. Наша задача – чтобы культура звучала уверенно, современно и точно, находя отклик у широкой аудитории».

Декан факультета журналистики МГУ Елена Варганова подчеркивает, что современным музеям особенно необходимы специалисты, способные уверенно работать в новых медиареалиях: «Сегодня музеям необходимы профессионалы, которые могут адаптироваться к новым условиям цифровой среды. Специалисты должны обладать не только знаниями в области искусства, но и компетенциями в сфере цифровых медиа, чтобы сохранять

историческую память и наши общие ценности».

Школа медиапроектов, по словам Кристины Трубиновой, – не просто образовательный курс, а платформа для построения долгосрочного взаимодействия между культурными институциями и медийным сообществом.

Школа медиапроектов – это шаг навстречу новому формату культурной коммуникации, современному подходу к медиапродвижению и воспитанию медиаграмотности в культурной среде.

«ЛЕТО. МУЗЫКА. МУЗЕЙ»

«Лето. Музыка. Музей». Так называется музыкальный фестиваль в Новом Иерусалиме.

«И снова наш удивительный праздник у подножия Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, одного из наиболее святых мест Подмосковья, – говорит композитор Максим Дунаевский, президент фестиваля. – В восьмой раз! Пять дней встречи с музыкой. Люди приезжают сюда не просто на концерт, но и чтобы посмотреть выставки, отчасти связанные с музыкальной тематикой. В этом году тема и музейных экспозиций, и музыкальных программа, представленных зрителям, общая и говорит о многом: 80-летие Великой Победы. Этим объясняется выбор композиторов и их произведений».

Да, страшные годы Великой Отечественной войны разделили всю жизнь страны на «до» и «после». Музыканты, композиторы не могли оставаться безучастными: кто-то был на передовой, кто-то оказался в тылу... Но все продолжали быть верными русской музыке, все продолжали творить.



«Память о войне запечатлелась в поистине великих произведениях, – рассказывает «Русской мысли» Дмитрий Юровский, младший представитель знаменитой династии российских музыкантов, художественный руководитель фестиваля и дирижер Государственного академического симфонического оркестра России имени Е.Ф. Светланова. – Поэтому в центре нашей программы – произведения Дмитрия Шостаковича, Арама Хачатуряна, Сергея Прокофьева... Мы бережно остаемся верны классике, но в этом году на

берегах Истры прозвучит и музыка кино. Это кантата Прокофьева «Александр Невский», его музыка к «Ивану Грозному» – фильмам Сергея Эйзенштейна, – и произведения Исаака и Максима Дунаевских, написанные для кино.

Исполнять все это станут Оркестр Московского театра Новая опера имени Е.В. Колобова и Российский государственный симфонический оркестр кинематографии. Не говоря уже о таких именитых солистах, как Вадим Репин (скрипка), Филипп Колпачевский (фортепиано), Екатерина Мечетина (фортепиано)».

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

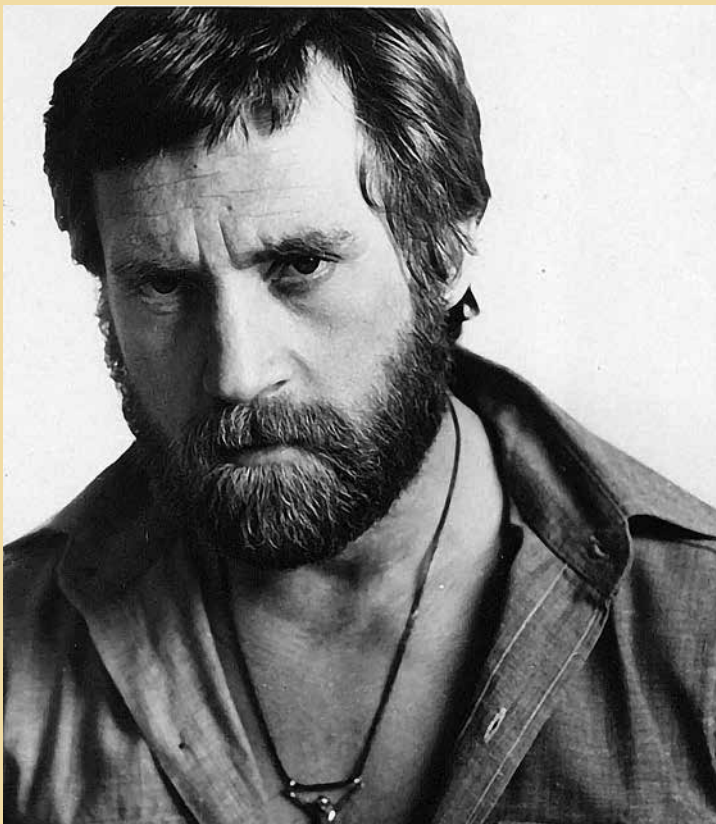
Все его творчество пронизывает страсть к вневременной России

В. РЫБАКОВ

В сущности, он был счастливым человеком. Ему хлопали все, его любили почти все. А ведь Высоцкий был опасен для самой опасной в мире власти. Он смущал, подкалывал, вызывал тревогу, заставлял вспоминать, что мы лучше, чем нам кажется. От его песен было трудно всем – и всем хорошо. Если некоторые его песни и устают, то только тогда, когда коммунизм станет историческим прошлым. Большинство же его песен останется в России навсегда.

Его любили в КГБ, где хотели посадить. Милиция носила его на руках, с надеждой, с опаской или ожидая приказа уронить его на руки судей. Даже кто-то в ЦК, даже как будто кое-кто в Политбюро слушали его, считая белый звук все-таки красным, странный хрип все-таки своим, хотя он всегда был полностью чужим.

Его с одинаковым волнением слушали и гэбист, и диссидент, колхозник, читающий «Правду», и ни во что уже не верящий работника. И все это ставит Высоцкого как бы над всеми нами, а вернее,



доказывает, что он проник в человека так глубоко, как не сумела этого сделать никакая власть. Один лечит им свою совесть, другой дополняет им свою честность, третий заполняет ставшую тяжелой пустоту, четвертый усиливает надежды, пятый – гордость, миллионы, слушая, двусмысленно усмеваются. Один парень мне как-то сказал: «То ли плюнуть себе в душу, то ли в морду парторга».

Высоцкий хлестал мягко, но ядовито и глубоко. Он всегда боролся против временного в нас, с его текущими ценностями, не устывая напоминать о существовании в нас непреходящих духовных ценностей, русских и христианских.

Он был гениальным бардом, и, назвав его поэтом, как это делают многие, можно разве что оказать ему дурную услугу. У строк Высоцкого без гитары, без пения нет своего собственного бесконечного и тайного звучания, нет внутренней музыкальной жизни. Не стоит из любви к нему или к себе превращать его неповторимые песни в средние стихи.

Высоцкий любил свою Россию и свой народ, он хотел разбудить ее, его, себя. Он издевался порой так, что в голове становилось скверно. Но глупа была бы мысль – подозрение, что он презирает. Он только укрощал свою боль.

Высоцкий был историческим патриотом, историческим, поскольку все его творчество пронизывает страсть к вневременной России, и каждый может найти в его песнях себя сегодня и себя всегда.